

ВРЕМЯ ИДМБТ 88 1986

ПРОФЕССОР ДЖОН ГЛЭД БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА,
АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И У МАРИИ РОЗАНОВОЙ. БЕСЕДЫ В ИЗГНАНИИ.

ИКОНОБОРЧЕСТВО И ТРАДИЦИИ

ВРЕМЯ И МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Двенадцатый год издания

Выходит один раз
в два месяца

88
1986

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1986

ИЗДАТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ИЛЬЯ ГОЛЬДЕНФЕЛЬД	ИЛЬЯ СУСЛОВ
АРОН КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН	ДОРА ШТУРМАН
ЛЕВ НАВРОЗОВ	ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ
ВОЛЬФГАНГ ЗЕЕВ РУБИНЗОН	ЕФИМ ЭТКИНД

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boieldieu, 92800
PUTEAUX, FRANCE

Представитель журнала
в Западном Берлине
Juscwa Mischijew
Amsterdamerstr. 14
1000 Berlin 65

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Милан КУНДЕРА
Непереносимая легкость бытия. 5
Вацлав ГАВЕЛ
Прием. 33

ПОЭЗИЯ

Владимир ВИШНЯК
Израильская сюита. 57
Станислав ДУМИН
Знак мессианства и изгнания. 73
А.ГОСПОЛЕДЬ
Болеро. 81

ПУБЛИЦИСТИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА

Владимир СОЛОВЬЕВ, Елена КЛЕПИКОВА
Борьба в Кремле: от Андропова до Горбачева. 88
Борис МОЙШЕЗОН
Карьера и честность ученого. 120
Соломон ЦИРЮЛЬНИКОВ
Израиль — год 1986-й. 134

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Андрей СИНЯВСКИЙ, Мария РОЗАНОВА
Антизападничество в современных условиях —
это антикультура. 145
Владимир МАКСИМОВ
Запад "перемывает портянки" нашей
разночинной интеллигенции. 168
Из цикла "Беседы в изгнании" профессора Джона Глэда

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

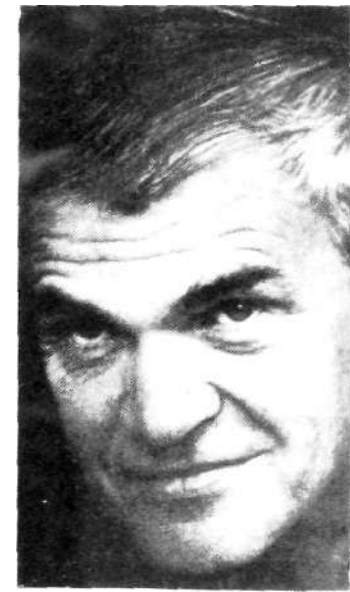
Владимир Бурцев
"Сионские мудрецы" и русские антисемиты. 188

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Израэль ШАМИР
Одиссея кавалера Лоуренса. Песнь IX. Циклоп. 212

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"

Мир и фантазия художника. 234

Милан КУНДЕРА

НЕПЕРЕНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

О том, как умер сын Сталина Яков, мы смогли узнать лишь в 1980 году из сообщения газеты "Sunday Times". Попав во время Второй мировой войны в плен и оказавшись в немецком лагере, он жил вместе с пленными английскими офицерами.

В их бараке была общая уборная, и, опорожняясь, сын Сталина постоянно оставлял ее после себя грязной.

Англичанам было явно не по себе от этого вымазанного дерьмом туалета, даже несмотря на то, что это было "высокопоставленное" дерьмо и принадлежало сыну одного из самых могущественных людей на свете.

Однажды англичане ему сделали выговор — он оскорбился. Они выговаривали ему снова и снова, заставив чистить после себя толчок. Он пришел в ярость, обругал их и даже полез на них с кулаками. Наконец, он попросил начальника лагеря принять его и рассудить это дело, но чванливый немец отказался разглагольствовать о дерьме.

Сын Сталина не мог перенести унижения. Лагерь, куда его

Глава из одноименного романа

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

©"Время и Мы"

ISSN 0737-7061

заточили, был обнесен колючей проволокой, находившейся под током высокого напряжения. С десятиэтажным матом на устах он с разбега бросился на высоковольтную ограду и мгновенно был убит пропущенным через нее током. Его тело, которое уже больше никогда не изгадит англичанам туалет, словно приклеенное, так и осталось беспомощно висеть на лагерной ограде.

2

Жизнь у сына Сталина не была легкой. Он был сыном женщины, которую, по всем имеющимся данным, Сталин прикончил собственными руками. Можно сказать, что молодой Сталин был также сыном Божьим, потому что отцу его поклонялись, как богу, но одновременно он был отвергнут им. Люди боялись его вдвойне: он мог нанести им вред и своим влиянием (он все же был сын Сталина) и своей дружбой (отец вместо отверженного сына мог наказать его друзей). Привилегии и отверженность, взлет и падение ... — никто и никогда не почувствовал более отчетливо, чем сын Сталина, насколько эти понятия взаимозаменяемы, и что в действительности один полюс человеческого существования отделяет от другого лишь один шаг.

Сразу же в начале войны его взяли в плен немцы, а пленные другой страны, которые всегда были ему неприятны своей чванливой замкнутостью, обвинили его в нечистоплотности. Он, несший на своих плечах трагедию, самую тяжкую из всех, что можно было представить (ведь он был и сыном Божьим и отвергнутым ангелом), оказался перед необходимостью быть судимым не за возвышенные дела Бога и ангелов, а из-за дерьма, которым был вымазан лагерный толчок. Неужели, действительно, так ничтожно расстояние от величайшей драмы до самого низменного? Так головокружительно близко! А разве близость может вообще вызвать головокружение? Может,

Если Северный полюс приблизится к Южному на расстояние одного прикосновения, то земной шар исчезнет, и человек, оказавшись в пустоте, которая вызовет у него головокружение, полетит в пропасть.

Если отверженность и привилегии — одно и то же, если исчезнут различия между вознесенными и падшими и если сын Божий может быть судим за то, что обсирал толчок, то человеческое существование вообще утратит смысл и станет непеносимо легким.

В такую минуту сын Сталина с разбега бросится на колючую проволоку, сквозь которую пропущен электрический ток. Он бросит на нее свое тело, как на чашу весов, которая жалко торчит над высоковольтной оградой, вознесенная в бесконечно легком, утратившем привычные масштабы мире.

Сын Сталина покончил с собой из-за дерьма. Но смерть из-за дерьма — это не бессмысленная смерть. Немцы, которые усеяли своими трупами Россию, чтобы раздвинуть границы своей империи на Восток, русские, которые умирали за то, чтобы их власть распространилась все дальше на Запад... — да, эти умирали ни за грош, их смерть бессмысленна, ибо не имеет общего значения. Смерть сына Сталина среди всеобщего идиотизма войны была исполнена метафизического смысла.

3

Когда я был маленький и разглядывал Библию, изданную специально для детей и украшенную гравюрами Густава Доре, я видел на ее обложке Господа Бога. Это был старый мужчина, у него были глаза, нос, борода. И тогда я подумал, что, раз у него есть рот, это значит, что он должен потреблять пищу. А если он потребляет пищу, то у него должен быть также желудок. Я тотчас испугался этой мысли, потому что, даже будучи ребенком из неверующей семьи, я понимал, что рисовать в сознании кишечник Бога — кощунство.

Не имея никакой теологической подготовки, я уже тогда совершенно стихийно понимал несовместимость Бога и дерьма. И поэтому у меня возникли сомнения относительно основного тезиса христианской антропологии, а именно, что человек создан по образу и подобию Божьему. Либо одно, либо другое. Либо человек создан по образу Божьему, и тогда у Бога есть кишечник. Или у Бога нет кишечника, и тогда человек не похож на него.

Древние гностики понимали это так же хорошо, как и я в мои пять лет. Валентин из Египта уже во втором столетии, пытаясь разрешить эту проклятую проблему, говорил, что Иисус пил, ел, но не испражнялся. Дерьмо, испражняемое человеком, — это одна из серьезнейших теологических проблем, более сложная, чем, скажем, зло. Бог дал человеку свободу, и мы можем, в конце концов, допустить, что Он не отвечает за преступления человека. Ответственность за дерьмо, однако, несет только тот, кто породил человека.

4

Святой Иероним в IV веке полностью отвергал идею сокоупления Адама и Евы в раю. Иоанн Скотт Эуригена, великий теолог IX века, наоборот, эту мысль допускал. Он представлял, однако, что половой орган Адама поднимался приблизительно так же, как поднимается рука или нога, то есть, когда он хотел и как он хотел.

Давайте не будем усматривать в этом извечную мечту мужчины, одержимого угрозой импотенции. Идея Скотта Эуригены имеет совершенно иной смысл. Если можно поднять орган по приказу мозга, — это означает, что отпадает всякая необходимость в возбуждении человека. Половой орган поднимается не потому, что мы возбуждены, а потому, что повинуются нашему приказу.

Возбуждение было несовместимо с раем. В раю существовало наслаждение, но не возбуждение. В соображениях Эуригены мы можем найти ключ к какому-то теологическому оправданию — теодицеи дерьма. Пока человек мог оставаться в раю, он, аналогично Иисусу в представлениях Валентина, либо не испражнялся, либо — что более вероятно — дерьмо в раю не воспринималось как нечто отвратительное.

В момент, когда Бог изгнал человека из рая, он дал ему возможность познать отвращение — человек начал скрывать то, чего он стыдился. А в момент, когда он сбросил с головы покрывало, его ослепило великое сияние. Таким образом, вскоре после познания отвращения человек познал и возбуждение. Без дерьма (в прямом и переносном смысле слова) не было бы той половой любви, какую мы знаем и которая сопровождается биением сердца и ослеплением чувств.

Я рассказывал в третьей части этого романа о полуголой Сабине, о том, как она с цилиндром на голове стоит рядом с одетым Томашем. Но кое о чем я тогда умолчал: когда она смотрела на себя в зеркало и была возбуждена от того, что выглядела такой смешной, в ее сознании вдруг вспыхнула странная картина: Томаш сажает ее, одетую все в тот же цилиндр, на унитаз, и она начинает перед ним испражняться. В ту минуту сердце ее стало учащенно биться, сознание помутилось, она повалила Томаша на ковер и закричала от пронзившего ее наслаждения.

5

Спор между теми, кто считает, что мир создан Богом, и теми, кто полагает, что он возник сам по себе, касается чего-то такого, что выходит за рамки нашего разума и опыта. Гораздо более явственно различие между теми, кто сомневается, что человеку было дано бытие (как-либо или кем-либо) от тех, кто с этим утверждением безоговорочно соглашается.

Всем европейским верованиям — религиозным и политическим — предшествовала первая часть — "Бытие", из которого вытекает, что мир создан верно, что бытие прекрасно само по себе и что размножаться, следовательно, разумно и необходимо. Назовем эту основную веру категорическим согласием с бытием. Если еще недавно слово "дерьмо" обозначалось в книгах точками, то это делалось не по соображениям нравственности. Никто же не будет утверждать, что "дерьмо" — безнравственно. Неприятие дерьма носит метафизический характер. Момент испражнения — это повседневное доказательство неприятия творения. Либо — либо! Либо дерьмо приемлемо, и тогда не надо закрываться в туалете. Либо сам человек сотворен неприемлемым образом. Из этого вытекает, что эстетическим идеалом категорического согласия с бытием является мир, в котором дерьмо раз и навсегда попрано, и все ведут себя так, как будто его никогда и не существовало. Эстетический идеал такого рода носит название "кич". Это немецкое слово, которое возникло в середине сентиментального XIX века и вошло почти во все языки. Из-за частого применения этого слова стерлось его изначальное метафизическое значе-

ние. То есть "кич" — это абсолютное попрание дерьма и в прямом и в переносном смысле слова. "Кич" исключает из своего поля зрения все то, что не приемлет в человеческом существовании.

6

Первый пробудившийся в Сабине протест против коммунизма носил не этический, а эстетический характер. Ее отталкивали не столько безобразия коммунистического мира (уничтоженные замки, которые превращались в стойла), сколько маска красоты, которую этот режим надевал на себя, иными словами, ее отталкивал коммунистический "кич".

Моделью этого "кича" является праздник, называемый Первым Маем. Сабина наблюдала первомайские демонстрации, когда люди были еще воодушевлены или притворялись воодушевленными. Женщины были одеты в красные, белые и синие блузки. И когда на них смотрели с балконов или из окон, видны были многочисленные узоры, украшавшие колонны: пятиконечные звезды, сердца, буквы.

Впереди отдельных колонн демонстрантов шли небольшие оркестры, исполнявшие марши. Когда колонны приближались к трибуне, даже на самых скучающих лицах появлялись улыбки, словно их обладатели хотели подтвердить, что их радость взаимная, и своим видом они хотели продемонстрировать полное согласие. И дело было не только в политическом согласии с коммунизмом, а в согласии с бытием, как таковым.

Праздник Первого Мая питался из глубокого колодца категорического согласия с бытием. Ненаписанным, невысказанным лозунгом этой демонстрации был не "Пусть живет коммунизм", а "Пусть живет жизнь". Сила и коварство коммунистической политики заключались в том, что она присвоила себе этот лозунг. Именно эта идиотская тавтология — "Пусть живет жизнь" — притягивала к коммунистическим колоннам тех, кому идеи коммунизма были совершенно безразличны.

7

Через десять лет, когда Сабина уже жила в Америке, она ехала в огромном автомобиле американского сенатора, который был другом ее друзей. На заднем сидении машины теснилось четверо его детей. Сенатор остановился. Дети выскочили из машины на траву и помчались по огромному зеленому ковру в направлении стадиона с искусственным катком. Сенатор мечтательно глядел вслед бегущим малышам и затем обратился к Сабине: "Посмотрите на них! — он описал рукой круг, который должен был охватить и стадион, и газон, и детей. — Вот это я называю — счастье!"

В его словах ощущалась не только радость от того, что дети безмятежно бегут по этому бескрайнему зеленому ковру, и как привольно растет здесь трава, он обращался при этом к женщине, которая приехала из страны коммунизма, где, по убеждению сенатора, трава не растет и дети не бегают. И именно в эту минуту Сабина представила его на трибуне Пражской площади. И она увидела на его лице точную копию улыбки, с которой выступали коммунистические государственные деятели с высоты своей трибуны и обращались к точно таким же улыбающимся гражданам, шагающим внизу в колоннах с оркестрами.

8

Откуда сенатор знал, что дети — это и есть счастье? Разве ему было известно, что у них на душе? А что, если в эту минуту, когда они исчезли из его поля зрения, трое из них бросились на четвертого и начали его бить? У сенатора был только один аргумент в пользу его утверждения — это его чувство.

Когда говорит сердце, неприлично, чтобы возражал ум. В империи "кича" правит диктатура сердца. Чувство, которое порождает "кич", должно быть, однако, таким, чтобы его могло разделять как можно большее количество людей. Поэтому "кич" не может зиждиться на необычной ситуации. Он всегда основывается на базисных, стереотипных картинах, которые врезались в память людей: "неблагодарная дочь", "брошенный отец", "дети, которые бегут по газону", "преданная Родина", "воспоминания о первой любви". "Кич" всегда трогателен и вызывает слезы, каждая из которых исполнена зна-

чения. Первая слеза как бы вещает: "Как это прекрасно! Дети бегут по газону!" Вторя ей, вторая слеза продолжает: "О, как это прекрасно — чувствовать себя растроганным в момент, когда дети бегут по газону!" И именно эта вторая слеза превращает "кич" в "кич". Братство всех людей мира можно будет построить лишь на "киче".

9

Никто не понимает этого лучше политиков. Когда они видят фотоаппарат, они тотчас устремляются к близстоящему ребенку, подбрасывают его вверх и целуют в щеку. "Кич" — это эстетический идеал всех политиков, всех политических партий и движений. В обществе, где рядом друг с другом существуют различные политические направления, и их влияние таким образом взаимно нейтрализуется, мы еще в состоянии избежать инквизиции "кича". Личность может сохранить свою индивидуальность, и художник способен создать совершенно неожиданные произведения. Однако там, где одно-единственное политическое движение обладает неограниченной властью, мы сразу же оказываемся в империи тотального "кича". Когда я говорю "тотального" — это значит, что все, что нарушает "кич", исключается из жизни: каждое проявление индивидуализма (потому что любое отличие — это плевков в лицо улыбающемуся братству); каждое сомнение (потому что каждый, кто начнет сомневаться в мелочах, может кончить сомнением в жизни как таковой); ирония (потому что в империи "кича" ко всему необходимо относиться совершенно серьезно). Но в то же время — "кичу" бросают вызов и мать, которая оставила семью, или муж, который отдает предпочтение мужчинам перед женщинами и ставит тем самым под угрозу святой лозунг "Любите и размножайтесь!". С этой точки зрения мы можем воспринимать ГУЛАГ как своего рода гигиеническую яму, куда тоталитарный "кич" выбрасывает свои отходы.

10

Первое десятилетие после Второй мировой войны было временем страшнейшего сталинского террора. Тогда за какую-то глупость арестовали отца Терезы, а ее, десятилетнюю

девочку, выбросили из квартиры. В тот же период двадцатилетняя Сабина училась в Академии изобразительных искусств. Профессор марксизма объяснял ей и ее однокурсникам один из тезисов социалистического искусства: советское общество уже достигло такого уровня, что основной конфликт в этом обществе — это не конфликт между хорошим и плохим, а конфликт между хорошим и лучшим. Дерьмо (то есть то, что по сути своей неприемлемо), могло таким образом существовать только в другом лагере (например, в Америке), и только оттуда, извне, как нечто чужеродное (например, в виде шпионов) проникать в мир "хороших и лучших". И, действительно, советские фильмы, которые именно в эти страшнейшие годы наводнили кинотеатры всех коммунистических стран, были проникнуты совершенно невероятной невинностью мнения. Самый острый конфликт, который мог произойти, — это было любовное недоразумение: он считал, что она его уже не любит, тогда как она то же самое думала о нем. К концу фильма он и она падали друг другу в объятия, и по их лицам текли слезы счастья.

Официальная интерпретация этих фильмов сейчас такова: в то время показывался коммунистический идеал, тогда как коммунистическая реальность пока отставала.

Сабина восставала против такого объяснения. Когда она представляла себе, что мир советского "кича" мог стать реальностью, и ей пришлось бы жить в этих условиях, она покрывалась холодным потом. Без колебаний она отдала бы предпочтение жизни при коммунистической диктатуре с преследованиями и очередями за мясом. В условиях подобного режима еще можно существовать. В мире осуществленного коммунистического идеала, в этом мире улыбающихся идиотов, Сабина умерла бы через несколько дней.

Мне кажется, что чувство, которое вызывал в Сабине советский "кич", было похоже на тот ужас, который переживала Тереза, когда ей снилось, что она идет за голыми женщинами вокруг бассейна и ее заставляют петь веселые песни.

Под водной гладью бассейна плавают трупы. Тереза не может заговорить ни с одной из женщин, не может задать им ни одного вопроса, ибо в ответ услышит лишь очередную строку

из распеваемых ими песен. Она не может даже тайно подмигнуть ни одной из них. Они сразу же укажут на нее стоящему возле бассейна человеку, который тотчас пристрелит ее. Сон Терезы показывает подлинную функцию "кича". "Кич" — это ширма, прикрывающая собой смерть.

11

В империи тотального "кича" все ответы даны заранее, и все они исключают любые вопросы. Из этого вытекает, что вопрошающий человек — это всегда противник тотального "кича". Вопрос — это нож, который разрезает расписанное полотно декорации, чтобы мы могли увидеть все, что скрывается за ней. Так, собственно, когда-то Сабина объяснила Терезе смысл своих картин. Впереди понятная ложь, а сквозь нее просвечивается непонятная правда. Однако те, кто борется с так называемым тоталитарным режимом, вряд ли могут бороться лишь сомневаясь и задавая вопросы. И им необходимы простая правда и убеждения, которые были бы понятны как можно большему числу людей и обладали способностью заставить толпу прослезиться.

Однажды одна из политических организаций Германии устроила Сабине выставку. Сабина взяла в руки каталог, в нем она увидела свою фотографию, а поперек портрета была нарисована колючая проволока.

В каталоге была напечатана и ее биография, которая походила на жития мучеников и святых: она страдала, она боролась против несправедливости, она вынуждена была оставить свою измученную родину и продолжать сражаться на чужбине. "Своими картинами она борется за свободу", — это были последние слова текста. Сабина протестовала против этих слов, но ее не понимали. "А разве неправда, что при коммунистическом режиме современное искусство преследуется? Сабина раздраженно ответила: "Мой враг — не коммунизм, а "кич"!"

С того времени она стала рассказывать о себе более туманно и позже, когда она оказалась в Америке, ей даже удалось скрыть, что она чешка. Это было отчаянной попыткой сбежать от "кича", в который люди хотели облачить ее жизнь.

12

Она стояла перед пюпитром с расписанным полотном. За ее спиной в кресле сидел пожилой мужчина и наблюдал за каждым мазком кисти. Потом он посмотрел на часы, "Я думаю, что нам нужно идти!" — сказал он. Сабина отложила палитру и скрылась в ванной.

Двери студии открывались прямо на загон. Напротив студии стоял деревянный дом с освещенными окнами на первом этаже. Эти светящиеся окна на фоне уходящего дня волновали Сабину. Всю жизнь она утверждает, что ее врагом является "кич", но разве она сама не несет его в себе.

Ее "кич" — это картина дома, спокойного, сладкого, гармоничного, где правят добрая мать и мудрый отец. Эта картина проснулась в ней после смерти ее родителей. И чем меньше ее жизнь походила на этот сладкий сон, тем большим было его обаяние. Сабина часто плакала, когда видела по телевизору сентиментальную историю о том, как неблагодарная дочь обнимала брошенного отца и когда в ночных сумерках светились окна дома, в котором жила обретшая счастье семья.

С этим пожилым человеком Сабина познакомилась в Нью-Йорке, он был состоятелен и увлекался живописью. Жил он со своей женой в загородной вилле. Напротив виллы, на ее же территории, стояла старая конюшня. Он переоборудовал ее в студию для Сабины. Пригласил ее туда работать и целыми днями наблюдал за движениями ее кисти. Сейчас все трое сели ужинать. Пожилая дама называет Сабину "доченькой". А по всем признакам дело выглядит совершенно иначе: Сабина тут — мама с двумя детьми, которые зависят от нее, восхищаются ею и были бы готовы ее слушаться, если бы она захотела приказывать им. Можно сказать, что на пороге старости она вновь обрела родителей, от которых когда-то вырвалась, или что в конце концов она нашла детей, которых у нее никогда не было. Она понимала, что все это иллюзия и что ее пребывание у старичков — всего лишь короткая остановка. Пожилой человек серьезно болен, а его жена, если останется без него, уедет к сыну в Канаду.

Путь Сабины будет продолжаться дальше, и в непереносимую легкость бытия из глубины ее души время от времени

будет проникать сентиментальная песня о двух светящихся окнах, за которыми живет счастливая семья. Эта песня не оставляет ее равнодушной, но Сабина не принимает свое впечатление всерьез. Она хорошо знает, что эта песня — прекрасная ложь. В минуту, когда ты понимаешь, что "кич" — это ложь, ты оказываешься в контексте "антикича". Он теряет свою гипнотическую силу и становится трогательным, как любая иная человеческая слабость. Никто из нас не сверхчеловек, и поэтому не в состоянии полностью избежать влияния "кича". Как бы мы его ни презирали, "кич" живет внутри каждого из нас, он проистекает из самой сути человека.

13

Источник "кича" — это полное согласие с бытием. Но что является основой бытия? Бог? Человек? Борьба? Любовь? Мужчина? Женщина? Взгляды на это совершенно различны. И потому существуют совершенно различные "кичи": католические, протестантские, еврейские, коммунистические, фашистские, демократические, феминистские, европейские, американские, национальные, интернациональные... Со времен французской революции одна половина населения Европы называется " л е в о й", вторая половина получила название " п р а в ы х". Почти невозможно определить одну или вторую половину какими-то теоретическими принципами, из которых они вроде бы исходят. И нет ничего удивительного в этом. Политические движения зиждятся не на рациональных позициях, а на представлениях, картинах, словах, типажах, которые все вместе создают тот или иной п о л и т и ч е с к и й "к и ч".

Представление о Великом Походе, которым упивается Франц, — это политический "кич", объединяющий левых всех времен и направлений. Великий Поход — это величественный путь вперед, путь к братству, к равенству, к справедливости, к счастью и еще далее, несмотря на все препятствия, потому что препятствия обязательны, иначе поход не будет великим.

Диктатура пролетариата или демократия? Отказ от изобилия или увеличение производства? Гильотина или отмена смертной казни? Все это несущественно! То, что делает левого левым — это не та или иная теория, а его способность

превратить любую теорию в составную часть "кича", который называется "Великий Поход вперед".

14

Франц, однако, не является человеком "кича". В его жизни представление о Великом Походе играет приблизительно такую же роль, как сентиментальная песня о светящихся окнах в жизни Сабины. За какую политическую партию голосует Франц? Я опасаясь, что он не голосует вообще, а в день выборов скорее всего уезжает в горы. Это, однако, не означает, что Великий Поход не производит на Франца впечатления.

Было великолепно мечтать, что мы являемся составной частью марширующих масс, которые на протяжении веков идут вперед, и Франц никогда не забывал этот чудесный сон.

Однажды ему из Парижа позвонил друг: устраивают Поход в Кампучию и приглашают его присоединиться. В то время в Кампучии только закончилась гражданская война. Американские бомбардировки, зверства кампучийских коммунистов, которые снизили численность населения страны на одну пятую и, наконец, оккупация соседним Вьетнамом, который к тому времени стал уже просто марионеткой в руках России. В Кампучии свирепствовал голод, и люди гибли, не имея возможности получить медицинскую помощь. Международная организация врачей уже неоднократно требовала разрешения послать своих представителей в Кампучию. Однако, вьетнамцы продолжали отказывать. Поэтому виднейшие западные интеллектуалы решили организовать поход к кампучийским границам и с помощью этого великолепного зрелища, которое должно было разыграться на глазах у всего мира, вырвать разрешение врачам приехать в оккупированную страну.

Друг, который позвонил Францу, был одним из тех, с кем он когда-то участвовал в парижских демонстрациях. Вначале Франц был в восторге от этой идеи, однако потом его взгляд остановился на студентке в больших очках*. Она сидела в кресле напротив него; за круглыми стеклами очков ее глаза казались еще большими. Францу показалось, что эти глаза

* Девушка, которая стала возлюбленной Франца после того, как Сабина разошлась с ним.

просят его не уезжать, и он отказался. Но он пожалел об этом, как только положил трубку.

Франц пошел навстречу своей земной возлюбленной, предав в то же время свою небесную любовь. Разве Кампучия — это не то же самое, что родина Сабины,— страна, оккупированная армией соседнего коммунистического государства, страна, которую придавил тяжелый кулак России. И Францу вдруг кажется, что полузабытый друг позвонил ему, повинувшись особому секретному приказу. Небесные силы все знают и все видят. Если бы он принял участие в походе, Сабина обрадовалась бы этому, ибо поняла, что он остался ей верным. "Ты бы очень рассердилась, если бы я все же поехал"? — спросил он у своей девушки в очках, которая жалеет о каждом дне, проведенном без него, и не умеет ни в чем ему отказывать.

Через несколько недель он оказался в парижском аэропорту — туда уже прибыло двадцать врачей, почти пятьдесят профессоров, писателей, депутатов, артистов, политических деятелей и вместе с ними четыреста журналистов.

15

Самолет приземлился в Бангкоке. Около пятисот врачей, интеллектуалов и журналистов собрались в большом зале международной гостиницы, где их уже ждали другие врачи, артисты, певцы и писатели, а с ними еще несколько сот журналистов с записными книжками, магнитофонами и кинокамерами.

У одной из стен зала стояла трибуна, рядом — длинный стол, а за ним — десятка два американцев, которые уже открыли собрание. Французские интеллектуалы, в числе которых Франц вошел в зал, почувствовали себя униженными и как бы не у дел. Поход в Кампучию был их идеей, и вдруг американцы, словно это было само собой разумеющимся, взяли все в свои руки. И к тому же еще говорили по-английски, совершенно не учитывая, что какой-то француз или датчанин мог бы их не понять. (Датчане, правда, уже давно забыли, что когда-то они представляли собой нацию). Так что из всех европейских представителей протестовали только французы. Они были настолько принципиальны, что даже свой про-

тест отказались выразить по-английски и обратились с трибуны к американцам на своем родном языке.

Американцы реагировали на этот протест милыми соглашающимися улыбками, потому что не понимали ни слова. Французам, наконец, не осталось ничего другого, как сформировать свои возражения по-английски: "Почему на этом собрании говорят только по-английски, если здесь есть и французы"?

Американцы были поражены столь удивительным возражением, но не переставали улыбаться и согласились с тем, чтобы все выступления переводились. Потом долго искали переводчика. Каждое предложение должно было прозвучать по-английски и по-французски. Так что собрание продлилось вдвое дольше, чем думали, а фактически даже более, чем вдвое, потому что почти все французы знали английский, они перебивали переводчика, поправляли его и затевали с ним спор относительно каждого слова.

Высшего накала собрание достигло в момент, когда на трибуну поднялась известная американская актриса. Ради нее в зал ворвались еще фотографы и операторы, и каждое слово сопровождалось щелканьем фотоаппаратов. Актриса говорила о страдающих детях, о варварстве коммунистической диктатуры, о праве человека на безопасность, об угрозе, которая нависла над традиционными ценностями цивилизации, о свободе личности, о президенте Картере, который огорчен тем, что происходит в Кампучии. Последние свои слова актриса произнесла плача. Не дав ей закончить, молодой французский врач с рыжими усиками поднялся и закричал: "Мы приехали сюда спасать умирающих, а не для того, чтобы прославлять президента Картера. Это собрание — не пропагандистский американский цирк. Мы тут не за тем, чтобы протестовать против коммунизма, а чтобы лечить больных"!

К врачу с усиками присоединились другие французы. Переводчик испугался и уже не отважился переводить то, что они выкрикивали. Американцы, сидевшие у трибуны, смотрели на него с улыбками, полными симпатий, и многие из них согласно кивали. Один даже вскинул над головой кулак, потому что знал, что европейцы любят этот жест в минуты коллективной эйфории.

Как это случилось, что левые интеллектуалы (а ведь именно к ним причислял себя врач с рыжими усиками) проявили готовность организовать поход против интересов коммунистической страны, хотя коммунизм всегда рассматривался как интегральная часть левого движения? В момент, когда преступления страны, называемой Советский Союз, стали чересчур скандальными, левые оказались перед альтернативой: либо покинуть ряды марширующих, либо с большими или меньшими колебаниями отнести Советский Союз к препятствиям на пути Великого Похода и идти дальше. Я уже говорил, что то, что делает левых левыми, — это "кич" Великого Похода.

Сущность "кича" определяется не политическими принципами, а картинками, метафорами, образами и прежде всего словарем. Таким образом, можно нарушить обычаи и маршировать против интересов одной коммунистической страны, но невозможно одни слова заменить другими. Можно грозить кулаком вьетнамской армии, но нельзя кричать ей в лицо: "Позор коммунизму"! "Позор коммунизму!" — это лозунг врагов Великого Похода. И тот, кто не хочет потерять лица, должен остаться верным чистоте собственного "кича".

Я говорю об этом, чтобы выяснить недоразумение, возникшее между врачами и американской актрисой, которая в своем эгоцентризме сочла себя жертвой зависти или даже женоненавистничества. В действительности же француз проявил тонкое эстетическое чутье. Слова "президент Картер", "наши традиционные ценности", "варварство коммунизма" относились к словарю американского "кича" и не имели ничего общего с "кичем" Великого Похода.

На следующий день утром все сели в автобусы и поехали через Таиланд к кампучийской границе. Вечером прибыли в таиландскую деревушку, где было снято несколько выстроенных на деревянных столбах домиков. Река, которая время от времени разливалась, заставляла крестьян строить свои жилища на столбах, а внизу между столбами они держали свиней в загонах.

Франц спал вповалку рядом с четырьмя другими профессорами. Сквозь сон он слышал, как снизу доносилось хрюканье свиней, а слева ему прямо в ухо храпел известный математик.

Рано утром все снова уселись в автобусы. За два километра до границы стоял знак, запрещающий дальнейший проезд. Дорога, по которой они двигались, становилась все уже и вела к пограничной полосе, охраняемой войсками. У запрещающего знака автобусы остановились. Когда французы вышли, они увидели, что американцы снова перегнали их и уже ждут впереди, выстроившись в шеренги, которые должны идти во главе похода. Наступила тяжелая минута. И снова переводчик. И снова споры. Наконец договорились. Во главе марша пойдут один американец, один француз и кампучийская переводчица. За ними будут следовать врачи и только затем все остальные. Американская актриса оказалась в конце колонны. Дорога была очень узкой. Прилегающие к ней поля были заминированы. Каждую минуту колонна наталкивалась на остатки заграждения. Колонна перестроилась в цепочку. На расстоянии пяти метров впереди Франца шел известный немецкий поэт и популярный певец, который написал уже 930 песен за мир против войны. На высоком древке он нес белый флаг, который очень шел к его черным бакенбардам и резко выделял его среди всех остальных. По обе стороны этой растянувшейся цепи сновали во все стороны фотографы и операторы. Они бросались вперед, останавливались, пятились назад, садились на корточки и снова вставали, устремлялись вперед. И все ради одного кадра, может быть, ради одного удачного щелчка. Иногда они окликали свои "жертвы" по имени — те произвольно оборачивались. И в этот момент они спускали затвор.

В воздухе висело какое-то пугающее предчувствие. Люди замедляли шаг и оборачивались назад. Американская актриса, которую послали в самый конец колонны, отказалась переносить свой позор. Она изо всех сил разогналась и помчалась вперед. Это было, как будто в соревновании на большую дис-

танцию, когда бегун, который до сих пор сэкономил силы и оставался в конце, решает, наконец, наверстать упущенное. Мужчины растерянно улыбаются, отступая в сторону, чтобы дать возможность спортсменке завоевать победу. Женщины же кричали: "Вернитесь на место. Это вам не съемочная площадка для фильма кинозвезд!" Актриса не позволила запугать себя и изо всех сил бежала вперед вместе с устремившимися за ней пятью операторами и двумя репортерами. Потом французская профессорша лингвистики схватила актрису за руку и сказала на чудовищном английском: "Это — демонстрация врачей, которые хотят лечить умирающих кампучийцев, а не спектакль для кинозвезд!" Профессорша продолжала сжимать кисть актрисы. У той не было сил вырваться и она возмущенно воскликнула (на великолепном английском): "Идите к черту! Я принимала участие уже в сотнях таких демонстраций. Везде необходимы звезды, это наша работа, наша нравственная обязанность!" — "Дерьмо!" — тихо произнесла профессорша лингвистики (на великолепном французском). Американская актриса поняла ее и расплакалась. "Не двигайтесь!" — воскликнул замороженный репортер и, вскинув фотокамеру, встал перед ней на колени. Актриса смотрела в объектив, и слезы медленно катились по ее лицу.

19

Профессорша лингвистики отпустила, наконец, кисть актрисы. В это время к ней обратился немецкий певец с черными бакенбардами и белым флагом. Американская актриса никогда не слыхала о нем, но в эту минуту унижения она почувствовала желание быть доброй и чуткой и устремилась к нему. Певец взял древко флага в левую руку, а освободившейся правой обнял актрису за плечи. Вокруг актрисы и певца энергично прыгали фотографы и операторы. Особенно настойчив был известный американский фотограф. Он метался из стороны в сторону, отступал назад, стараясь чтобы в объектив попали и их лица, и флаг, а это было нелегко, потому что древко было длинным. И он рванулся из-за всех сил назад и не почувствовал, как наступил на мину. Его тело разлетелось на куски. Вокруг все было в крови. Певец и актриса от ужаса не могли

сдвинуться с места, потом оба подняли глаза к флагу; он был забрызган кровью. Это привело их в еще больший ужас. Потом они еще и еще раз вскинули головы вверх и начали улыбаться. Их наполняла особая и до сих пор не познанная ими гордость, что знамя, которое несут, освящено кровью. И они снова встали в ряды марширующих.

20

Граница представляла собой небольшую речку, но ее не было видно, потому что вдоль реки тянулась длинная стена высотой примерно в полтора метра, на которой были уложены мешки с песком для тайландских снайперов. Только в одном месте стена как бы прерывалась. Там через речку был перекинут мост, на который никто не имел права ступить ногой. С другой стороны реки размещались вьетнамские оккупационные войска, но их не было видно. Их позиции были замечательно замаскированы. Не было сомнения, что если кто-нибудь осмелится ступить на мост, невидимые вьетнамцы сразу же начнут стрелять.

Участники похода приближались к стене и поднимались на цыпочки. Франц прислонился к мешкам и сквозь щель между ними пытался что-то разглядеть, но он ничего не увидел; его оттолкнул фоторепортер, который явно считал себя вправе занять это место. Франц оглянулся — в могучей кроне одинокого дерева, как стая ворон, сгрудилось семь фотографов; глаза их были устремлены к противоположному берегу. В этот момент переводчица, которая шла во главе колонны, приложила к губам рупор и на хммерском языке закричала в сторону противоположного берега: "Здесь врачи, они требуют, чтобы им разрешили вступить на территорию Кампучии и предоставить кампучийцам медицинскую помощь. Их действия не имеют ничего общего с политическим вмешательством, ими руководит лишь забота о жизни людей"!

С другого берега не последовало никакого ответа. Стояла такая мертвая тишина, что у всех защемило в сердце. Щелканье фотоаппаратов среди этой тишины звучало, как жужжанье каких-то экзотических насекомых. Франца неожиданно охватило чувство, что Великий Поход приблизился к концу, что

вокруг Европы стягивается граница тишины и что пространство, по которому идет этот Великий Поход, — не что иное как крошечная трибуна посреди нашей гигантской планеты.

Толпы, которые когда-то собирались вокруг трибуны, давно отвернулись от нее. И участники остались в одиночестве, без зрителей. "Да, — говорит себе Франц, — Великий Поход продолжается, вопреки полному равнодушию мира, но он становится нервным и суетливым. Вчера это был марш против американцев, оккупировавших Вьетнам, сегодня — против Вьетнама, захватившего Кампучию. Вчера — в поддержку Израиля, сегодня — в поддержку палестинцев, вчера — в поддержку Кубы, завтра — против Кубы и всегда — против Америки. Всегда — против одних зверств и всегда — в поддержку других.

Европа марширует и, чтобы поспеть за ритмом событий и не оставить никого в стороне, ее шаг становится все более быстрым, — Великий Поход становится демонстрацией прыгающих, вечно торопящихся людей, а трибуна, чем дальше, — меньше и меньше, пока в один прекрасный день не превратится в безразмерную точку".

21

Переводчица еще раз прокричала в рупор свой призыв, и ответом снова была невыносимая и бесконечно равнодушная тишина. Франц обернулся — молчание на другой стороне реки хлестнуло всех по лицу, как пощечина. И певец с белым флагом и американская актриса растеряны, расстроены, не знают, что делать. Франц вдруг понял, что все они смешны: и он и все другие. Но это неожиданное открытие не вызывало у него ни малейшего желания иронизировать, наоборот, именно теперь он почувствовал к окружающим симпатию, похожую на симпатию, которую мы обычно испытываем к обреченным.

Да, Великий Поход приближается к концу, но это не значит, что Франц должен отречься от него. А разве его собственная жизнь не приближается к концу? Но ведь это не повод для насмешки над эксгибиционизмом тех, кто сопровождал мужественных врачей к границе.

На что иное способны эти люди, кроме как выступить в спектакле? Разве у них есть другой путь? Франц прав. Я вспоминаю редактора, который организовал широкий сбор подписей в поддержку амнистии политических заключенных в Праге. Он великолепно знал, что эта акция не поможет заключенным. Подлинная ее цель заключалась не в освобождении заключенных, а в том, чтобы показать, что все еще есть люди, которые не страшатся подписать такой документ. То, что он делал, было спектаклем, но у него не было другой возможности. Выбор заключался в следующем: либо выступить в спектакле, либо не делать ничего.

Есть ситуации, когда люди приговорены играть в спектакле. Их борьба с молчаливой властью, запрятанной в стены (с молчащей силой на другой стороне реки), с полицией (которая облачилась в молчание микрофоны), — это борьба театральной труппы, которая выступила против армии. Франц видел, как его друг из Сорбонны поднял кулак, угрожая тишине на другом берегу реки.

22

Переводчица в третий раз прокричала свой призыв в рупор. Тишина, которая была ей ответом и на этот раз, превратила грусть Франца в страшный гнев. Он стоял неподалеку от моста, отделяющего Таиланд от Кампучии, и его вдруг охватило жгучее стремление взбежать на него, закричать, обращая к нему страшные ругательства, и умереть под пулями.

Этот неожиданный порыв Франца напоминает нам нечто другое, он напоминает нам порыв сына Сталина, прыгнувшего на колючую проволоку с электрическим током, потому что не мог перенести того, как полюса человеческого существования приближаются друг к другу и становятся настолько близки, что исчезает различие между возвышенным и низким, между ангелом и мухой, между Богом и дерьмом.

Франц не мог допустить, что слава Великого Похода — это то же самое, что комическое легкомыслие тех, кто принимает в нем участие, и что великолепные звуки европейской истории исчезают в бесконечной тишине, — так что уж не остается

различий между историей и молчанием. В эти минуты он хотел бросить на чашу весов свою собственную жизнь, чтобы доказать, что Великий Поход весит больше дерьма. Но человек не в состоянии этого сделать: ведь тогда на одной чаше весов было дерьмо, а на другую бросил свое тело сын Сталина — и весы не дрогнули.

Вместо того, чтобы позволить застрелить себя, Франц вслед за другими побрел обратно к автобусу.

23

Всем нам нужно, чтобы на нас кто-то смотрел, и всех нас можно было бы разделить на четыре категории в зависимости от того, каким образом мы хотим жить.

Первая категория мечтает, чтобы на нее смотрело бесконечное число анонимных глаз, мечтает о взгляде публики — это случай немецкого певца, американской актрисы и редактора с большой бородой. Он привык к своим читателям, и когда в один прекрасный день русские закрыли его журнал, ему казалось, что он очутился в атмосфере, разреженной в несколько сот раз. Никто не мог возместить ему взгляд неизвестных глаз. Редактору казалось, что он задыхается. Затем вдруг редактор понял, что за каждым его шагом наблюдает полиция, что его разговоры по телефону подслушиваются и что его тайно фотографируют на улице. Оказалось, что анонимные глаза повсюду рядом с ним, и он снова мог дышать свободно. Он был счастлив, он декларировал перед замурованными в стены микрофонами. В лице полиции он обрел потерянную публику.

Вторую категорию составляют те, которым необходимы взгляды многих знакомых им глаз. Это устроители коктейлей и ужинов; они более счастливы, чем люди первой категории, которые, потеряв публику, начинают чувствовать, что в зале их жизни погас свет. А ведь это происходит почти с каждым из нас. Люди второй категории, напротив, почти всегда находят для себя взгляды близких им людей. К ним относится жена Франца Мари Клод и ее дочь.

Существует и третья категория — те, кому необходим взгляд любимого человека. Их ситуация в такой же степени

опасна, как и у людей первой категории. Как только глаза любимого человека закроются, в зале наступит тьма. К таким людям относятся Тереза и Томаш.

Наконец, существует четвертая категория — самая редкая — тех, которые живут под воображаемым взглядом отсутствующих людей. Это-мечтатели, например, Франц. Он ехал к кампучийским границам лишь ради Сабины. Автобус трясся по тайландской дороге, и он чувствовал на себе задумчивый взгляд Сабины. К этой категории относится и сын Томаша.*

Я назову его Шимоном.** Его порадует, что я дал ему библейское имя, как и его отцу. Глаза, о взгляде которых мечтает он, — это глаза Томаша. После того, как Шимон принял участие в кампании по сбору подписей, его выбросили из университета. Девушка, с которой он дружил, была племянницей деревенского священника. Он женился на ней, стал трактористом в колхозе, отцом и верующим католиком. Судьба привела в симметрию их жизнь. Это воодушевило Шимона, и он написал отцу письмо. Шимон просил ответа; он хотел, чтоб Томаш посмотрел на его жизнь своим взглядом

24

Франц и Шимон — это мечтатели в нашем романе. В отличие от Франца, Шимон не любил матери. С детства он искал отца. Он был готов поверить отцу, что какая-то несправедливость, которая была причинена отцу, предшествует и объясняет ту несправедливость, которую отец совершил по отношению к нему. Шимон никогда не сердился на отца и потому не хотел стать союзником матери, которая отца всегда осуждала. Он жил с ней до 18 лет и после школы уехал учиться в Прагу. В то время Томаш после партийных чисток превратился в мойщика окон.

Шимон часто поджидал его, пытался устроить случайную встречу на улице, но отец ни разу не остановился.

Шимон очень сблизился с бородатым редактором лишь потому, что его судьба напоминала Шимону судьбу дтца. Редактор не знал имени отца. Статья об Эдипе была давно забыта,

* По-русски, Фома.

** По-русски, Симон. (Имена двух апостолов).

и редактор узнал о ней только от Шимона, который предложил ему обратиться к Томашу с просьбой подписать обращение. Редактор желая порадовать юношу, которого любил, согласился пойти с ним.

Когда Шимон вспомнил об этой встрече, он стыдился за свое волнение. Шимон думал, что он наверняка не понравился отцу, зато отец понравился ему. Он помнил каждое его слово и со временем начал понимать, насколько отец был прав. Особенно запомнилась его фраза: "Наказывать тех, которые не знали, что творят, — варварство". Когда дядя его девушки дал ему библию, его заинтересовали слова Иисуса: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают"! Он знал, что его отец — неверующий и в схожести обоих предложений видел тайный знак: отец согласен с его путем.

Он прожил в деревне уже три года, когда получил письмо, в котором Томаш приглашал его в гости. Встреча была теплой. Шимон чувствовал себя свободно и даже не заикался. Возможно, в тот момент он даже не сознавал, что они не очень понимают друг друга.

А через четыре месяца он получил телеграмму — Томаш и его жена попали в аварию и погибли под грузовым автомобилем. Тогда же он узнал о женщине, которая в прошлом была возлюбленной отца и сейчас живет за границей. Он нашел ее адрес и, поскольку ему необходим был его воображаемый взгляд, который в дальнейшем наблюдал бы за его жизнью, он время от времени писал ей длинные письма.

25

Вплоть до конца жизни Сабина будет получать письма от своего грустного деревенского корреспондента. Многие из них останутся непрочитанными, потому что страна, откуда они приходят, интересуется ее все меньше и меньше. Пожилой человек умер. И Сабина переехала в Калифорнию, еще дальше на Запад, еще дальше от Чехии. Ее картины продаются хорошо. И она любит Америку. Но Америку — на поверхности. То, что находится в глубине, ей чуждо. У нее нет в этой стране ни дедушки, ни дяди, она боится позволить заколотить себя в гроб и спустить в глубь американской земли. Поэтому Сабина

на как-то дополнила завещание тем, что ее труп должен быть кремирован, а пепел развеян.

Тереза и Томаш погибли под тяжестью жизни. Она хотела бы умереть под знаком легкости. Она будет легче воздуха. По Пармениду, это — трансформация негативного в позитивное.

26

Автобус остановился в Бангкоке, перед гостиницей. Ни у кого не было желания устраивать митинги. Люди разбрелись группами по городу: одни осматривали храмы, другие шли в бардаки. Товарищ из Сорбонны предложил Францу провести с ним вечер. Но Франц хотел остаться один. Темнело. Он вышел на улицу. Он не переставал думать о Сабине и чувствовал на себе ее взгляд, под которым он всегда начинал сомневаться в себе, не зная, о чем в этот момент думает Сабина. И на этот раз ее взгляд привел его в растерянность. Быть может, она смеется над ним? Быть может, она считает, что кумир, который он сотворил из нее, смешон? Быть может, она хочет сказать, что ему пора стать взрослым и полностью посвятить себя возлюбленной, которую она сама к нему послала? Он представил себе лицо девушки в больших круглых очках и понял, насколько счастлив он с этой студенткой. Путешествие в Кампучию вдруг стало казаться ему смешным и бессмысленным. Почему он вообще поехал? Сейчас он понял: он поехал, чтобы в конце концов осознать, что не демонстрации, не Сабина, а девушка в очках — это его подлинная жизнь, единственно подлинная жизнь. "Я поехал сюда, чтобы понять, что действительность больше, чем мечты".

Из сумерек показалась фигура. Человек бормотал на незнакомом языке. Франц оглядел его с каким-то сочувствующим удивлением. Незнакомец кланялся, улыбался и продолжал настойчиво бормотать. Что он говорил ему? Казалось, что он его куда-то зовет. Взял Франца за руку и стал куда-то уводить. Францу показалось, что кто-то поблизости нуждается в его помощи. Быть может, я все-таки не даром приехал сюда. Быть может, я призван кому-то помочь.

А потом рядом с этим бормочущим человеком оказались еще двое. Один из них по-английски потребовал отдать день-

ги. В этот момент девушка в очках исчезла, и на него снова смотрела Сабина. Нереальная Сабина со своей великой судьбой. Сабина, рядом с которой он чувствовал себя песчинкой. Ее глаза смотрели на него гневно и недовольно. Он опять позволил обмануть себя. Кто-то опять злоупотребляет его глупой добротой. Он резко оторвался от мужчины, который продолжал держать его за руку (Франц знал, что Сабине всегда нравилась его сила), он крепко схватил руку, которую протянул к нему другой мужчина, и перебросил его через себя приемом дзюдо.

Она уже больше никогда не увидит его униженным, уступающим. Никогда больше Франц не будет мягким и сентиментальным. Его охватила какая-то веселая ненависть к этим незнакомцам, которые пытались насмехаться над его наивностью. Он стоял, согнувшись, не спуская с них глаз. Потом что-то тяжелое ударило его по голове. Он туманно понимал, что его куда-то несут. Затем — почувствовал удар падения и потерял сознание.

Очнулся Франц в женевской больнице, над его постелью склонилась Мари Клод. Франц пытался сказать, что не хочет, чтобы она оставалась в палате. Он хотел, чтобы немедленно сообщили студентке в больших очках: он не думал ни о ком другом, только о ней; он хотел закричать, что не потерпит возле себя никого другого, но с ужасом обнаружил, что не может издать ни звука.

Франц смотрел на Мари Клод с бесконечной ненавистью и хотел отвернуться от нее к стенке, но он не мог двинуться; он хотел повернуть хотя бы голову, но обнаружил, что не может сделать даже этого движения.

27

Мертвый Франц в конце концов принадлежал своей законной жене, как он никогда не принадлежал прежде.

Мари Клод все решала сама. Она организует похороны, она рассылает сообщения о смерти, она покупает венки, заказывает черное платье, которое на самом-то деле — подвенечное платье. Да, только похороны мужа становятся для жены ее настоящей свадьбой, завершением жизненного пути, вознаграждением за все страдания.

Собственно, и пастор это великолепно понимает и говорит над гробом о верной супружеской любви, которая прошла через многие испытания, чтобы остаться для усопшего до конца жизни безопасной пристанью, в которую в последнюю минуту он смог вернуться. И коллега Франца, которого Мари Клод попросила выступить на похоронах, воздал прежде всего должное мужественной жене покойного.

Где-то сзади поддерживаемая подругой стояла девушка в больших очках. Сдерживаемые с трудом рыдания и множество принятых таблеток привели к тому, что еще до конца похорон ее схватили судороги.

Она стоит согнувшись, держится за живот, и подруга вынуждена увести ее с кладбища.

28

После того, как председатель колхоза передал Шимону телеграмму, он сразу же сел на мотоцикл и поехал на похороны. На памятнике под именем отца Шимон велел сделать надпись: "Он мечтал о царстве Божием на земле". Шимон знал, что отец никогда не сказал бы таких слов, но он был уверен, что надпись выражает именно то, чего отец хотел — царство Божие на земле означает справедливость. Томаш мечтал о мире, в котором властвовала бы справедливость. Шимон мечтал о праве выразить жизнь отца своими собственными словами. В конце концов, ведь это — извечное право родных усопшего.

"Возвращение после долгих блужданий" — так написано на памятнике на могиле Франца. Эту надпись можно понять как религиозный символ. Он блуждал в земной жизни и вернулся в объятия Божьи. Но посвященные знают, что это предложение обладает и совершенно четким светским смыслом. Мари Клод об этом рассказывает каждый день: "Франц, золотой, добрый Франц, не выдержал кризиса своих пятидесяти лет — в какие когти он попал — ведь эта девушка не была даже красивой (вы заметили эти огромные очки, из-за которых даже не было видно лица). Но пятидесятилетний — мы все это знаем — душу бы продал за кусок молодого тела. Только его жена знает, как он страдал из-за этого. Для него это было тяжелой моральной мукой, потому что в глубине души Франц был

честным и добрым человеком. Разве можно иначе объяснить эту бессмысленную, отчаянную поездку куда-то в Азию. Он шел за смертью, да, Мари Клод это наверняка знает. Франц сознательно искал смерти. В последние дни, умирая, когда ему не нужно было уже лгать, он никого не хотел видеть, кроме нее. Он не мог говорить, но он благодарил глазами. Своим взглядом он просил у нее прощения, и она простила его.

29

Что осталось от умершего в Кампучии?

Огромная фотография американской актрисы с желтым ребенком на руках.

Что осталось от Томаша?

Надпись: "Он мечтал о царстве Божьем на земле".

Что осталось от Бетховена?

Хмурый мужчина с огромной гривой, который невероятным гласом произносит: "Es muss sein"!

Что осталось от Франца?

Надпись: "Возвращение после долгих блужданий".

И так далее, и так далее. Нас превратят в "кич" еще до того, как мы будем забыты. "Кич" — это пересадочная станция между бытием и забвением.

Перевод с чешского Л. Солнцевой

Вацлав ГАВЕЛ

ПРИЕМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Радиопьеса

Сладек

Ванек

(Место действия: кабинет Сладека. Слева дверь, над дверью, на стене, висит грамота. Справа шкаф и бюро, уставленные пустыми бутылками из-под пива разных марок. На задней стене большой портрет Швейка с владельцем пивной Паливцем. Под портретом броская надпись: "Пиво варить — весело жить". В центре сцены — канцелярский стол и три стула; стол завален бумагами, между ними несколько бутылок из-под пива. Возле стола и по углам комнаты валяется всякий хлам: болты, старый приемник, сломанная вешалка, подшивки старых газет, пара стоптанных сапог. Когда занавес поднимается, зрители видят Сладека за столом, в рабочем халате; он сидит, положив голову на стол, и громко похрапывает. Кто-то стучит в дверь. Сладек тотчас просыпается.)

Перевод с чешского Эгона Ланского и Игоря Померанцева, Пьеса была переведена для Русской службы Би-Би-Си. Поставлена и вышла в эфир в 1983 г. Режиссер радиопостановки — Фрэнк Уильяме Роли Сладека и Ванека исполнили Борис Изаров и Лев Круглый.

С л а д е к. Входите...
(В комнату входит Ванек в телогрейке и резиновых сапогах.)
 Ванек. Добрый день.
 С л а д е к. А, пан Ванек. Заходите, заходите, садитесь.
(Ванек осторожно садится.) Пивка выпьете?
 Ванек. Нет, спасибо...
 С л а д е к. Почему "нет"? Держите. *(Сладек вытаскивает из ящика бутылку, откупоривает ее, разливает в два стакана, один из них пододвигает Ванеку, другой залпом выпивает сам).*
 Ванек. Спасибо...
(Сладек наливает еще один стакан. Пауза.)
 Сладек. Ну, что? Как дела?
 Ванек. Спасибо. Хорошо...
 Сладек. А как же иначе.
 Ванек. Гмм... *(пауза)* .
 Сладек. На чем вы сегодня? Катаете?
 Ванек. Нет, подкатываю...
 Сладек. Подкатывать лучше, чем катать, да?
 Ванек. Да... *(пауза)*.
 Сладек. А кто сегодня катает?
 Ванек. Шеркези...
 Сладек. Он пришел?
 Ванек. Да, только что...
 Сладек. Уже набрался?
 Ванек. Немножко... *(пауза)*.
 Сладек. Ну, а как вам здесь?
 Ванек. Нравится.
 Сладек. Могло бы быть хуже, да?
 Ванек. Да...
 С л а д е к *(откупорив очередную бутылку, наливает себе).*
 Человек привыкает ко всему, правда?
 Ванек. Да... *(пауза)*.
 С л а д е к. Допивайте! *(Ванек допивает. Сладек сразу же наливает по новой.)*
 С л а д е к. Бросьте, вы еще ничего не выпили. *(Пауза.)* Ну, а как там люди? Ладите?

Ванек. Спасибо, хорошо.
 С л а д е к. Если хотите выслушать мой совет, так держитесь подальше от всех. Я здесь никому не доверяю! Знаете, люди — большие свиньи. Большие! Уж поверьте. Делайте свое дело, с другими не якшайтесь — они того не стоят, особенно в вашем случае.
 Ванек. Понял... *(пауза.)*
 С л а д е к. А что вы такое писали, если можно спросить?
 Ванек. Пьесы...
 Сладек. Пьесы? А их где-то в театре играли?
 Ванек. Да...
 С л а д е к. Гмм... Вот-вот. Пьесы, говорите. Послушайте, вы бы написали о нашей пивоварне. Например, ну, о Буреше. Знаете его?
 Ванек. Да...
 Сладек. Вот это скандалист, да?
 Ванек. Да... *(пауза.)*
 С л а д е к. Не горюйте.
 Ванек. Я не горюю... *(пауза.)*
 С л а д е к. Ну, все равно, вы ведь не думали, что все так?
 Ванек. Как?
 С л а д е к. Ну, что когда-нибудь придется катать бочки на пивоварне.
 Ванек. Гмм...
 Сладек. Странно, а?
 Ванек. Гмм...
 Сладек. Очень странно. *(пауза.)* Подкатываете сегодня, значит?
 Ванек. Да...
 Сладек. А вчера катали, я видел.
 Ванек. Вчера не было Шеркези.
 С л а д е к. Точно, я и забыл. *(пауза.)* Писателя у нас здесь еще не было, а ведь кто тут только не побывал! Возьмите Буреша. Знаете, кем он был? Могильщиком. Там и научился хлестать, потому и пришел сюда. Вот, кто знает уйму историй.
 Ванек. Знаю...
 Сладек. Ио чем же были ваши пьесы?
 Ванек. В основном, о служащих...

С л а д е к. О служащих? Серьезно? Гмм... *(пауза.)* Вы уже перекусили?

В а н е к. Еще нет...

С л а д е к. Можете пойти позже, скажете на воротах, что у меня были.

В а н е к. Спасибо...

С л а д е к. И не благодарите все время. *(пауза.)* Что бы там ни было, я вас ценю.

В а н е к. Меня? Почему?

С л а д е к. Вы к этому чертовски привыкли, наверно: всю жизнь дома просидели, в тепле, по утрам спи, сколько влезет, а теперь сразу — такое! Нет, в самом деле, я это ценю...

(пауза.) Извините... *(Сладек встает и выходит. Ванек быстро переливает остатки своего пива в стакан Сладека. Немного погодя, возвращается, застегивая ширинку, и садится на прежнее место.)* А вы знали всех этих актрис, когда писали для того театра?

В а н е к. Конечно...

С л а д е к. Богдалову тоже?

В а н е к. Да...

С л а д е к. Лично?

В а н е к. Да...

С л а д е к. Так может, могли бы позвать ее на пиво, возьмем еще Буреша — такое устроим... Что скажете?

В а н е к. Гмм... *(пауза.)*

С л а д е к. Не горюйте!

В а н е к. Я не горюю...

С л а д е к. *(Открывает очередную бутылку, наливает себе. Пауза.)* Этот парень на складе, знаете, кто?

В а н е к. Млынарек?

С л а д е к. Держите с ним ухо остро. *(пауза.)* А Карела Готта тоже знаете?

В а н е к. Тоже... *(пауза.)*

С л а д е к. Жаль, что вас здесь не было пять лет назад. Тогда была компания! Что там сейчас? А тогда совсем другое дело! Такое устраивали... Собрались в солодильне: я, Кая Мажанек — его здесь уже нет, Гонза Петерка, девчата из бутылочного цеха... Иногда ночь напролет просиживали, но, знаете, хоть бы

что, всегда успевали и справлялись!... Да спросите Гонзу Петерку, увидите, что он скажет...

В а н е к. Он мне уже сказал... *(пауза)*

С л а д е к. Сколько получали... за эти пьесы?

В а н е к. Как когда.

С л а д е к. Ну, не меньше пяти стольников на лапу?

В а н е к. Зависит от количества постановок... Иногда много денег, иногда ничего...

С л а д е к. Целый месяц ничего?

В а н е к. Даже несколько месяцев...

С л а д е к. Так и там есть своя капля дегтя... Как и во всем, да?

В а н е к. Гмм...

С л а д е к. Но все-таки это парадокс?

В а н е к. Гмм...

С л а д е к. ... Как пить дать! *(пауза.)* Но вы в самом деле ничего не пьете!

В а н е к. Пью...

С л а д е к. *(откупоривает новую бутылку. Наливает Ванеку и себе.)* Послушайте, вот что я вам скажу, но это между нами: будь на моем месте кто-то другой, вы бы у нас не работали, поверьте...

В а н е к. Были бы неприятности?

С л а д е к. Еще бы!

В а н е к. Я вам очень обязан...

С л а д е к. Знаете, не хочу выставять себя... но когда я вижу, что можно кому-то помочь, то почему бы не сделать этого? Таков уж я, даже сейчас! Люди, так я думаю, должны помогать друг другу, сейчас я — вам, после вы — мне. Ведь так?

В а н е к. Да... *(пауза)*

С л а д е к. Вы уже перекусили?

В а н е к. Еще нет...

С л а д е к. Можете позже пойти, скажете на воротах, что у меня были.

В а н е к. Спасибо...

С л а д е к. И не благодарите все время! *(пауза.)* Ну кто, мил

человек, в наши дни захочет рисковать?

Ванек. Знаю... *(пауза)*

Сладек. Но что важно, — так это, чтоб все мы держались, как говорится, вместе...

Ванек. Да...

Сладек. Не знаю уж, что вы думаете, но я всегда считал, что самое главное — свои люди...

Ванек. Согласен...

Сладек. Почему не пьете? Винишком балуетесь, да?

Ванек. Гмм...

Сладек. Здесь к пиву привыкнете! Здесь все пиво пьют...

Такая уж традиция...

Ванек. Знаю... *(пауза.)*

Сладек. Но у Готта теперь все хорошо, да?

Ванек. Наверно... *(пауза.)*

Сладек. Вы женаты?

Ванек. Да...

Сладек. А дети есть?

Ванек. Нет... *(пауза.)*

Сладек. Что бы там ни было, я вас уважаю.

Ванек. Помилуйте...

Сладек. Факт! Вы ведь к этому чертовски не привыкли! *(пауза.)* Извините... *(Встает и выходит. Ванек быстро переливает остатки своего пива в стакан Сладека. Немного погодя Сладек возвращается, застегивает ширинку и садится на прежнее место.)* А сколько ей, собственно, лет?

Ванек. Кому?

Сладек. Ну этой, Богдалке?

Ванек. За сорок...

Сладек. Серьезно? Выглядит моложе... *(пауза.)* Нет, это уж факт: все будет хорошо... Если пойдём навстречу друг другу... Если только будем, как говорится, держаться вместе...

Ну, как я говорил: самое главное — это свои люди... *(Откупоривает новую бутылку, наливает себе.)* Жаль, что вас здесь не было пять лет назад! Увидели бы, что такое своя компания! Что там сейчас! Сейчас я никому не верю... *(пауза.)* А кто такой этот Когоут?

Ванек. Какой Когоут?

Сладек. Говорят, к вам приезжал Когоут...

Ванек. Один коллега...

Сладек. Тоже писатель?

Ванек. Да... Отчего интересуетесь?

Сладек. Просто так... *(пауза.)* Не думайте, Ванек, у меня тоже свои проблемы...

Ванек. Да?

Сладек. А почему, думаете, я здесь торчу? Но вас, конечно, не интересует...

Ванек. Интересует, пан мастер...

Сладек. Знаете, какие у меня были возможности?

Ванек. Какие?

Сладек. Я мог бы быть мастером на пивоварне в Пардубице!

Ванек. Правда?

Сладек. Но вот видите, торчу здесь! Парадокс, да?

Ванек. А почему вы туда не пошли?

Сладек. Оставьте... *(пауза.)* Вы женаты?

Ванек. Да...

Сладек. А дети есть?

Ванек. Нет... *(пауза.)*

Сладек. Слушайте, это не мое дело, но вы должны сказать этому Кугуту, чтоб он больше не приезжал к вам..

Ванек. Вы имеете в виду, должно быть, моего коллегу Когоута..

Сладек. А я как сказал?

Ванек. Кугут...

Сладек. Слушайте, это не мое дело, я его вообще в глаза никогда не видел... Вообще ничего о нем не знаю, я вам говорю это только в ваших собственных интересах...

Ванек. Извините, пан мастер, но я...

Сладек. Да вы смакуете это, как коньяк!

Ванек. Я говорил уже вам, что не привык...

Сладек. Другому скажете!

Ванек. В самом деле...

Сладек. Может, я — плохой собутыльник?

Ванек. Ну что вы...

Сладек. Конечно, куда мне до Карела Готта! Я всего лишь жлоб с пивоварни...

Ванек. Но вы мастер своего дела, Готт — своего. Почему вы не переехали в эти Пардубице?

Сладек. Оставьте... *(Откупоривает очередную бутылку и наливает себе.)* Все будет хорошо, Ванек! Не бойтесь, я вас не отдам! Вы — тихий, работающий, приходите каждый день, не болтаете всяких глупостей, как другие. Зарплатой довольны... Да и людей нам не хватает, ведь так?

Ванек. Я вам очень обязан...

Сладек. К тому же вы порядочный человек, я это чувствую, у меня на это нюх есть. Если кто прохвост, я его за километр вижу. Тот Млынарек со склада... Знаете?

Ванек. Да...

Сладек. Я его просек, как только он появился. Держите с ним ухо остро... *(пауза.)*

Ванек. Так почему вы не переехали в Пардубице?

Сладек. Оставьте... *(пауза.)* Короче, на меня, Ванек, можете положиться! Я вас в обиду не дам...

Ванек. Спасибо...

Сладек. Мне только нужно точно знать, что я на вас тоже могу положиться... Что вы мне палки не подставите... Ну, в общем, что вы надежный...

Ванек. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы были довольны моей работой...

Сладек. Мне не нужно было вам это говорить! Я, в самом деле, не должен был... вам говорить... Другой на моем месте...

Ванек. Извините, что вы не должны были говорить?

Сладек. Ну, об этом, Кугуте...

Ванек. Когоуте...

Сладек. Слушайте, я не знаю, что он за парень — да мне это и неинтересно... Дело не в нем, он мне до печки... Дело в вас, ведь так? В конце концов, вам здесь не так уж плохо... Подкатываете себе пустые бочки... Вам никто не мешает... Тот Когоут, черт его подери, не даст вам работы, если вы у меня не продержитесь, так ведь? Или нет?

Ванек. Едва ли...

Сладек. Сами видите. Головой думайте! *(пауза.)*

Ванек. Пан мастер...

Сладек. Что еще?

Ванек. Извините, а я...

Сладек. Что вы?

Ванек. Я ведь не могу...

Сладек. Что вы не можете?

Ванек. Извините, я ведь могу общаться, с кем хочу...

Сладек. А я разве говорю иначе? Общайтесь, с кем хотите! Это ваше неотъемлемое право! Никто вам не может указывать! Этого у вас никто не забирает! Вы человек, а не тряпка! Это дело принципа!

Ванек. Видите...

Сладек. А он, Когоут, будьте уверены, поймет, что вы сами выбираете, с кем общаться! Так или не так? *(Сладек откупоривает очередную бутылку, наливает себе. Пауза.)*

Ванек. Пан мастер...

Сладек. В чем дело?

Ванек. Мне уже пора...

Сладек. Куда пора?

Ванек. Меня будут искать в подвале...

Сладек. Ничего, без вас в штаны не наложат! Там ведь Шеркези! Сидите и пейте! *(пауза.)* Вам уже не интересно, почему я не переехал в эти Пардубице?

Ванек. Интересно... Правда! Почему не переехали?

Сладек. Знаете, что они со мной сделали? Обвинили, что, мол, я поделил с директором одной пивной пятьсот гектолитров лишнего пива. Вот как. Конечно, все было совсем не так, но этот сукин сын, Млынарек, со склада, знаете его?

Ванек. Да... Сладек. Это, между прочим, чтоб вы знали, какие здесь люди! Я здесь никому не доверяю! Знаете, люди — большие свиньи! Большие! Уж поверьте мне. Делайте свое дело, с другими не яшайтесь — стоит ли, особенно в вашем случае...

Ванек. Понял... *(пауза.)*

Сладек. Вы уже перекусили?

Ванек. Еще нет...

Сладек. Можете пойти позже, скажете на воротах, что у меня были..

Ванек. Спасибо...

Сладек. И не благодарите все время! *(пауза.)* Извините... *(Сладек встает и выходит. Ванек быстро переливает остатки своего пива в стакан Сладека. Немного погодя Сладек возвращается, застегивая ширинку, и садится на прежнее место.)*

Сладек. Когда вы ее сюда притащите?

Ванек. Что?...

Сладек. Ну, эту Богдалову...

Санек. Как-нибудь приглашу...

Сладек. Может, в субботу позовете?

Ванек. В эту субботу?

Сладек. Почему нет?

Ванек. Не знаю, если у нее будет время...

Сладек. Для вас уж, наверное, найдет...

Ванек. У актеров, знаете, все расписано, все запланировано наперед, не могут изменить просто так...

Сладек. Конечно, если вы думаете, что мы ей не пара, то, конечно, не нужно звать...

Ванек. Не думаю...

Сладек. Я вас заставлять не буду — я только думал, что можно было бы погулять...

Ванек. Гмм. *(пауза.)*

Сладек. Не горюйте!

Ванек. Я не горюю... *(пауза.)*

Сладек. Послушайте, Фердинанд, вы ведь Фердинанд, так?

Ванек. Да...

Сладек. Послушайте, Фердинанд, я хотел с вами поговорить...

Ванек. Знаю, пан мастер...

Сладек. Почему не пьете?

Ванек. Я же говорил вам, что не люблю пива...

Сладек. Здесь все пивники...

Ванек. Знаю... *(пауза.)*

Сладек. Послушайте, Фердинанд... Можно вас так называть?

Ванек. Конечно...

Сладек. Хотели бы вы работать на складе? Неплохо бы, а? В конце концов, вы интеллигентный человек, к тому же порядочный, не нужно будет все время катать с цыганами бочки! Были бы в тепле... В обеденный перерыв просто закрывали бы... как будто порядок наводите... а сами могли бы там спокойно придумывать всякие анекдоты для этих ваших пьес... А если б захотели, могли бы даже вздремнуть... Ну, что скажете?

Ванек. Думаете, это было бы возможно?

Сладек. Почему не возможно?

Ванек. Конечно, я в не таком положении, чтобы выбирать, но если бы такая возможность появилась, конечно, это было бы замечательно... Порядок я соблюдать могу, мне кажется. Немного даже иностранными языками владею... Знаете, в этом подвале к тому же довольно холодно... особенно с непривычки...

Сладек. Именно. И учет вести можете?

Ванек. Будьте уверены, разобрался бы... Я ведь два курса на экономическом учился...

Сладек. Были бы в тепле, в обеденный перерыв просто закрывали бы... Не нужно будет все время катать с цыганами бочки!

Ванек. Если бы такая возможность представилась..

Сладек. Нет, нет, Ванек, если кто прохвост, я его за километр вижу. Вы честный человек, я тоже, не знаю, почему бы нам не поладить! Что скажете?

Ванек. Да... Разумеется...

Сладек. Так замечано?

Ванек. Само собой...

Сладек. Если не хотите, то так и скажите! Может, не желаете знаться со мной... Может, у вас другие планы?

Ванек. У меня ничего против вас нет, наоборот, вы для меня много сделали, я вам премного обязан... Особенно, если получится с этим складом... Естественно, я бы хотел сделать все, чтобы вы тоже были довольны моей работой...

(Сладек откупоривает очередную бутылку, наливает Ванеку и себе)

С л а д е к. Так выпьем за это?
 В а н е к. Да... *(оба пьют.)*
 С л а д е к. До дна! *(Ванек с трудом допивает стакан, Сладек тотчас наливает ему еще.)* Не грустите...
 В а н е к. Я не грущу... *(пауза.)*
 С л а д е к. Слушай, Фердинанд...
 В а н е к. Да...
 С л а д е к. Но ведь это не просто пустые слова?
 В а н е к. Нет...
 С л а д е к. Значит, ты мне доверяешь?
 В а н е к. Разумеется, я вам доверяю...
 С л а д е к. Нет, подожди, в самом деле доверяешь?
 В а н е к. Вам — доверяю...
 С л а д е к. Слушай, вот что я тебе скажу... Но это между нами, ясно?
 В а н е к. Ясно...
 С л а д е к. На тебя можно положиться?
 В а н е к. Можно...
 С л а д е к. Слушай... *(Понизив голос.)* Вот что я тебе скажу. Они ходят сюда и расспрашивают о тебе...
 В а н е к. Кто?
 С л а д е к. Ну, сам понимаешь, они...
 В а н е к. Seriously?
 С л а д е к. Факт...
 В а н е к. И вам кажется, что раз это касается моей работы здесь, на пивоварне, то что-то неладно? *(пауза.)* Не настаивают, чтоб меня уволили? *(пауза.)* Или упрекают, что вы меня взяли? *(пауза.)*
 С л а д е к. Слушай, вот что я тебе скажу. Но... это между нами, ясно?
 В а н е к. Ясно...
 С л а д е к. Можно положиться?
 В а н е к. Можно...
 С л а д е к. Слушай... Если бы здесь, на этом месте, сидел кто-нибудь другой заместо меня, то ты бы здесь не работал, голову даю! Понял?

В а н е к. Да, конечно. Спасибо... Я вам премного обязан...
 С л а д е к. Я тебе это не ради "спасибо" говорю...
 В а н е к. Знаю...
 С л а д е к. Я только, чтоб ты знал, что к чему...
 В а н е к. Спасибо... *(пауза.)*
 С л а д е к. Извините... *(Сладек тяжело встает и пошатываясь выходит. Ванек быстро переливает остатки своего пива в стакан Сладека. Немного погодя Сладек возвращается, застегивая ширинку, и садится на прежнее место.)* У тебя было чтонибудь с ней?
 В а н е к. С кем?
 С л а д е к. Ну, с Богдаловой, конечно...
 В а н е к. У меня?... Нет...
 С л а д е к. Правда?
 В а н е к. Да...
 С л а д е к. Ну, тогда ты просто тютя! *(пауза.)*
 В а н е к. Пан мастер... *(пауза.)*
 С л а д е к. Чего еще?
 В а н е к. Мне уже пора...
 С л а д е к. Куда пора?
 В а н е к. Меня будут искать в подвале...
 С л а д е к. Ничего, без тебя в штаны не наложат! Там ведь Шеркези! Сиди здесь и пей! *(пауза.)* Слушай, Фердинанд... Ты ведь Фердинанд? Да?
 В а н е к. Да...
 С л а д е к. Слушай, Фердинанд... Можно тебя так называть?
 В а н е к. Конечно...
 С л а д е к. Нет, постой... Я только спрашиваю, чтобы ты не обижался, ведь так?
 В а н е к. Отчего мне обижаться?
 С л а д е к. Тебя разве поймешь? Молчишь... Бог знает, о чем думаешь... Мычишь только "да, пан мастер", "спасибо, пан мастер"...
 В а н е к. Так меня воспитали...
 С л а д е к. А я, значит, невоспитанный жлоб с пивоварни! Это ты имел в виду, да? Только не говори, что так не думал...
 В а н е к. Не думал...

С л а д е к. Ладно, давай начистоту... чтоб я знал, что к чему...
В а н е к. Я ничего плохого о вас не думаю, в самом деле...
Наоборот...

С л а д е к. Так мы друзья, да?

В а н е к. Да...

С л а д е к. Так ты мне доверяешь?

В а н е к. Доверяю...

С л а д е к. Слушай, я одного из тех, что сюда ко мне из-за тебя ходят, знаю... Еще по школе, понимаешь... Тонда Машек, вроде неплохой парень... Мне, по крайней мере, палок в колеса не ставит...

В а н е к. Так у вас все хорошо...

С л а д е к. Не так, чтоб у него был слишком большой вес... Это-то нет... Но пару раз он мне уже подсобил... разве угадаешь, когда он мне в следующий раз понадобится... да и к тому же он, как я говорил, это уж факт... неплохой парень... так что я просто... короче... не мог его просто послать, сам понимаешь, куда?...

В а н е к. Понимаю... *(пауза.)*

С л а д е к. Ну, что уставился?

В а н е к. Я не уставился...

С л а д е к. Ну, говори, что думаешь! Говори, не бойся!

В а н е к. Я ничего не думаю...

С л а д е к. Другому скажешь! Я хорошо знаю, что ты думаешь! Но чего уж ты точно не знаешь, так это, если б я им ничего не пообещал, то они бы другого нашли, и это было бы намного хуже, потому что тот, это уж как пить дать, был бы себе на уме, не то, что я! Я — человек прямой, между прочим, не то, что другие. Такой уж у меня характер... Даже сейчас! И это твоя единственная везуха, если хочешь знать! Люди, между прочим, большие свиньи! Большие! Или ты думаешь, может быть, что нашелся другой бы такой осел, который бы все вот так тебе выболтал? Тогда у тебя не больше мозгов, чем у какого-нибудь пацана! Или ты не понимаешь, где живешь?

В а н е к. Конечно, я ценю вашу искренность...

С л а д е к. А ты знаешь, вообще, чем я рискую, выкладывая

тебе все вот так прямо? Что с тебя возьмешь, если ты на меня стукнешь? Я ведь теперь с ног до головы в твоих руках!

В а н е к. Я об этом никому не скажу...

С л а д е к. Значит, напишешь! Вставишь в какую-нибудь пьесу... Они ее сцапают... И мне конец!

В а н е к. Можете положиться, дальше меня это никуда не пойдет...

С л а д е к. Факт?

В а н е к. Факт...

С л а д е к *(откупоривает очередную бутылку, наливает себе. Пауза.)* Гмм...

В а н е к. Если бы получилось... с этим складом... что было бы со старым Шустером?

С л а д е к. А что бы с ним было? *(пауза.)* Но все-таки, это парадокс, да?

В а н е к. Гмм...

С л а д е к. Как пить дать... *(пауза.)*

В а н е к. Пан мастер...

С л а д е к. Гмм...

В а н е к. Еще раз о складе... Вы думаете, они позволят? Они знают, конечно, что мне там будет тепло...

С л а д е к. Вот такого — знают... *(пауза.)* У тебя жена есть?

В а н е к. Да..

С л а д е к. А дети?

В а н е к. Нет...

С л а д е к. У меня трое. Имей в виду... *(пауза.)*

В а н е к. В таком случае, что можно сказать, что я там буду подальше от людей...

С л а д е к. Ты, Фердинанд...

В а н е к. Их устраивает, если я подальше от всех, да?

С л а д е к. Ты, Фердинанд...

В а н е к. Это бы сработало, да?

С л а д е к. Ты, Фердинанд...

В а н е к. Да?

С л а д е к. В подкидного играешь?

В а н е к. Нет...

С л а д е к. А я играю... Тут так клево было... каждый четверг, знаешь... и что ты думаешь? Даже от этого пришлось

отказаться из-за какого-то там Лойзы Главотого...

Ванек. Гмм.

С л а д е к. Это так, чтоб ты знал, что никому из нас нелегко... *(пауза.)* Ты, Фердинанд...

Ванек. Да?

Сладе к. Мою старую знаешь?

Ванек. Нет... *(пауза.)*

Сладе к. Ты, Фердинанд...

Ванек. Да?

С л а д е к. До жопы все это!...

Ванек. Я знаю...

С л а д е к. Во тебе, знаешь! Тебе хорошо! Пишешь свои пьесы... Бочки катаешь... А все вокруг тебе до жопы! Чего тебе еще надо? В конце концов, они тебя, чувак, трухают!

Ванек. Преувеличиваете!

С л а д е к. Но факт! А что — я? На меня доносов никто не посылает! Меня могут облаять, как захотят! Меня в бараний рог скрутили! Как червяка раздавят... если нужно! Как червяка! Что тебе? Тебе хорошо! *(пауза.)* Ты, Фердинанд...

Ванек. Да?

С л а д е к. А эту Богдалку притащишь, хорошо? Не пере-ссышь? Не ссы!

В а н е к. Будьте уверены... Уже сегодня позвоню и догово-рюсь обо всем.

С л а д е к. Думаешь, придет?

Ванек. Сделаю все, что в моих силах...

Сладек. Вы ведь друзья, да?

Ванек. Да, конечно...

Сладек. Не, постой, вы ведь друзья, говоришь...

Ванек. Да... друзья...

Сладек. Постой... Друзья вы или нет?

Ванек. Да, но...

С л а д е к. Так в чем же дело? *(пауза.)* Японский бог, она может общаться, с кем хочет, ведь так?

Ванек. Да, само собой...

Сладек. Это неотъемлемое право, японский бог!

Ванек. Да, конечно...

С л а д е к. Что может быть важнее, японский бог! *(пауза.)*

В конце концов, кому какое дело, кто ее сюда притащит! Ну, будет просто встреча с трудящимися! ... Что в этом плохого...

Ванек. Я тоже так думаю...

Сладек. Так притащишь?

В а н е к. Сделаю все, что в моих силах... Позвоню сегодня же... Мы друзья... Что в этом плохого...

Сладек. Ты, Фердинанд...

Ванек. Да?

Сладек. Знал бы ты, как мне все это до жопы!

Ванек. Понимаю...

С л а д е к. Во тебе, понимаешь! У тебя на уме только одно: пусть этот болван выболтается...

Ванек. У меня этого на уме нет...

Сладек. Почему не пьешь?

Ванек. Я пью...

Сладек. Ты уже перекусил?

Ванек. Еще нет...

Сладек. Гори он ярким пламенем, этот перекус!

Ванек. Да я не голоден...

Сладек. Может, я и болван, но говорю прямо...

Ванек. Да...

Сладек. Я хотел поговорить с тобой...

Ванек. Понимаю...

С л а д е к. Люди — большие свиньи! Большие! Почему не пьешь?

Ванек. Я пью...

Сладек. А ты уже перекусил?

Ванек. Еще нет...

Сладек. Что тебе? — Тебе хорошо...

Ванек. Премного вам обязан...

С л а д е к. Все до жопы... *(откупоривает очередную бутылку и наливает себе. Пауза.)* Слушай...

Ванек. Да?

Сладек. Ты не против, что я тебе "тыкаю"?

Ванек. Нет...

Сладек. Если против, так скажи...

Ванек. Я не против...

С л а д е к. Хорошо, что хоть не против...

В а н е к. Наоборот, я рад, что друг друга лучше узнали...

С л а д е к. "Рад, что узнали друг друга лучше", "ценю вашу искренность"... Что ты такое мелешь!

В а н е к. Как в книжке?

С л а д е к. Ы...

В а н е к. Если вас это шокирует, то...

С л а д е к. Меня ничего не "шокирует"... "Я ценю, что мы узнали друг друга лучше"... Бля!

В а н е к. Прошу прощения?

С л а д е к. Бля! *(пауза)*

В а н е к. Пан мастер...

С л а д е к. В чем дело?

В а н е к. Мне пора идти...

С л а д е к. Куда?

В а н е к. Меня будут искать в подвале...

С л а д е к. В штаны не наложат! Там ведь Шеркези! Сиди здесь и пей!

В а н е к. Если честно... они рассердятся...

С л а д е к. Ага, я тебе осточертел, да? Конечно, с Готтом и Богдаловой ты время иначе проводил!

В а н е к. Мне здесь с вами хорошо, на самом деле. Только не хочу, чтоб слухи пошли... К чему они? Особенно сейчас, когда появилась эта перспектива работать на складе...

С л а д е к. Факт, тебе тут хорошо!

В а н е к. Факт...

С л а д е к. Ты это всерьез?

В а н е к. Всерьез...

С л а д е к. *(откупоривает очередную бутылку, наливает себе.)* Фердинанд...

В а н е к. Да?

С л а д е к. Знаешь, что хуже всего?

В а н е к. Что?

С л а д е к. Что я, японский бог, не знаю, что им докладывать каждую неделю, мать их так... Ведь я о тебе в общем-то ничего не знаю... По существу, я тебя почти никогда не вижу... Ну а все эти глупости, что до меня доходят... Что ты сачку-

ешь в лаборатории... что тебя пару раз видели в городе с Марушкой из бутылочного... что ребята из ремонтного тебе батарее дома чинили... Что с того? Ну, что мне им каждый раз говорить? Что?

В а н е к. Простите, но в этом мне тяжело вам помочь...

С л а д е к. Да уж не тяжело! Надо только захотеть...

В а н е к. Я? Каким образом?

С л а д е к. Ты ведь интеллигент, да? Ты ведь в политике сечешь...да? Пишешь, да? Кому еще знать, чего они хотят знать, если не тебе?

В а н е к. Простите, но может...

С л а д е к. Слушай, на том складе у тебя был бы вагон времени... Что тебе стоит раз в неделю набросать это в письменном виде. Ради меня. Я это заслужил, разве нет? Будешь под моим крылом! Будешь как сыр в масле кататься! И пива у тебя там будет до усрачки! Для тебя это семечки! Ты ведь, черт возьми, писатель! Этот Тонда Машек, он парень, что надо, ему просто нужно это... Мы ж не можем его подвести! Или мы, черт возьми, не говорили, что будем держаться вместе? Что будем помогать друг другу? Что будем плечом к плечу? Разве мы не пили за это?

В а н е к. Да, конечно, но...

С л а д е к. Все теперь, Фердинанд, зависит от тебя! Если подсобишь, все будет хорошо! Ты — мне, я — ему, он — мне и я — тебе... Так что каждый получит свое. Иначе не жизнь — а пекло! *(пауза.)* Ну... что уставился?

В а н е к. Я не уставился... *(пауза.)*

С л а д е к. Ты бы мог сам решать, что им знать о тебе... Этим не стоит бросаться...

В а н е к. Я знаю... *(пауза.)*

С л а д е к. На этом складе было бы ведь хорошо? Тепло, вагон времени...

В а н е к. Да, было бы отлично... *(пауза.)*

С л а д е к. Да, было бы отлично... *(пауза.)* Ну, так в чем же дело? *(пауза.)*

В а н е к. Пан мастер...

С л а д е к. Чего еще?

Ванек. Я вам в самом деле благодарен за все, что вы для меня сделали... Я ценю это, потому что сам знаю, как редко такое встретишь сегодня... Вы меня так выручили, потому что я в самом деле не знаю, чтобы без вашей помощи делал... Для меня это место на складе значило бы даже больше, чем вы, должно быть, думаете... Но я... Не сердитесь... Я ведь не могу сам на себя... доносить...

С л а д е к. Что значит, доносить? Кто здесь о доносах говорит?

В а н е к. Речь не обо мне... Мне это не может повредить... Дело — в принципе! Я ведь из принципа не могу участвовать в...

С л а д е к. В чем? Ну, скажи! В чем не можешь участвовать?

В а н е к. В том, с чем не согласен... *(короткая напряженная пауза.)*

С л а д е к. Гмм. Так не можешь. Значит, ты не можешь. Отлично! Теперь ты себя выдал! С головой! *(Встает и возбужденно ходит по комнате.)* А что со мной? Меня, значит, бросаешь. На меня тебе наплевать! Я свиньей быть могу! Я это говно могу разгрести, я не в счет, я просто жлоб с пивоварни... А пан, он участвовать не может! Я себя выпачкать могу, только чтоб пан чистеньким остался! Для пана это дело принципа! А другие — что? Он об этом уже не думает! Только, чтоб самому не запачкаться! Принцип ему дороже человека! Вот вы какие!

Ванек. Кто мы?

С л а д е к. Ну, вы! Интеллигенты! Господа! Только красивые слова, только это и можете себе позволить, потому что с вами ничего случиться не может, вами-то всегда интересуются, это вы всегда можете устроить себе, вы сверху, даже когда в яме, а простой человек здесь барахтается, шиш получает и нигде не докричится, и кому не лень, обосрет его, и он для всех только половая тряпка, и каждый рычит на него, и жизни никакой у него нет, и под конец господа еще скажут, что у него принципов нет! Теплое местечко на складе — это ты от меня принимаешь, а взять вместе с ним свою часть говна, в котором я болтаюсь изо дня в день, этого тебе уже не

хочется! Все вы очень хитрые, все хорошенько рассчитали, о себе очень хорошо умеете позаботиться! Принципы! Принципы! Конечно, как вам не отстоять этих ваших принципов! Они вам хорошо окупятся, ведь вы их очень выгодно продаете, вы на них ведь хорошо заработаете, вы с этих ваших принципов ведь живете, а что я? Мне за них только достается! У вас всегда есть шансы, а у меня какие шансы? До меня никому нет дела, меня никто не боится, обо мне никто не напишет. Все, на что я гожусь, так это в навозе копать, из которого эти ваши принципы вырастают, да выбивать теплые местечки для вас, героев. И за все это, в конце концов, надо мной будут насмехаться! Ты когда-нибудь вернешься к своим актрисам, будешь гоголем перед ними ходить, что бочки катал, героем будешь, а что я? Куда мне возвращаться? Кто меня заметит? Кто мои подвиги оценит? Что я с жизни имею? Что меня ждет? Что? *(Сладек тяжело опускается на свое место; положив голову на грудь Ванека, начинает громко всхлипывать. Немного погода успокаивается и, глядя снизу вверх на Ванека, начинает говорить тихим голосом.)* Фердинанд...

Ванек. Гмм...

Сладек. Ты — друг?

Ванек. Да...

Сладек. Прошу тебя, иди за ней... Сейчас же приведи ее сюда... Прошу тебя... *(пауза.)* Скажи ей: "Ежинка... там со мной один мой друг... один жлоб с пивоварни, но парень, что надо"... *(пауза.)* Я тебе это место на складе выбью... Не буду у тебя никаких отчетов для них просить, только это, прошу тебя, устрой... *(пауза.)* Сделаешь это ради меня? Скажи, что сделаешь? Только на один вечер... потом мне уже хорошо будет... потом все уже будет по-другому... потом я уже буду знать, что жил не впустую... что эта моя говенная жизнь была не такой уж говенной... Приведешь? *(Сладек берет Ванека за грудки и истошно кричит в лицо.)* Если ты не приведешь... я, я... я не знаю... я, наверно... наверно... наверно... *(Сладек начинает тихо плакать и вновь опускает голову на грудь Ванека. Пауза. Немного погода всхлипы постепенно переходят в громкий храп. Ванек, подождав немного, осторожно кладет*

голову Сладека на стол, тихо подымается и направляется к двери. Поворачивается, колеблется. Наконец, говорит спящему Сладеку.)

Ванек. Не горюйте... (Ванек выходит. Немного погодя раздается стук в дверь. Сладек тотчас просыпается; после короткого сна он вновь совершенно трезв и ведет себя точно так же, как в начале пьесы; очевидно, что он уже совершенно забыл все, что произошло.)

Сладек. Входите. (В комнату входит Ванек, застегивая ширинку.) А, пан Ванек. Входите! Садитесь... (Ванек садится.) Пивка выпьете? (Ванек утвердительно кивает. Сладек вытаскивает из ящика бутылку, откупоривает ее, разливает в два стакана, один из них пододвигает Ванеку. Ванек залпом выпивает.) Ну, что? Как дела?

Ванек. Все, все до жопы!

Занавес

КОНЕЦ

БОРИС ХАЗАНОВ Я ВОСКРЕСЕНИЕ И ЖИЗНЬ

ОДНОТОМНИК ИЗБРАННОЙ ПРОЗЫ 352 стр.

Однотомник избранной прозы Бориса Хазанова включает три произведения, которые объединены общей темой. Эта тема — "антивремя", эпоха, давшая жизнь поколению, чье детство и юность протекли в промежутке между двумя мировыми войнами. Вместе с тем антивремя — это время, обращенное вспять, упорядоченное нашей памятью и как бы переживаемое заново.

Повесть "Час короля" — история вымышленного миниатюрного государства, оккупированного нацистской Германией.

"Я Воскресение и Жизнь" — семейная драма, в центре которой стоит ребенок.

"Антивремя" — роман, действие которого, как и в предыдущей повести, происходит в Москве. Это история любви, связавшая трех молодых людей и рассказанная много лет спустя ее единственным оставшимся в живых участником. В роман вплетена тема "двойного отцовства" — русского и еврейского, которая становится частью общей темы исторической судьбы страны. Написанная в конце 70-х годов, книга вместе со всеми черновиками была арестована КГБ и позднее написана автором заново.

Все три произведения Бориса Хазанова, писателя, работающего в современной аналитической манере, с использованием многозначной символики и фантастики, но пишущего ясным, лаконичным и гармоническим языком, воспроизводят одну и ту же жизненную ситуацию — одиночество человека, отстаивающего свое достоинство перед грозными силами неумолимой Истории, деспотического Государства и своего собственного душевного подполья. Книги Бориса Хазанова не относятся к роду политической, идеологической, националистической или какой-либо иной ангажированной литературы, "Душа мытарствует по России в XX веке" — в этих словах Блока заключена вся его программа.

Заказы и чеки присылайте на адрес издательства:

Time and We

475 Fifth ave, suite 511-A, New York, New York, 10017

Цена 15 долларов, включая пересылку

АРДИС

Войнович, Владимир. Антисоветский Советский Союз. 1985. 298 стр. \$12.50

Раскрытие главной и тщательно оберегаемой тайне — реальной повседневной жизни советских людей — посвящена эта книга. В ней собраны истории из жизни крестьян, рабочих, военных, партийных бюрократов от низших до высших, писателей и из жизни самого автора. Из всех этих «картинок советской жизни» складывается общая цельная картина.

Войнович, В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Лицо неприкосновенное. 1985. 287 стр. \$12.50

Книга пользовалась такой популярностью, что несколько ее изданий полностью распродано.

У нас также можно приобрести 2-ой том: «Претендент на престол. Новые приключения Ивана Чонкина». Париж. 1981. 357 стр. \$14.00

Аксенов, Василий. Скажи изюм. Роман в московских традициях. 1985. 372 стр. \$12.50

В рассказе о группе фотографов, решившихся на издание первую неподцензурного фотоальбома «Скажи изюм», угадывается реальная история создания первого неофициального литературного сборника «Метрополь», одним из авторов которого был В. Аксенов. Однако роман интересен не только историческими аналогиями, но и юмористическим описанием быта творческой интеллигенции по обе стороны железного занавеса.

Соколов, Саша. Палисандрия. 1985. 296 стр. \$12.50

Герой новой «псевдоисторической» и «псевдоэротического» романа С. Соколова - «внучатый племянник сталинского соратника Лаврентия Берии и внук виднейшего сибирского прелюбодее Григория Распутина... автор публикуемых воспоминаний Палисандр Дальберг (XX-XXI в.в.) прошел по-наполеоновски славный путь от простою кремлевской сироты и ключника в Доме Массажа Правительства до главы государства и командора главенствующего ордена... Дотошно воссозданные им фрагменты интимной жизни правящей олигархии, в частности, этюды о совращении именитых кремлевских жен, описания самоубийств, покушений, казней. заметки о путешествиях, детских проказах и старческой проституции - то есть по сути вся толща воспоминаний читается безотлагательно».

Ardis Publishers

2901 Heatherway, Ann Arbor Michigan 48104 USA

Владимир ВИШНЯК

ИЗРАИЛЬСКАЯ СЮИТА

"Я не твой, снеговая уродина !"
Вл. Маяковский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОДА ИЕРУСАЛИМУ

Ерушалаим мой золотой...
Популярная песня

Кого мы видеть здесь желаем, —
Пророчит Урия, —
Всех принесет в Ерушалаим
Большая алия.
И благодатным станет краем.
Живей, пышней стократ
Прекрасный наш Ерушалаим,
Священный вольный град...

Ерушалаим золотой,
За той заветною чертой,
Куда зовет молитвой предков
Сион святой...

О, сон мой, Иерусалим,
Твой запоздалый пилигрим,
Иду по виа Долороса
С крестом своим.

Прощай, враждебный взгляд России,
Дичь русопятая,
Теперь с тобой мне ждать Мессии,
Братва пейсатая.
И не излечишься хамсином *
От снежных снов зимы,
Уж лучше сразу стать хасидом
И звонко петь псалмы...

Ерушалаим золотой,
За гранью дальнею за той,
Где ходят в черных лапсердаках
В палящий зной...
О, град мой, Иерусалим,
Ты, как тот куст, неопалим,
Молюсь под хвоей Гефсимана
Крестам твоим.

Цахалу** в Шхеме и Хевроне
Грозит Хусейна рать,
И под ветрами на Хермоне
В дозорах загорать...
Но бредом сладостным томимы
О перевозданных днях,
Пускают корни амунимы
В пустыне на камнях.

Ерушалаим золотой,
Молочным светом залитой,
Твои холмы, твои хамсины —
Сон странный мой.

*Знойный ветер, дующий из пустыни.

**Армия Обороны Израиля.

О, пуп земли, Ерусалим,
Ты от Руси неотделим,
Вот я иду по раскаленным
Камням твоим.

ОДА ТЕЛЬ-АВИВУ

Ты возник, мой спасительный миф,
За негданной далью морей,
Тель-Авив, голубой Тель-Авив,
Стольный город пустыни моей,
Лишь порой липкий зной омерзит,
Да на площади душный кагал...
Но твоя Тахана Мерказит*
Мой отныне Казанский вокзал.

Все усилия предков моих,
Вырывавшихся в Санкт-Петербург,
Зачеркнул завертевшийся вихрь,
Грозный вестник космических бурь...
О, российских изгоев мечта,
Бело-синий в хамсине залив,
Заповедного гетто черта,
Тель-Авив, голубой Тель-Авив!

Пью за пышный грейпфрутовый сад,
Шок души глубоко заховав,
Пью за юную прелесть солдат,
Длинноногих Шошан и Захав...
Яд Эльяу** — Лужникам не чета,
Но в круженьи — ведущий мотив:
Не Париж, не Сайгон, не Чита —
Тель-Авив, голубой Тель-Авив!

И покуда хранят небеса
Этих склонов горячую медь,

*Центральная автобусная станция.

**Стадион в Тель-Авиве.

Будут звонко твои голоса
 Над планетой гортанно греметь...
 А в Москве моей, там ни черта:
 Ни пейсатых, ни пыльных олив...
 О, последняя в жизни черта,
 Тель-Авив, голубой Тель-Авив!

ПЫЛЬ, ПЫЛЬ, ПЫЛЬ ...

И только пыль, пыль, пыль...
Р. Киплинг

Кровь Христа нам не простили,
 Не простили наш Закон.
 Незаконный сын России,
 Восхожу я на Сион.
 Что мне Грозные Иваны,
 Гришка-вор и Калита,
 Коль проходят караваны
 Через ОВИР в Мисрад Клита*...

И только пыль-пыль-пыль
 И густой туман,
 И кругом вражды щемящий дым.

Славных предков не забуду,
 Им я нынче бью челом,
 В этот сэдэр с ними буду
 За столом читать псалом.
 Загужу, как сонный филин,
 Коль гуденье началось,
 Талес на спину и тфилин
 Накручу я на чело.

И только пыль-пыль-пыль
 И густой хамсин,
 И кругом войны щемящий дым.

---

*Министерство абсорбции.

Комсомолец в иешиве
 Изучает Агаду,
 И райкомовец плешивый
 Ест кошерную еду.
 Комсомолка из Рязани
 Ждет обритья головы,
 Себе сделал обрезанье
 Математик из Москвы...

Еш ли ём-ём хаг, *
 Еш ли хаг ем-ем,
 Еш ли ем-ем хаг — аллилуй!

Все проходит — зной и осень,
 Диамат и Агада,
 Нас, как лодочку, уносят
 Беспокойные года...
 Где же той лавины сладость,
 Той толпы Симхат-Тора?***
 Всем чередой дается радость,
 Будет вновь надежд пора...

А пока лишь пыль,
 И густой хамсин,
 И кругом войны щемящий дым.

И теперь с Москвой в разлуке
 Ты везде московский гость,
 О, как много в этом звуке
 Подозрения слилось.
 Мудрено ли, век твой прожит
 Вместе с грозною Москвой,
 Счастья нет, но где же может
 Быть и воля, и покой.

Есть лишь пыль-пыль-пыль
 И густой туман,
 И кругом вражды щемящий дым...

---

*У меня сегодня праздник.

Где же дальняя обитель
И трудов, и сладких нег?
Оглушает усилитель,
И нигде покоя нет.
И что толку от побега, —
Всюду шум и ложь идей...
Так пускай уж до ночлега
Время гонит лошадей!
И только пыль-пыль-пыль
И густой туман,
И кругом войны щемящий дым...

ГИМН — НАДЕЖДА

Боже, нас помилуй и спаси
На Святой Земле и на Руси,
Отпусти народ Твой, отпусти,
Но и ериду ему прости.
Пусть летят за синие моря,
Не грусти, Прародина моя,
Не суди вчерашнего раба,
И за все, за все тода раба. *

Счастлив, кто прошел сквозь дым и гром
и обрел здесь истинный свой дом,
Счастлив, кто рожден в Святых местах
и не знает, что такое страх.
Надо мною неба синий шелк,
В этот край две тыщи лет я шел.
Вот Земля Обетованная,
Но Россия — родина моя.

ФЛАГ БЕЛО-СИНИЙ

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я флаг бело-синий ловлю, как в бреду,
Залетный, случайный...

Я флаг бело-синий ловлю, как в бреду,
Залетный, случайный.

*Большое спасибо.

КАХОЛ ВЭ ЛАВАН

Кахол вэ лаван,
Зэ цева шели...
Какой я болван,
Как я нашалил,
Кахол вэ лаван,
Какой я болван,
Что переселился в такой
Балаган.

Кахол вэ лаван,
Цивей адмати,*
Какой я болван,
Опять взаперти,
Крути — не крути,
Крути — не крути,
Дорога одна:
Только на
"Либерти".

А на "Либерти"
Железные двери,
Все на "Либерти"
Пугливы, как звери,
За каждым надзор,
И пьяный спецкор
Спешит убедить вас,
Что он
Не шпион.

Кахол вэ лаван —
Зэ цева шели,
В бурлящий Ливан
Уже мы вошли,
Кахол вэ лаван,
Пылает Ливан,

*Голубой с белым — это мой цвет.

В дыму и крови
Мой гудит
Балаган.

Кахол вэ лаван,
Забуть бы Россию...
Подсунул Лаван
Иакову Лию.
Какие ж грехи
Сокрыли Рахиль,
Ах, всюду туман
И весь мир —
Балаган.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕСНЯ ВОЛЖСКОГО НЕМЦА

Я люблю тебя, жид,
Что само по себе очень ново...
Я люблю тебя, жид,
Не стесняюсь я слова такого...
Вот уж спутник кружит,
Космонавт приземлился усталый,
Но мне жаль тебя, жид,
Тебе все еще лучше не стало.

Мне немало дано:
Казахстан и просторы Алтая.
Ведь, известно давно:
Мы — фашистов закаятая стая.
В звоне каждого дня
Ни на миг нет нам, фрицам, покоя,
Пятый пункт у меня,
Жид, ты знаешь, что это такое.

Как поют Соловки,
Полумрак и арест на рассвете,

И вершина любви —
Это чудо в тюремном кастете.
Вновь мы с вами пройдем
Тюрьмы, ссылки, вокзалы, причалы;
Будут муки потом —
Все опять повторится сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим целину замечая.
Как мне жалко ребят,
Что живут там, уехать не чая.
Что ж ликуй и пляши
В трубных звуках трескучего гимна...
Я люблю тебя, жид,
Не надеясь, что это взаимно.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

С чего начинается родина?
С анкеты твоей в КаГэБэ...
С хороших и верных товарищей,
Бесстрашных в идейной борьбе...
А может, она начинается
С ареста родного отца
И с давней дороги Владимирской,
Которой не видно конца.

С чего начинается родина?
С березки на старом дворе,
Сосед на которой повесился,
Когда шли за ним на заре...
А может, она начинается
С удара внезапного в пах
В подвале народной милиции,
Что смрадом и кровью пропах.

А чем завершается родина?
 Хождением за визой в ОВИР,
 Досмотром во мгле Шереметьева,
 Отлетом в неведомый мир...
 А может, она завершается
 Отказом, Бог весть, почему,
 И за изучение Библии
 Угоном в гулажную тьму...
 Вот так завершается родина.

ВЕРНУЛСЯ Б Я НА РОДИНУ

Вернулся б я на родину,
 Да стыдно хаять прародину,
 И горько жить без родины
 В родимой стороне...
 Пускай я здесь опять чужой,
 Но у меня есть родина,
 Прекрасная, чудесная,
 Живет она во мне!

Породой раболепная,
 Природой великолепная,
 Такой тебя, о, родина,
 Оставил я в беде...
 Была бы только родина
 Душою не уродина,
 А полной нет,
 Свободы нет
 На свете нет
 Нигде.

НУ, ЕЩЕ, НУ, ЕЩЕ КАК-НИБУДЬ..

Мой любимый старый хрен
 Дал внезапно странный крен,
 Рассердился вовсе он,
 Устремился на Сион...

Комиссар и замполит,
 А потом космополит...
 Слишком поздно
 Он собрался.
 Путь опять закрыт...

Ну, еще, ну, еще как-нибудь
 Приоткроется путь,
 И тогда, и тогда не зевай,
 И о визе к ОВИРу зывай...
 Из Москвы убирайся москвич,
 Оседлай
 Брайтон-Бич...
 А еще, а еще не забудь
 Скромный крестик повесить на грудь!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я не знаю, кто живой

а кто мертвый. А. Галич

МОЙ ДРУГ УЕХАЛ В ТЕЛЬ-АВИВ

Мой друг уехал в Тель-Авив,
 Наденьте шляпу, наденьте шляпу,
 Презрев здоровый коллектив,
 Он задал драпу, он задал драпу,
 Не то, чтоб был он иудей
 Иль жертва сталинских затей,
 Не от каких-нибудь атак,
 А просто так,
 А просто так.
 А в Тель-Авиве, там Шин Бэт,
 Госбезопасность, госбезопасность
 От парня требует ответ
 И ищет ясность,
 И ищет ясность.
 Ну, как же так: не иудей,
 Не жертва сталинских затей,
 Неужто ты такой простак,
 Чтоб просто так,
 Чтоб просто так.

Мой друг отправился в Нью-Йорк,
 О, это диво,
 О, это диво.
 Прошел, как сон его восторг
 От Тель-Авива, от Тель-Авива.
 А там, в Нью-Йорке ЦЭ ЭР У
 Его в ту ж самую игру:
 Неужто ты такой простак,
 Чтоб просто так,
 Чтоб просто так.

Он возвращается в Москву,
 Ну, что за шляпа,
 Ну, что за шляпа.
 Ах, без Москвы я не могу,
 Вдруг стал он плакать,
 Вдруг стал он плакать.
 А тут, конечно, КА ГЭ БЭ
 Его кромешно тэрэбэ,
 Э, не такой уж ты простак,
 Мать твою так,
 Мать твою так.

Мой друг уехал на тот свет,
 Снимите шляпу,
 Снимите шляпу.
 Уехал сам от этих бед,
 Не по этапу,
 Не по этапу.
 А того света спецотдел
 Его прощупать захотел,
 Попал впросак,
 Пропал простак
 За просто так,
 За просто так.

Я ШАГАЮ ПО КАЛЕ. . .

Здесь когда-то Пушкин жил,

Пушкин с Вяземским дружил...

У метро "Аэропорт" Г. Шпаликов

Мимо злобных пьяных лиц
 Величавый, словно лорд,
 Ходит с мопсом Раппопорт.
 Здесь когда-то Калик жил,
 Калик с Балтером дружил,
 Миронер на кухне с грустью
 О Марлене говорил.

Далеко от милых лиц
 В чуждом шуме заграниц
 Вспоминает Раппопорт
 То метро "Аэропорт".
 Там когда-то Галич жил,
 Галич с Зориным дружил.
 Заходил к нам Агранович
 И за полночь пел и пил.

Я в Москву к друзьям звоню
 Прямо с Пятой авеню,
 Говорю, послал уже
 Вам затычки для ушей...
 Там когда-то Богин жил,
 Богин с Габиком дружил,
 А теперь они в Нью-Йорке,
 Каждый здесь уж старожил.

Я шагаю по Кале,
 Как шагают по скале.
 И сомнамбулой в бреду
 По Манчестеру бреду.
 Здесь когда-то Энгельс жил,
 С Карлой-Марлой он дружил.
 В результате этой дружбы —
 Я уже тут старожил.

**ИСТОРИЯ ПОЭТА И ДРАМАТУРГА АПОЛЛОНА
ГРИГОРЬЕВИЧА ГНЕДИЧА О ЕГО ПЕРЕСЕЛЕНИИ
НА ЗАПАД, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ.**

В мир явился пророк с видом дошлого узника
И обрел в царедворце лукавом союзника.
Тиснул повесть в журнал — и пошли ему почести,
Гонорары с изданий да потиражные.
И бубнили сатрапы и критики ражие,
Что пример нам великий — герой этой повести:
Не темнит, не филонит с матерыми урками,
Не сачкует, болтаясь в каптерке с придурками,
А ишачит на крепком морозце сознательно.
Это очень типично, мол, и показательно.

Опочил царедворец, терзаем сомненьями.
Закидали пророка дерьмом и камнями.
Он укрылся за городом, черню не догнанный,
И к убийцам взывал: откажитесь от догмата!
Плагиатчик маститый с глазами карателя
Объявил всенародно пророка предателем.
Улюлюкала чернь, как и было ей задано.
Тут пророк мой женился нежданно-негаданно,
Как сказал партинструктор один, на евреечке
И беседовал с ней лишь на тихой скамеечке...
А потом приказали: живого иль мертвого
В каземат на дознание доставить в Лефортово.
К высшей мере его присудили, — к изгнанию!
В самолет запихнули его и — в Германию.

Тут меня вызывают в Правление,
Накатай, говорят, сожаление,
Что на мельницу льешь энтээсникам,

И враги так и льнут к твоим песенкам...
Тут и подал в ОВИР я реляцию:
Отпустите меня в эмиграцию.
Ну, а мне говорят: хоть и выкрест ты,
В Израиль тебя только и выпустим.

Что ж с них взять, ведь они лишь работники.
Пусть теперь подсобят ешиботники.
И приходит мне вызов от родича,
От какого-то Рабиновича,
Очень важного содержания
С обязательством содержания.
И печать на нем семисвечная,
И звезда на нем шестиконечная.

Прохожу я досмотр в Шереметьево,
Вдруг тамошница крестик заметила,
Для чего, говорит, вашей нации
В Израиле такие фигагии,
Ваша нация зря старается:
Культы предметы отбираются...
Тут решил я, сыграю в неравную,
Пострадаю за Русь православную,
И сказал я, без этого крестика
Я не сдвинусь отсюда, хоть тресните.

Я стою, страшной мыслью встревоженный,
Тут подходит начальник таможенный,
Что за шум, говорит он, а драки нет,
Здесь не лавочка, не синагога вам,

За предмет золотой мне совзнаками
Оплатите, не требую многого.
Да, кресты, говорит, отбираются,
Но при въезде, а не при выезде,
Ладно, Люська, пускай забавляется,
Молодец, что зашла ко мне выяснить.

Прилетаю в столицу австрийскую,
А сохнутчик уж тут встрял со списками.
Но меня этим типам не вывертить,
У меня приглашенье на "Либерти".
И вещаю, бренчу на гитаре я,
И за жизнь с полицаем гитарю я.

Окончание в следующем номере.

Станислав ДУМИН

ЗНАК МЕССИАНСТВА И ИЗГНАНЬЯ

Будь проклят Рим, смешавший племена
в мычащее по-италийски стадо.
Мне от его величия — не надо
ни рублища, ни макова зерна.

Будь проклят Рим, где мы с позавчера
не варвары, а граждане Вселенной,
где наши города, поля, селенья —
охапка дров для общего костра.

Будь проклят Рим, вскормивший нас свинцом
заманчивой и гибельной идеи,
что галлы, персы, греки, иудеи —
один народ перед его лицом.

Будь проклят Рим, внушивший нам и им
необратимость этого слиянья.
За то, что он чинит благодеянья
не прощенный никем — будь проклят Рим!

Будь проклят Рим за то, что мы — немее
 лесных зверей. За то, что наш язык
 его слова произносить привык.
 Будь проклят Рим — за то, что мы — ромеи...

РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА — С УВАЖЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ

Обнимая ту и эту,
 пей кизлярское вино,
 средне-русскому поэту
 долго жить не суждено.

От холеры иль запоя
 он покинет круг людей,
 но пойдут его тропою
 финн, тунгус и иудей.

Не жалея и не завидуя,
 пусть гуляет не спеша
 по туманному аиду
 гениальная душа.

Ну, а если из зенита
 Феб разбудит сгоряча,
 ороси себе ланиты
 из Кастальского ключа.

Через краткое мгновенье
 ты воспрянешь без вреда.
 Сей источник вдохновенья
 суть холодная вода.

Сам подумай, неужели
 с палашами наголо
 приведут тебя к служенью
 Гиמןей и Аполлон ?

А наскучит круг семейный,
 с царской кухни беяши,
 так сиди себе в имени
 да элегии пиши.

У владимирского гуся
 лучше ножка, чем перо,
 так давай, барон, закусим,
 поминая град Петров.

Взором диким, взором хмурым
 ты пронзаешь визави.
 Знать, запутался в амурах? —
 так Палашку позови!

Сердцу больно — жили плохо,
 долгий вздох неудержим,
 ах, тяжелая эпоха,
 николаевский режим.

* * *

Играли постылые роли,
 не зная ни дня, ни числа,
 но автора явная воля
 к финалу сюжет привела.

Не все ли, мой ангел, не все ли
 метались, что рыбы в сети,
 но с бешеной той карусели
 уже никому не сойти.

Когда полоумного князя,
 тряпичную куклу в ряду,
 в казенной застиранной бязи
 под душ ледяной поведут —

Какая его осудила
 шептать покривившимся ртом,
 что нет золотой середины
 в октябрьском дне золотом?...

ИЗ ЦИКЛА "КАВАЛЕРИЙСКИЕ ЭТЮДЫ"

Такие, брат, дела.
Отсняты кадры драмы.
Массовка полегла
под Вязьмой и Ваграмом.

Но листьям в листопад
не след просить пардону.
А тот, кто Бонапарт,
стирает грим ладонью.

Длинна была война, —
как серый дождь осенний,
но снова спасена
статистами Рассея.

Вы шли красиво в бой,
но, знаете, поручик,
там дальше — про любовь,
актер сыграет лучше!

* * *

Медный зверь. Гранитная держава.
Мокрый ветер гонит снег лежалый
под копыта медного коня.
Медный горн скликает полк под знамя.
С ними Бог. Бог с ними, и Бог с нами —
мартобря пятнадцатого дня.

Широка страна моя родная!
Кивера по ниточке равняя,
шпорами неистово звеня,
тяжкий крест берущие на плечи —
от тоски отчизны не излечат
мартобря пятнадцатого дня.

До обрыва вел слепцов незрячий.
Дождь сухой, парящий лед горячий,
ровный счет картечного огня.

Господи, кто в праве, кто в ответе, —
но спаси начавших на рассвете
мартобря пятнадцатого дня.

Широка страна моя родная! До края,
кольцами железными играя,
повезут сегодня — не меня.
Матушка, мой свет, утри слезу мне,
мы еще слабее и безумней
мартобря пятнадцатого дня.

* * *

Вы десять лет за ту сражались,
ломая копья и щиты,
углями тлеющих пожарищ
запечатлев ее черты.

А эта — с ужином ждала,
все по-хозяйски хлопотала,
пряла и простыни латала
да прибирала со стола.

Не упрекнет, подаст вина,
омоет раны после драки.
У вас прекрасная жена,
какого черта, царь Итаки?

* * *

Немецкий дождь с утра пораньше
бьет в барабан по площадям,
но русский снег на крышах ратуш
не краше прусского дождя.

Лгут короли и Бонапарты,
созвездья лгут — который год.
Моей отчизны нет на карте,
Моей земли осталась горсть,

но навсегда пребудет с нами,
как в медальоне эта прядь, —
пыль на ладони,
символ,
грязь,
знак мессианства и изгнания.

* * *

Я твой кленовый обрывок, отче,
Ветер осенний меня несет.
Много ли избранных? Я — из прочих,
господом склеенная непрочно
черная птица — ни то, ни се,

ворон святого Иеронима,
голубь, — не знаю, куда лети,
мне лишь винить тебя, отче милый,
что не донес меня до горнила,
что не ковал меня, а лепил?

Мягкая кукла с крестом нательным,
хоть в кружева ее облеку,
все не из лучших твоих изделий,
не из фарфора и не из ели,
не Дон-Жуан и не Арлекин.

Но — шутки ради, по доброте ли,
сделай подарок в день именин,
перелепи мне душу и тело,
перекрой меня, переделай,
или пружину перемени.

* * *

Вчера, о холоде судача,
поверив признакам зловещим,
мы заколачивали дачи,
везли увязанные вещи,

и как в правление Бирона,
под сенью облачной шинели
вдоль темно-серого перрона
больные сумерки синели.

Природа, горестно и гневно
сорвав больничную пижаму,
во льду, что мертвая царевна,
в холодной комнате лежала.

От перелеска до откоса
и от мизинца до затылка
в подобьи общего наркоза
ее величество застыла.

И первой жертвой снегопада,
небранный дворник оголтело
скребет дюралевою лопатой
ее бесчувственное тело.

Кляня Аллаха и Амона,
он роет ход среди завала,
и остывает чай с лимоном
во тьме его полуподвала.

Товарищ, яростно зевая,
оставь намеренья благие.
Зимы научное название —
космическая летаргия.

Купи продукты в бакалее,
прими простудную микстуру,
прочти Дюма и Апулея,
прочти "Советскую культуру".

Мой друг, ниспослана сюда нам
 столь неприятная погода,
 поскольку солнце над Суданом
 притормозило на полгода.

А по означенной причине,
 в гитарном аккомпанементе,
 мы в совершенстве изучили
 искусство dolce far niente.

К чему стремиться из постели
 для прочих благ и избылиии,
 когда и окна запотели,
 и батареи затопили?

КНИГИ ДОРЫ ШТУРМАН МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

В первой части книги, озаглавленной "Победа и крушение Ленина", рассмотрены миропонимание, этика и деятельность Ленина в 1917-1923 гг. Во второй части, которая называется "Николай Бухарин — любимец партии", исследована альтернатива Сталин—Бухарин. Третья часть книги называется "Читая Троцкого". На примере Троцкого легче всего выявляются и прослеживаются основные черты классического марксизма. Троцкизм представляет собой сегодня активное направление международной коммунистической мысли и деятельности, успешно используемое СССР. Поэтому восстановление истинного миропонимания, психологии и поступков Троцкого особенно злободневно. Источниками для написания этой книги послужили преимущественно сочинения, речи и письма Ленина, Бухарина и Троцкого, а также исторические документы, связанные с их деятельностью. В книге использованы многочисленные свидетельства современников описываемых событий. Несмотря на всю документированность книги, изложение носит характер очерково-публицистический, а не строго академический. Сохранен живой колорит событий, уделено существенное внимание психологической подоплеке поступков главных персонажей исторической драмы 1917-1930-х годов. События рассматриваемой эпохи соотнесены с современностью.

560 с. Цена 9 англ. фунтов

Overseas Publications Interchange Ltd.
 Queen Anne's Gardens GB London W4 1TU

А. ГОСПОЛЕДЬ

БОЛЕРО

Пять женщин я люблю одновременно:
 Одну — галантно преклонив колено,
 Вторую — жадно, третью — глубоко,
 Четвертую — всей нежностью и болью,
 Всем опытом, всей тяжестью, всей солью,

А с пятой мне спокойно и легко.

Пять женщин для меня — как пять знамений:
 Одна из них — презренье, муза, гений,
 Вторая мне, как кошке молоко,
 У третьей смысл — деревня, небо, море,
 Четвертая, как жизнь, без аллегорий,

А с пятой мне спокойно и легко.

Стихи из одноименного сборника.

АПОСТОЛ АНДРЕЙ

Явившись чудеса, восставший из могилы
Учил меня не раз и повторял опять:
"Не уповай, Андрей, на собственные силы —
На то, что тлен и пыль, не стоит уповать".

Я шел за ним один. Потом нас стало трое.
Потом пришли еще, и среди них — сексот.
А Он твердил про птиц, мол, птицы шахт не роют,
Мол, птица каждый день летает и поет.

Потом пришла толпа. Дележ хлебов. Проказа.
Сексбомба, сверхзвезда — Он ехал на осле. —
Великий эпицентр локального экстаза,
Измученный пророк с печалью на челе.

Толпа то била нас, то на руках носила.
Он был для всех то царь, то самый жалкий раб,
Но всюду Он учил: "Ничтожны ваши силы,
Ты жалок, человек, тщедушен, глуп и слаб."

Но как-то на заре, воздевши руки кверху,
Возник Он предо мной в проталине дверей:
"Попробуй уповать на собственную веру,
Попробуй уповать на Господа, Андрей"!

И, резко повернув, предчувствуя Голгофу,
Ни человек, ни Бог, уже совсем ничей,
Пошел Своим путем навстречу катастрофе,
Оставив миру текст предвыборных речей.

КАССАНДРА

На рыночной площади, возле казармы,
Где к битвам героев готовит опять,
Вещает Кассандра. Вещает Кассандра.
(А голос, о Господи, только вещать!)

На рынке торгуют зерном, овощами,
У винного ряда толпится народ.
Кассандра не пьет, Кассандра вещает.
Заметьте, вещает, представьте, не пьет.

Какое царит оживленье в Пергаме!
Герои, смеясь заступают в наряд,
Торгуют оливками и пирогами.
Философы спорят. Поэты творят.

Сограждане сонны и несправедливы
Над чащей своею, с утра окосев,
Кассандра предвидет кровавые нивы,
Костей небывалый посев.

С ясной зари до немислимой ночи
Рыдает и стонет она...
Работает рынок, Кассандра пророчит,
Уже неизбежна война.

Сгущаются тучи над местностью нашей,
Ступает беда горячо.
Но пусть мои губы хмелеют над чашей
И просят чего-то еще!

* * *

От мудрости ранней и едких острот
Душа моя стала черна.
Цветет и цветет мой душистый острог,
Играет страстями весна.

От мудрости поздней, опасной уже,
Я стал осторожен и строг,
Искусство, действительно, требует жертв,
Но я отступиться не смог.

От ранних дорог, от весенних простуд
Твержу я — так шепчет вода —
Храни тебя Бог, как гнездо на мосту,
Как ласточку возле гнезда.

Пусть те, кто моложе, сжигают мосты,
Одно у меня в голове:
Храни тебя Бог, как траву и кусты,
Как ящериц в этой траве.

Как запах сирени, как свет на ноже,
Как сившийся гению стих,
Искусство, действительно, требует жертв,
Но не сообщает, каких.

Усталость металла, коррозия чувств,
Скольжение воды по веслу,
Летит и летит мотылек на свечу,
И крыльями бьет по стеклу.

НАЧАЛО ОТЧАЯНИЯ

Ночь. Время для гениев и тараканов.
Грешно и смешно возмущаться судьбой.
С кем мне разговаривать — с чайным стаканом,
С всевидящим Господом или с собой?
Бессонный кузнечик в симфонии сена,
Сверчок, до сих пор не нашедший угла,
Я выйду на вахту в четвертую смену
Туда, где вовек ни двора, ни кола.
Где люди равны — от царя до паяца,
Где реки чисты и озера полны.
(Пока тараканы усердно плодятся
И ночь обновляет запас тишины).
Но с кем разговаривать?

Кто разводящий?
Кто даст мне винтовку и скажет: ступай
Спасать от гармонии жизни чадающий
Наш дисгармоничный запущенный рай?
И что я отвечу на слово пароля,
Захочет ли слушать он странный ответ:
"Кулисы поломаны. Спутаны роли.
Зал пуст. Освещения нет...
Жить можно лишь чудом, лишь вздохом случайным,
Лишь ветром, лишь шорохом белой ольхи,
Лишь порохом черным под пологом тайны...
Я снова хочу погрузиться в стихи?
Ночь. Время убийств. Время встреч незаконных.
Час детского плача в далеком окне.
Зову я знакомых и малознакомых —
Звоните, пишите, спешите ко мне!
Под сенью горшочка с цветущей геранью
Мы можем устроить немое кино,
Уж не на краю, но еще не за гранью.
Ночь. Время для ночи. А ночью темно.
Я встал. Я устал, как от тяжелой работы,
От вечного Бога, от вечной Субботы.
Ты вынес бы это, пророк Моисей? —
Все время на вахте у вечности праздной;
Все думай о Боге, унылый и грязный,
Не строй, не торгуй и не сей.
Ты вынес бы все это в здравом рассудке —
Сплошная суббота, за сутками сутки,
Пустынная ясность пути,
Все вечность да вечность — а где же сегодня,
И как тут не выкрикнуть ИМЯ Господне,
И как тут с ума не сойти?!

БОЛЕРО**Итак, Равель, танцуем болеро!***Н. Заболоцкий*

Итак, Равель, танцуем болеро!
 Для тех, кто в жизни ставит на зиро,
 Для тех, кому любовь — и боль, и мука,
 Кто беспокойно ждет ночного стука,
 Для тех, кто крик не сменит на перо,
 Для нас с тобою, для подруг печальных,
 Для звуков исступленно изначальных —
 Равель, мой друг, танцуем Болеро!
 Пока ваш голос различим по тембру,
 А боль в груди — по истовому темпу,
 В глазах — восторг, а в гриве — серебро,
 Сумбур в душе, мелодия на пальцах,
 Обыденность, трагичность и опасность,
 И юмор Арлекина и Пьеро,
 Плевать на все — танцуем болеро!
 Две мудрости в смиренности и в страсти,
 Нельзя любить и умирать отчасти,
 Страдать и петь — вот все, что в нашей власти,
 Жизнь — преступленье, если в ней серо.
 Судьба щедра на радости и беды
 Для тех, кто любит жизнь, а не победы,
 Для тех, кто музыку не сменит на перо.
 Для тех, кто должен жить в круговороте
 Прозрений духа и протестов плоти,
 Кто обречен сжигающей работе
 Своих пружин, закрученных хитро;
 Качаются безумные качели,
 Пытаясь примирить — в душе и теле
 Неразделимые на самом деле
 Страсть вечную и вечное добро.
 Но суть несовместимости упряма —
 Нелепо прыгает кардиограмма,
 Все регистрирует бесстрастное перо,
 И вот уже — тоска, запой, Цусима...
 Мгновеньями по капле уносима,
 Жизнь хороша, когда невыносима.
 Итак, Равель, танцуем болеро.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН**ТЕАТР АБСУРДА**

Комедийно-философское повествование о
 моих двух эмиграциях. Опыт антимемуаров

СОДЕРЖАНИЕ:**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОДИНА, ТЕКСТЫ И Я**

Нью-Йорк; Правительство в изгнании; Шинау; Израиль;
 Бейт-Бродецкий; Рувен Веритас и другие; Снова Нью-
 Йорк; "Свободный мир"; Мой иностранный паспорт;
 Дядя Сол; Под знойным солнцем Тель-Авива; Что нужно
 бедному еврею?; Дом, в котором я жил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАЛП "АВРОРЫ"

Инженер Сэм Житницкий: "Оплот Израиля"; Мы жили...
 Мы ждали; Судьбоносный день; Сага о черемухе

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАХМАНИ, 62

Мой Атлантик-Сити; Лорд Шацман и его персонал;
 Про Мейерхольда и Ворошилова; Странная штука —
 жизнь; Лефортовская одиссея; Ленин-Бланк и наша
 эмиграция; Мать и мачеха; Пир победителей; Облака
 плывут, облака

Книгу можно заказать в редакции "Время и мы":

"Time and We" 475 Fifth ave, room 511-A

New York, New York, 10017

Цена книги 10 долларов.

В книге 254 стр.

Владимир СОЛОВЬЕВ, Елена КЛЕПИКОВА

БОРЬБА В КРЕМЛЕ: ОТ АНДРОПОВА ДО ГОРБАЧЕВА БАЛОВЕНЬ ПОЛИТБЮРО

Политическое вознесение Михаила Горбачева явилось результатом "больших кремлевских игр", которые в 1978 году вступили в решающую стадию. Для того, чтобы Горбачев попал в Москву, судьбе пришлось столкнуть в жестоком поединке двух его главных покровителей — Федора Давидовича Кулакова и Юрия Владимировича Андропова, который, как известно, закончился победой последнего и смертью первого.

Кулаков, безусловно, был самым талантливым и принципиальным человеком в брежневском Политбюро. Бывший председатель колхоза Петр Абовин-Егидес рассказывает, как Кулаков, тогда еще один из провинциальных руководителей, спас его от крутой расправы за критику местного партийного начальства. Однако еще больше, чем защита Кулакова, Абовина-Егидеса поразили его откровенные высказывания и тайные амбиции. "Это был неожиданный для меня сюрприз, и я не мог, да и не хотел скрыть своего волнения.

... Думаете ли вы, что если бы оказались в Политбюро, то смогли бы повернуть дело?

Кулаков криво улыбнулся.

— О, это почти невозможно.

—Что?

— Оказаться в Политбюро, степень вероятности бесконечно мала.

— Ну, а повернуть его?

— Если оказаться там, вероятность повернуть его несколько большая, но и риск бесконечно больший. Но тогда бы я уж на него пошел наверняка, правда, не сразу... Иначе ведь жизнь потеряла бы смысл: если человеку выпала бесконечно редкая судьба, то надо оказаться достойным ее. Не попытаться использовать ее — это уже преступление.

"Невозможное" случилось: Федор Кулаков был вызван в Москву, стал секретарем ЦК и членом Политбюро. Все, кто был во второй половине 70-х годов так или иначе связан с кремлевским истеблишментом и с кем нам тогда приходилось в Москве встречаться, рассказывали о независимости и принципиальности Кулакова. Один из журналистов "Правды" назвал его даже "вторым Хрущевым" и тут же добавил: "... но без его закидонов".

В это время Брежнев был тяжело болен, и, хотя его предсмертная агония затянулась еще на несколько лет, в 1976-77 годах настойчиво поговаривали, что его собираются с почетом спровадить на пенсию, а на его место назначить Кулакова.

По другому, более позднему варианту московских слухов, за Брежневым должны были сохранить только что обретенный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря партии передать Кулакову. О том, что эти слухи имели под собой реальные основания, говорит хотя бы тот факт, что в одном из московских научно-исследовательских институтов наш приятель лично присутствовал на закрытой лекции инструктора ЦК, который официально подтвердил вторую версию и добавил, что это "вопрос времени": утечка информации в данном случае имела намеренный характер. Впоследствии, оказавшись за границей, мы смогли убедиться, что эти слухи успели

тогда проникнуть и в мировую прессу (см., к примеру, "Нью-Йорк Таймс" от 5 января 1975 г., "Крисчен Сайенс Монитор" от 30 июля 1976 г. и т.д.).

Предсказаниям одних и надеждам других относительно Кулакова, увы, не суждено было сбыться.

В ночь с 16 на 17 июля 1978 года Федор Кулаков, как сообщило ТАСС, "скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца". Одновременно КГБ распространял слухи, что крестьянский сын Федор Кулаков после неудачной попытки захватить власть, перерезал себе на античный манер вены.

Люди, близко знавшие Кулакова, опровергали оба сообщения, утверждая, что он был здоров, как бык, не знал, что такое головная боль или легкая простуда, и был неисправимым оптимистом. Детальный и одновременно путаный отчет специальной медицинской комиссии за подписью семи медицинских светил во главе с главным кремлевским врачом Евгением Чазовым вызвал обратную реакцию, а когда Брежнев, Косыгин, Суслов и Черненко не явились на похороны своего коллеги, подозрения усилились еще больше. По Москве поползли зловещие слухи о том, что в Кремле появился убийца, который сам метит на место безнадежно больного Брежнева. Выражая скорее общее мнение, чем свое собственное, Петр Егидес вспоминает: "И вдруг Кулаков внезапно скончался, умер, исчез — а ведь был здоровяк, крепкий мужчина. И меня, конечно, не покидает чувство, что он оказался кремлевской мафии не ко двору, и его "испарили", по-Орвеллу...".

А лондонский "Совет Аналист", который за несколько дней до загадочной смерти Кулакова предсказывал, что именно он сменит Брежнева на посту Генерального секретаря, спустя два дня после этого заканчивал свой почти криминальный анализ естественным в данном случае вопросом: кто следующий?

"Следующего" ждать долго не пришлось — именно с Кулакова начинается кампания Андропова по физическому либо политическому устранению соперников и врагов. Это время

загадочных опал и не менее загадочных смертей. Без объяснения причин удаляются из Политбюро ровесник Андропова Кирилл Мазуров и исполняющий обязанности генсека в отсутствие Брежнева Андрей Кириленко. Скоропостижно и преждевременно умирают ближайшие друзья и ставленники Брежнева: члены ЦК — заместитель главного редактора "Правды", директор Института международных отношений, партийные хозяева сразу трех республик — Таджикистана, Якутии и Татарии. Убивают премьер-министра Киргизии Султана Ибрагимова — будто бы из кровной мести. Погибают при странных, но схожих обстоятельствах в автомобильных катастрофах заместитель командующего пограничными войсками КГБ, один из партийных секретарей Ленинграда, глава правительства Грузии и партийный босс Белоруссии, кандидат в члены Политбюро Петр Машеров.

Такой эпидемии автомобильных катастроф во всей истории советской правящей элиты еще не было. Даже незначительный случай со съехавшим с шоссе автомобилем Молотова был превращен Сталиным в троцкистскую провокацию и фигурировал на политическом процессе. А бронированный автомобиль Машерова, которого после смерти Кулакова стали прочить в брежневские наследники, врезался в поставленные на его пути на перекрестке две пустые милицейские машины. В Минске, где это произошло и где у всех в памяти было замаскированное также под автомобильную катастрофу убийство Сталиным Михоэlsa, никто не сомневался, что и на этот раз произошло политическое убийство.

И, наконец, в январе 1982 года, уже под самый занавес брежневской эпохи, его свояка, первого заместителя председателя КГБ Цвигуна, находят с простреленной головой в его собственном кабинете на Лубянке. И произошло это после того, как он попытался воспрепятствовать преследованию Андроповым дочери Брежнева Галины и ее ближайших друзей по обвинению в коррупции.

Из этой многочисленной группы политически либо физически устраненных номенклатурщиков следует особо выделить четверых: Кулакова, Мазурова, Машерова и Кириленко,

которые активно обсуждались в кремлевских кулуарах и на страницах западной прессы в качестве кандидатов на пост кремлевского лидера. К ним надо добавить еще и ленинградского партийного босса Григория Романова, который выбыл из соревнования после того, как на свадьбе его дочери был разбит бесценный сервиз Екатерины Великой из Эрмитажа. Сам Романов остался жив, сохранил свое место в Политбюро и, когда уже не представлял политической угрозы Андропову, был вызван в Москву как идейный соратник в его полицейском курсе. (Уникальный случай: Романову привелось быть наследником сразу же трех кремлевских вождей — Брежнева, Андропова и Черненко. И каждый раз неудачным!).

Этот реестр политических либо физических жертв кремлевской борьбы за власть показывает, как много соперников, подлежащих устранению, стояли на пути Андропова к кремлевскому олимпу. А началась эта "цепная реакция" именно с Федора Кулакова. Трудно сказать с уверенностью, действительно ли Кулаков пытался совершить переворот, в то время как главные кремлевские вожди во главе с Брежневым проводили свои отпуска на пляжах Черного моря, и Андропов как шеф тайной полиции его вовремя пресек, либо он просто устранил опасного соперника, которому власть сама шла в руки без всякого переворота (а "переворотом" Андропов задним числом объяснил членам Политбюро предпринятые им меры по его пресечению?) Увы, нам это неизвестно, и вряд ли кому-то это станет известно в ближайшем будущем.

20 июля 1978 года на похоронах Кулакова на Красной площади, где демонстративно отсутствовали кремлевские лидеры, с надгробным словом, посвященным Кулакову, выступил его ставропольский, а вскоре и московский преемник Михаил Горбачев. Это было его первое выступление с трибуны мавзолея, прошедшее незамеченным. Следующему, через 7 лет, на похоронах другого его предшественника, Константина Черненко, будет внимать весь мир.

Смерть Кулакова помогла ставропольскому партийному секретарю больше, чем его покровительство — в Кремле освободилось то единственное место, на которое Горбачев с

его дипломом агронома и далеко не всегда удачным сельскохозяйственным опытом мог претендовать: пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Однако его "претензии" были отделены от вакантного места приблизительно тем же расстоянием, которое, по остроумному выражению древних греков, отделяет поднятый кубок от раскрытых губ. Что же помешало Горбачеву стать немедленно преемником Кулакова и почему ему пришлось ждать перевода в Москву целых полгода?

Во-первых, молодость, которая, как известно, является тем недостатком, который с годами проходит, но в том превратившемся в Дом для престарелых Политбюро-Секретариате со средней возрастной нормой в 67 лет просто не было места для 47-летнего Михаила Горбачева. Самому молодому члену Политбюро Григорию Романову было тогда 55 лет, да и то предусмотрительные кремлевские геронтократы держали его на 650-километровом расстоянии от Кремля в ленинградской вотчине, всячески препятствуя переезду в столицу.

Во-вторых, в самой Москве было полным-полно специалистов по сельскому хозяйству. Они уже что называется пустили в столице корни и могли рассчитывать на покровительство кремлевских руководителей, в то время как Горбачев одного из своих покровителей, Кулакова, все-таки потерял. Среди главных кандидатов на свободную вакансию были министр сельского хозяйства с поэтической фамилией Месяц и заведующий сельскохозяйственным отделом Центрального Комитета Владимир Карлов. Они по возрасту больше подходили на пост Секретаря ЦК и меньше выделялись бы в кремлевском совете старейшин: один был на 3 года, а другой на целых 17 лет старше Горбачева.

И наконец еще одно, возможно, главное препятствие на пути Горбачева в Москву: брать подряд второго человека из Ставропольского края в Кремль было не очень удобно, учитывая, что в состав СССР входят 35 союзных и автономных республик, 18 национальных областей и округов и 128 краев и их областей.

Москва, во избежание упреков и географической и национальной дискриминации, старалась соблюдать принцип очердности. Единственное исключение делалось для украинского города Днепропетровска, где провел "лучшие годы своей жизни" Брежнев, а потому, став генсекком, превратил его в основной арсенал кремлевских кадров.

Горбачеву, однако, повезло тем, что он родился в Ставропольском крае и провел здесь, в общей сложности 42 года своей жизни.

Кандидатуру Горбачева, предложенную Андроповым, поддержал Михаил Суслов, блюститель партийных нравов и закулисных дел мастер, который в 1964 году стоял во главе антихрущевского заговора и поделил власть между Брежневым (генсек) и Косыгиным (премьер). Суслов мог помнить Горбачева еще по Московскому университету, когда тот участвовал в идеологической чистке, которой тайно дирижировал сам Суслов по поручению Сталина. Несомненно, он знал Михаила Горбачева по Ставропольскому краю, которым сам когда-то руководил и в который изредка, по старой привычке, наезжал. Суслову нравились деловитость и скромность Горбачева — особенно по контрасту с заместительскими замашками днепропетровцев. Этого "серого кардинала" раздражало засилье днепропетровцев вокруг большого Брежнева, а особенно то, что один из них, Андрей Кириленко, явно метил на место Суслова и постепенно оттеснял его на задний план. События ускользали из рук этого сухопарого аскета, который привык управлять страной из-за кремлевских кулис.

Лично он не был честолюбив и даже, напротив, кичился своей скромностью и неприязательностью вкусов. Будучи самым высокорослым членом Политбюро, легко мирился с тем, что на праздничных снимках фотографа-газетчики, по указанию свыше, его слегка укорачивали, чтобы он был вровень с остальной кремлевской командой на трибуне ленинского мавзолея. Когда Светлана Аллилуева пришла просить Суслова выпустить ее с умирающим мужем-индусом в Индию, он искренне возмутился: "Что вас так тянет за границу? Вот вся моя семья и мои дети не ездят за рубеж и даже не

хотят! Неинтересно!" — произнес он с гордостью за патриотизм своих близких. И дочь Сталина вышла из его кабинета, "унося с собой жуткое впечатление от этого ископаемого-коммуниста, живущего прошлым, который сейчас руководит партией". Даже Брежнев, уже будучи на вершине власти — и тот побаивался своего бывшего ментора. Если кто и был в Кремле последним убежденным большевиком, так это именно Суслов, — его идеологическая ортодоксальность, партийный пуризм и бытовой аскетизм были вполне искренними. Именно ввиду своей партийной принципиальности он и не претендовал на высшие посты в государстве, предпочитая оставаться в тени, как и положено тайному манипулятору кремлевскими титулами. Его эта роль вполне устраивала, и он надеялся, что она закреплена за ним пожизненно.

Короче, у Суслова были личные причины поддержать кандидатуру Горбачева — иначе на это место был бы назначен кто-нибудь из днепропетровской мафии, а и без того Кремль был ими уже осажден, как иноземным войском.

Однако главную роль в переводе Горбачева в Москву и в его стремительной карьере сыграло покровительство Андропова.

Именно он спустя два месяца после смерти Кулакова представил Горбачева Брежневу. Произошло это на перроне железнодорожной станции "Минеральные воды" на Северном Кавказе, входившем в Ставропольский край.

Вечером 19 сентября 1978 года здесь сделал непредусмотренную остановку специальный поезд, на котором в столицу Азербайджана Баку ехал Генеральный секретарь партии Леонид Ильич Брежнев в сопровождении Константина Устиновича Черненко. На перроне курортного городка их встречали проходивший регулярный курс лечения в соседнем Кисловодске шеф КГБ Юрий Владимирович Андропов и партийный хозяин Ставропольского края Михаил Сергеевич Горбачев. Здесь во время краткой остановки и была решена судьба Горбачева — к концу этого года он уже был в Москве. А так как сам факт этой встречи был кратко отмечен в советской прессе, то ее следует считать исторической — 19 сен-

тября 1978 года на перроне маленькой кавказской железнодорожной станции сошлись четыре человека, которые в разное время являлись официальными советскими руководителями: Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев.

В тесный и замкнутый круг кремлевской элиты, редко доходящий до дюжины (а ко времени "воцарения" Горбачева в 1985 году поредел и вовсе до восьми человек), Михаил Горбачев попал по трем причинам: на место трагически вышедшего Кулакова в награду за услугу, оказанную им Андропову в деле Медунова, и — в пику Григорию Романову (до прихода Горбачева в Кремль Романов был самый молодой член Политбюро, Андропов считал его, как и Кулакова, соперником в борьбе за власть, хотя и применил к нему более "гуманный" метод устранения).

Как секретарь ЦК Горбачев получил в Москве пятикомнатную квартиру в правительственном доме, на улице Алексея Толстого, откуда спустя три года переехал в еще более роскошную квартиру в доме №26 по Кутузовскому проспекту, где его соседями оказались Брежнев, Андропов и Черненко, и это тесное соседство сыграло немаловажную роль в его дальнейшей карьере. Предприимчивая Раиса Максимовна быстро обставила квартиру в 200 квадратных метров дефицитной финской мебелью, украсила ее дорогими бухарскими коврами, старинным фарфором и новинками западной техники. В отсутствие мужа она приглашала своих прежних приятельниц полюбоваться своей "королевской" по советским стандартам квартирой — благодаря этому мы и смогли ее вкратце описать.

Здесь, пожалуй, время отметить одну характерную черту всей карьеры Горбачева — он всегда был самым молодым среди своих коллег. В Московском университете он был одним из самых юных его студентов, ибо большинство его сокурсников оказались бывшими фронтовиками. Он стал среди них самым молодым коммунистом, вступив в партию на втором курсе, когда ему было всего 21 год. Он был самым молодым членом парткома университета, куда входили, главным образом, уболенные сединами профессора, администраторы и

всего несколько студентов, да и те, в отличие от Горбачева, с последних курсов. Он был одним из самых молодых аппаратчиков в Ставропольском крайкоме партии, а когда стал его Первым секретарем в 1970 году — самым молодым из полтора сотен секретарей обкомов (напомним читателю, что он был младше своего соседа и злостного врага Медунова на 16 лет).

Спустя год, Горбачев, минуя положенный стаж в кандидатском предбаннике ЦК, попадает в ЦК на XXIV съезде коммунистической партии и оказывается в свои 40 лет самым молодым членом ЦК.

В 1978 году, когда он был вызван в столицу и назначен одним из 11 секретарей ЦК, он снова оказывается среди них самым молодым, так же как спустя еще год — самым молодым кандидатом в члены Политбюро, ровно на 30 лет младше старейшего "кандидата" Василия Васильевича Кузнецова, вице-президента страны. И наконец в 1980 году, став членом Политбюро, Горбачев годился в сыновья чуть ли не каждому своему коллеге, за исключением Романова. Его отделяло 20 лет от среднего их возраста, он был на 32 года младше старейшего тогда члена ЦК латыша Арвида Пельше.

Либо сравним Горбачева с его предшественником на посту генерального секретаря. Оба избраны в ЦК в 1971 году, а дальше Черненко идет с опережением всего в два года: становится секретарем ЦК в 1976 году, кандидатом в члены Политбюро — в 1977, членом ЦК — в 1978. Но какая между ними разница — Горбачев родился в том самом году, когда Черненко вступил в партию.

Михаил Горбачев оставался самым молодым членом Политбюро и Секретариата до своей инаугурации в качестве седьмого советского вождя и остается таковым по сей день.

Однако в этом нет его личных заслуг, его молодость относительна, ее не надо преувеличивать — Ленин умер в том возрасте, в котором Горбачев пришел к власти. Он выигрывает благодаря фону, на котором разворачивается его карьера.

На этом удручающем кремлевском фоне Горбачев, у которого к 1985 году уже была пятилетняя внучка Ксюша, выгля-

дел и в самом деле "бэби Политбюро", как остроумно, хотя и с излишними нотками умиления, прозвали его английские газеты во время его визита в Великобританию (в то время как горбачевского соперника Романова неприязненно к нему относящаяся мировая пресса продолжала называть "енфан террибл")

Постоянное присутствие Горбачева в чуждой ему возрастной среде не могло не сказаться на характере его взаимоотношений с нею. С его стороны, это были старательность, обходительность, услужливость, хотя и без грубой лести и пресмыкательства перед старшими, а в Политбюро — перед стариками (которые элементарно нуждались в физической помощи, хотя и были окружены врачами и помощниками), и они были признательны Горбачеву, когда он в трудные минуты приходил на помощь. Так случилось, например, на сессии Верховного Совета СССР 27 ноября 1984 года, когда Горбачев поддержал падающего Черненко, причем, сделал это ненавязчиво, со свойственной ему деликатностью, не унижительно ни для себя, ни для тяжело больного советского вождя (сцена вышла вполне человеческая и даже чуть-чуть сентиментальная).

В ответ на его покладистость старшие товарищи по Политбюро платили ему доверием, протекцией и патронажем, которыми он умело пользовался: в какой-то мере от Брежнева, еще больше от Андропова и даже от Черненко, который ненадолго занял по праву принадлежащее Горбачеву место руководителя страны, если возможно говорить о каких-либо вообще правах за кремлевскими стенами. Вся эта система покровительства делала Горбачева баловнем не только своих менторов, но и самой судьбы, несмотря на некоторые превратности его политической карьеры. То, что другие брали с боем, ему часто доставалось даром.

Такие люди никогда не принадлежат к своему поколению, они смолоду немолоды, не очень самостоятельны, потому что политическую карьеру делают не сами — за них ее формируют сменяющиеся патроны. Они передают свое протече из рук в руки, как эстафету, пока не настает время, когда учителя и покровители умирают, и человек остается предоставлен само-

му себе и лично за все ответственен. Для людей, которые передоверили свою волю другим, это самое трудное время.

И если уж быть точным, а не гнаться за яркими образами, то Горбачева следует назвать не "бэби Политбюро", а скорее его воспитанником, выпускником кремлевской школы периода ее заката и политической деградации. В этой школе он был первым учеником, закончил ее с блеском, но ее диплом в политическом отношении был такой же фикцией, как два предыдущих диплома Горбачева — юридического факультета Московского университета и Ставропольского сельскохозяйственного института. Кремлевская школа не учит управлять государством, но только делать вид, что управляешь. Она учит не инициативе, а послушанию, не оригинальности, а стереотипу, не искренности, а лицемерию. Именно эти кремлевские уроки были прилежно усвоены Горбачевым — иначе и быть не могло: бытие определяет сознание, а тем более такое косное бытие, как кремлевское. Вот, кстати, одна из причин, почему после смерти Черненко кремлевские геронтократы во главе с Андреем Громыко — с их патологическим страхом перед "молодыми"— согласились назначить своим предводителем, "первым среди равных", именно Михаила Горбачева, к которому они успели привыкнуть за 6 лет, который их устраивал и даже казался принадлежащим по своей сокровенной сути к их собственному поколению, хотя по анкете и другого года рождения.

Он ведь и был вызван в Москву не только взамен, но и в противоположность своему бывшему покровителю трагическому Кулакову, который стоял на пути Андропова к власти и одновременно смущал покой самодовольных и циничных кремлевских лидеров. Горбачев смутить никого не мог — типичный продукт партийно-бюрократической системы, уравновешенный, умеренный и уступчивый, он легко приспособлялся ко времени, в котором жил; легко принимая его окраску, был человеком на все сезоны: сталинистом в сталинские времена, хрущевцем — в хрущевские, брежневцем — в брежневские, андроповцем — в андроповские.

Последнюю маску он приберет для горбачевских времен

и с первых же дней стал ею активно пользоваться ввиду растущей посмертной популярности Андропова.

В кремлевской школе, с ее однообразием уроков и учителей, короткий 15-месячный курс Андропова произвел на Горбачева самое сильное впечатление, хотя, казалось бы, менее всего должен был подходить его флегматичному темпераменту. Но дело здесь снова не в ученике, а в учителе, который пытался пробудить от летаргического сна целую империю. Его уроки не прошли для Горбачева даром.

ТЕНЬ СТАЛИНА НАД КРЕМЛЕМ

"Вы слышали о нашем прежнем коменданте? Нет? Ну, так я не преувеличу, если скажу, что структура этой колонии настолько целостна, что его преемник, будь у него в голове хоть тысяча новых планов, никак не сможет изменить старый порядок, по крайней мере, в течение многих лет".

Кафка, "В исправительной колонии"

Возвращаясь к борьбе между Романовым и Горбачевым, которая предшествовала победе последнего, отметим, что для того, чтобы одержать верх, каждому из них надо было изменить линию поведения — психологическую и политическую. Романову — стать более вежливым, терпимым и терпеливым, хотя бы с товарищами по Центральному Комитету, которых он отпугивал своей беспардонной грубостью. А Горбачеву, наоборот, следовало стать строже, суровее, с учетом эстетических представлений о вожде у советского плебса и кремлевской верхушки. Однако еще более важным было изменение политической тактики. Романову необходимо было умерить свое сталинское рвение, дабы не запугать кремлевских старичков, которые все еще помнили грандиозные партийные чистки времен их молодости. С одной стороны, именно они привели их к власти, а с другой — напугали, не могли не напугать, ибо сталинская метла мела без разбору, и выжить тогда

значило вытянуть счастливый билет в лотерее. Горбачеву же, совсем напротив, нужно было проявить себя большим сталинистом, чем он проявлял себя прежде (не считая, конечно, его студенческих лет, когда он обогнал многих своих сверстников).

По трем причинам Горбачеву было легче справиться со своей задачей, чем Романову — со своей.

Во-первых, Горбачев был все-таки на 8 лет младше своего соперника, а значит — более гибок и податлив к изменениям. Во-вторых, он был более покладист по характеру и даже любил слушаться, передоверяя свою волю другим. И в-третьих, — и это, пожалуй, главное — для того, чтобы ожесточить свою позицию ему было достаточно возвратиться к годам своего студенчества, когда он был вполне искренним сталинистом и не мог им не быть. В его случае тогда эта была единственная возможность сделать карьеру. Его теперешняя идеологическая вялость была следствием слишком больших политических встрясок, которые ему пришлось пережить: смерть Сталина и его разоблачение Хрущевым, свержение Хрущева, полицейский переворот Андропова. Он не родился человеком на все сезоны, но стал им ввиду сложившихся обстоятельств.

Романов был полной ему противоположностью. И его характер и его политические идеи давно уже выкристаллизовались в единую неподвижную глыбу. Он не был способен ни на дюйм отступить ни от своих бытовых привычек, ни от своего сталинского мировоззрения — даже ради того, чтобы приобрести больше сторонников в Кремле. Поэтому единственное, что ему оставалось, — это наблюдать, как быстро Горбачев овладевает его собственным оружием: сталинской терминологией.

Как ловкий и старательный эпигон, Горбачев даже превзошел в этом прочих кремлевских лидеров, включая Романова. Несколько анахронизмов из лексикона сталинской эпохи, пущенные им заново в политический оборот, особенно поразили его соотечественников.

Уже весной 1984 года Горбачев спустил закрытую директиву, а спустя еще несколько месяцев объявил официально на

Всесоюзной партийной конференции о возвращении к так называемому стахановскому движению:

"В следующем году мы будем отмечать 50-летие стахановского движения, сыгравшего выдающуюся роль в истории социалистического строительства. Продолжать традиции стахановцев — значит направлять энергию и инициативу масс на решение ключевых задач повышения эффективности экономики".

На самом деле, стахановское движение, если и сыграло выдающуюся роль, то только в сталинской пропаганде, да еще в личной судьбе самого Алексея Стаханова, чьим именем оно было названо. Призванное послужить экономическим тараном в советской экономике стахановское движение вошло в историю как пример одного из самых грандиозных надувательств, которыми сталинская система регулярно сама себя морочила и мистифицировала, а заодно и наивных иностранцев, типа Бернарда Шоу, который казался себе "стреляным воробьем" и старым скептиком.

Стахановское движение началось в ночь на 31 августа 1935 года, когда забойщик шахты в Донбассе Алексей Стаханов вырубил за смену 102 тонны угля — вместо положенных по норме 7 тонн, то есть перевыполнил норму больше чем в 14 раз. Спустя еще три недели тот же Стаханов устанавливает новый рекорд — 227 тонн угля, что составило уже 32 нормы. "Трудовой почин" Стаханова "подхватывают" другие шахтеры, а вскоре стахановское движение распространяется на все отрасли промышленности и сельского хозяйства. Сталин одобряет "стихийную инициативу" трудящихся, и нормы по всей стране резко повышаются.

Как раз в это время и приезжает в Россию Бернард Шоу, которому "устраивают" встречу с одним из знаменитых стахановцев. Английского драматурга и острослова несколько смущает, правда, что не только стахановское движение, но и сами стахановцы популярны среди советских рабочих. У него на родине, как ему известно, за такие действия, как перевыполнение нормы, — рабочие бьют "рекордсменов" кирпичом по голове. Но недолго посомневавшись, Шоу убеждает себя,

а по возвращении в Англию — и своих читателей, что в России вообще, все шиворот-навыворот. Например, там в тюрьмах так хорошо, что главная забота тюремных властей — "убедить отбывших срок заключенных выйти из тюрьмы".

Любопытна судьба самого Стаханова — его вознесение в сталинскую эпоху и падение в хрущевскую. После установленных им "рекордов" его посылают учиться в Москву, "избирают" депутатом в Верховный Совет СССР первого созыва, назначают работать в Министерство угольной промышленности. Однако в 1957 году во время десталинизации Хрущев отправляет Стаханова обратно в Донбасс — как участника одной из главных афер Сталина. Как выяснилось, за Стаханова работала целая бригада шахтеров, чем только и можно объяснить его фантастические рекорды.

И вот теперь, спустя полвека, Горбачев извлекает из забвения чародея и фокусника Стаханова и названное в его честь движение и предлагает продолжить традицию стахановцев.

Другой извлеченный им из того же времени анахронизм — о блохе. Он упорно щеголяет им в своих разговорах с приближенными, а однажды даже озадачивает им британского министра торговли Поля Шаннона: "Если вы пришлете нам блоху, мы ее подкуем", — говорит Горбачев во время своей поездки в Англию.

Дело в том, что расхожие символы по обе стороны железного занавеса далеко не всегда совпадают. Скажем, в пору нашего детства, которое пришлось на 50-е годы, ни один из нас не слышал имен братьев Райт, Джорджа Стивенсона и Гульельмо Маркони, зато мы прекрасно знали, что первый самолет был изобретен Жуковским, первый паровоз — отцом и сыном Черепановыми, а первое радио — Александром Поповым, и вообще патент на все великие открытия в науке и технике принадлежат русским. В этот же список русских гениев-самородков входил герой сказки Николая Лескова ружейных дел мастер, по прозвищу Левша.

Сказка эта о том, как во время путешествия Александра I по Англии (за полтора столетия до визита сюда Михаила Горбачева) русскому императору приподнесли выкованную из стали заводную блоху такого крошечного размера, что для

того, чтобы увидеть, как она танцует кадрили, надо было смотреть в микроскоп.

Следующий русский император Николай I был, в отличие от своего старшего брата-западника, русофилом, а потому, обнаружив среди доставшегося ему в наследство английскую блоху, приказал придумать что-нибудь такое, "чтобы англичане над русскими не предвозвышались". И вот стальную блоху отправили в старинный город оружейников Тулу, где русские мастера во главе с Левшой превзошли англичан и выкованную ими блоху подковали, после чего, правда, блоха перестала заводиться и танцевать. Однако эта часть сказки обычно опускалась, оставалось лишь впечатление, что русские превзошли англичан.

В сталинские времена из этой милой и трагической сказки (талантливый Левша в конце погибал от собственного алкоголизма, бюрократического равнодушия и полицейской брутальности) был вычленен примитивный шовинистический образ, и его-то и вспомнил Михаил Горбачев во время своего путешествия по Англии. И ответ Горбачева британскому министру следовало понимать в том смысле, что, как ни удивительны демонстрируемые вами достижения, мы, если понадобится, вас перещеголяем: пришлите нам блоху, а мы ее подкуем! Но так как английский министр был невеждой в русском фольклоре, то он мог ненароком решить, что речь идет о настоящей блохе, которую будущий советский вождь предлагал англичанам изловить и в живом виде отправить ее в Кремль, где он и остальные члены Политбюро ее подкуют и пришлют обратно в Лондон.

Трудно, однако, однозначно определить, что именно подтолкнуло Горбачева к сталинским анахронизмам. Только ли тактическая уловка в борьбе за власть, дабы не показаться старомодным членам Политбюро слишком современным человеком? Либо в этих образах своеобразно преломился реальный подход Горбачева к экономическим и политическим проблемам страны? Либо это была ностальгическая реминисценция юности и одновременно в некотором смысле указание на будущее, ибо осторожный курс империи на ресталинизацию делал ее завтрашний день все более похожим на вче-

рашний? Скорее всего, все эти причины, соединившись воедино, привели к таким архаическим вспышкам, как "стахановское движение" или подкованная русским мужиком английская стальная блоха.

Отсюда совершенно напрасные ожидания коренных экономических реформ в стране. "Кремлевские малыши" во главе с Горбачевым вовсе в них не заинтересованы, ибо они означали бы децентрализацию, а значит демократизацию экономики, а с ней вместе неизбежно и других государственных структур — в том числе, политической. На самом деле происходит обратный процесс — дальнейшей централизации экономики. Не случайно впервые со сталинских времен новый председатель Госплана Николай Талызин вошел в Политбюро (на кандидатском уровне), а бывший заместитель председателя Госплана Николай Рыжков стал премьер-министром.

Естественно, новое поколение кремлевских вождей обеспокоено перманентным экономическим кризисом в стране, но (во-первых, не так сильно, как может показаться со стороны, никого из них лично этот кризис не касается, а народ лишен права голоса), а во-вторых, этот кризис их волнует исключительно с военной точки зрения в связи с катастрофическим отставанием СССР от США в военной технологии. И единственный путь к его преодолению кремлевская элита видит в укреплении дисциплины с помощью жестких полицейских мер и возвращении к проверенным методам сталинского управления.

Став во главе империи, Горбачев повел себя еще более решительно, выдавая анахронизмы за маяки и выявляя свои тайные политические идеалы.

Спустя два месяца после своей инаугурации, на торжественном собрании, посвященном сорокалетию победы над нацистской Германией, Горбачев назвал имя человека, которому, по его мнению, страна обязана победой, хотя на самом деле на нем лежала прямая ответственность за военную катастрофу и миллионы жертв в первые месяцы войны (не говоря уже о других его преступлениях). И Горбачев назвал этого человека торжественно, с указанием его постов и имени-отчества — Иосиф Виссарионович Сталин. Это было программное заявле-

ние — его в зале ждали и приветствовали бурной авацией. Настолько бурной, что некоторое время Горбачеву не давали продолжить его речь, хотя он и пытался, но аплодисменты заглушали ее.*

После смерти тирана Горбачев был первым советским лидером, решившимся произнести имя Сталина в столь панегирическом ореоле. Хрущев иначе, как отрицательно, о нем не отзывался (несколько раз он, правда, отступал назад и скороговоркой выдавал тирану несколько комплиментов, но из чисто тактических соображений); Брежнев вспомнил Сталина только однажды, в ряду других военачальников и таки сорвал непредусмотренные аплодисменты; Андропов и Черненко публично не называли его ни разу. Горбачев это сделал с поразившей многих определенностью, политически реабилитируя Сталина и одновременно как бы заручаясь его поддержкой.

Парадокс в том, что, хотя Сталин принадлежит русскому прошлому, многие в России полагают, что и русское будущее должно принадлежать ему. Практические шаги именно в этом направлении делаются Кремлем с каждым годом все более решительно. Этот неуклонный процесс ресталинизации страны по всем направлениям ее внутренней жизни и международной политики — самое зловещее и одновременно самое интригующее, что происходит сейчас в советской империи.

Начало этому процессу было положено еще в октябре 1964 года, когда в результате государственного переворота был свергнут Хрущев, и путчисты, его бывшие соратники, бесповоротно отказались от так называемой "оттепели" — либерального курса на десталинизацию страны. Сам этот переворот, если его рассматривать с исторической точки зрения, был своего рода реакцией империи на антисталинскую политику Хрущева. Удивительным было не то, что заговорщикам так легко удалось свергнуть Хрущева, но то, что его не свергли прежде. Предыдущая плеяда сталинистов во главе с Молотовым на заседании Политбюро в 1957 году уже добилась устранения Хрущева, но маршал Жуков восстановил его на партийном престо-

* В этой же речи первым из послесталинских вождей Горбачев возвратился к сталинской шовинистической терминологии и этнически выделил "великий русский народ" в качестве "вдохновляющего примера" для остальных советских народов — и тоже под бурную овацию аудитории.

ле. Поразительна, однако, судьба Молотова, самого неуклонного, несгибаемого и вдохновенного сталиниста, который в 94-летнем возрасте был восстановлен в партии — через 22 года после того, как был из нее исключен. Произошло это летом 1984 года. Несмотря на разгар борьбы за власть в Кремле, там не возникло разногласий по этому вопросу.

Понадобился еще один переворот — после антихрущевского, в 1964 году — чтобы процесс ресталинизации набрал скорость и стал официальной политикой Кремля: полицейская революция, начатая Андроповым, продолженная под сурдинку его сторонниками за спиной умирающего Черненко и возобновленная с новой силой при Михаиле Горбачеве.

По контрасту с происходящими событиями, чтобы их оттенить и оценить по достоинству, приведем противоположный прогноз — из интервью Роя Медведева журналу "Ньюсуик": "Мы наблюдаем сейчас переломный момент в жизни страны, когда партийная и государственная власть переходит к новому поколению советских руководителей, которые начали свою деятельность после смерти Сталина, и чье прошлое никак не связано с черными временами сталинизма".

Здесь что ни слово, то несоответствие истине. На примере Горбачева мы видели, что его политическая карьера началась при жизни Сталина и что он не свободен от связей со сталинской эпохой. Единственное отличие нового поколения кремлевских лидеров от предыдущего, что у него нет трагического опыта сталинской эпохи, а значит — нет личного страха перед сталинизмом, нет сдерживающего Брежнева, Черненко и даже Андропова инстинкта самосохранения. Вот почему Горбачев оказался решительнее своих предшественников и открыл горбачевскую эпоху своего рода клятвой верности Сталину.

В чем истоки власти этого державного мертвеца над народами России?

Кем был и чем стал для русских Сталин?

Реестр уничтоженного им населения в СССР составляет, по крайней мере, 20 миллионов человек плюс столько же погибло во Второй мировой войне, ответственность за неподготовленность к которой целиком лежит на Сталине. Практически эта

эпидемия убийств коснулась всех слоев населения, но некоторые, составлявшие натуральную элиту страны, были вырезаны подчистую: дореволюционное чиновничество, купечество, дворянство, духовенство, техническая и культурная интеллигенция, "кулаки", наконец, та самая ленинская партия, к которой Сталин формально принадлежал и которую уничтожал с каким-то особым вдохновенным изуверством.

Этот холокост населения собственной страны, которому нет равных в истории, никак нельзя объяснить коммунистической идеологией — такого не было при Ленине, и такого не случилось бы, если бы к власти пришел любой из его соратников — Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Рыков, Каменев, Пятаков — все равно кто, только не Сталин: так приблизительно и писал в своем "Завещании" Ленин, который почувствовал опасность не только лично Сталина, но и перерождения под его руководством идей революции в имперско-шовинистические. Троцкий, который оказался не на уровне событий из-за своих интеллигентских колебаний, покинул Ленина в роковое для страны время и уступил власть Сталину без боя, постскрипту сочинил немало блестящих определений своим врагам: "контрреволюционеры", "могильщики революции", "эпигоны большевизма", "аппаратные узурпаторы", "незаконные наследники Октября", "термидорианцы", "фракция национал-социалистических чиновников" и другие, не менее остроумные и точные. Прав был Бернард Шоу, назвавший Троцкого "королем памфлетистов" (как и Ленин, считавший его великим революционером и организатором). Беда заключалась в том, что, в отличие от Ленина, второй после него человек в партии был политическим деятелем, отнюдь не выдающимся. Преждевременная смерть Ленина и политическое ничтожество Троцкого расчистили Сталину путь к власти.

Это что касается субъективных причин сталинского термидора, но есть еще и объективные, исторические причины.

За всю историю России не было человека, которого бы любили, как Сталина. Ему устроили самые грандиозные в истории человечества похороны — его хоронили миллионы, в Москве в этот день были сотни раздавленных, среди которых

чуть не оказался Горбачев (судьба сберегла его для истории), горе народа было искренним — как и сегодняшняя ностальгия по сталинским временам.

Видимо, грузин Сталин лучше отвечал местным, русским условиям, чем кто бы то ни было из его главных политических конкурентов — Ленин или Троцкий: одного он победил посмертно, а другого — при жизни. Понадобились миллионы человеческих жизней, чтобы трансформировать интернациональные идеи марксизма в великодержавные идеи национал-социализма сталинского образца.

Бунт большевиков против русской истории был ею же абсорбирован и усмирен в эпоху великого террора: грандиозное явление Сталина было вызвано к жизни всей исторической традицией страны как ответ России на западные идеи, каковым несомненно (независимо от нашего к ним отношения) являются марксистские идеи.

В лице Сталина, если воспользоваться выражением Алексиса Токвиля, революция завершила эволюцию старого режима, приспособив его к современности и уничтожив изначальную революционную идею. Русская империя в результате была не только восстановлена после революционного распада, но и расширена за счет остатков распавшихся империй (Австро-Венгрия, Третий Рейх, Япония). "Один лицом к лицу с Россией Сталин видит ее таинственной, более сильной и более прочной, чем все теории и режимы", — писал о Сталине генерал Де Голь.

Неудивительно, что любимым сталинским героем был не Ленин и не Маркс, официальные советские святые, но другой русский тиран и монстр Иван Грозный — у его палачей не хватало времени, чтобы заточить топоры, и они рубили головы тупыми. Именно по заказу Сталина Сергей Эйзенштейн сделал фильм об этом царе-изувере, но Сталину показалось, что в нем недостаточно дифирамб — фильм был запрещен, а кинорежиссер впал в немилость.

То, как отложился в исторической памяти последующих поколений Иван Грозный — своеобразный ключ к пониманию нынешней реабилитации Сталина русским народом — носите-

лем идеи империи. Полтора столетия назад Николай Карамзин писал, что "добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на судебнике и напоминало приобретение трех царств монгольских; доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя-завоевателя; чтит в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название *мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только Грозным... — более в похвалу, нежели в укоризну".

Схожая метаморфоза происходит сейчас со Сталиным — из исторического факта он превращается в исторический миф. Вспоминают не жертв гигантских чисток 30-х годов, но индустриальные победы того времени; не горькие поражения первых месяцев войны, но победные фанфары ее конца; с умилением вспоминают железную дисциплину и образцовый порядок, которые диктатор насадил в стране и которых ей так сейчас не хватает. С национальной спесью вспоминают величие сталинской империи — по сравнению с ее нынешним упадком.

И чем больше признаков упадка обнаруживает последняя на земле империя — от брожения на ее окраинах (в той же Польше, например,) до военно-технического отставания от Запада, от демографической деградации русских (особенно в связи с эпидемическим размахом алкоголизма) до ставшего уже перманентным экономического кризиса, — тем чаще имперский народ обращает свой ностальгический взор ко времени могущества и расцвета, тем выше ставки, которые делаются в стране на сталинизм.

Сталинизм рассматривается правителями и управляемыми в России в качестве, пусть горького, но необходимого, эффективного и быстродействующего лекарства — от хозяйственного развала, от лени плебса и коррупции бюрократов, от растущей детской смертности, от поляков, от китайцев, от евреев, от Америки, от самих себя...

Вот почему процесс ресталинизации никак нельзя считать актом волюнтаризма и произвола новой плеяды кремлевских вождей во главе с Михаилом Горбачевым. Совсем напротив, этот процесс совершается во многом под давлением снизу, где подпольная слава Сталина — после того как он официально был подвергнут Хрущевым остракизму — росла, как грибы после дождя. У шоферов такси вошло в моду вывешивать его портреты на ветровые стекла; в поездах дальнего следования продавали самодельные календарики, оформленные под житие святого с картинкой из жизни Сталина на каждой странице; националистически настроенные писатели делали его героем своих произведений, отставные маршалы умиленно описывали его в своих мемуарах, а один поэт опубликовал даже стихотворение с призывом возвести в центре Москвы Пантеон славы и перенести туда останки опального вождя:

**Пусть, кто войдет, почувствует зависимость
от родины, от русского всего.
Там посредине наш генералиссимус
и маршалы великие его.**

Сталин кажется панацеей от тех имперских недугов, которые имперский народ ежедневно наблюдает вокруг себя и в самом себе. Если бы тиран чудом ожил и, подобно Наполеону во Фрежюсе, высадился на берегу Черного или Балтийского моря либо даже Беренгова пролива, ему был бы обеспечен триумфальный проход через города и веси всей России, а уж в Кремль его внесли бы на руках, и он бы там оставался не сто дней.

Стихийная реабилитация Сталина явно обгоняла официальную. Достаточно сказать, что апологетический роман Ивана Стаднюка о Сталине "Война", раскритикованный "Правдой" при его появлении, спустя 10 лет получил Государственную премию. Но бестселлером среди читателей он стал сразу же после своей публикации. И эту стихийную реабилитацию Сталина следует рассматривать не только с политической, но и с психологической, фрейдистко-кафкианской точки зрения — как следствие хронической ностальгии по умершему отцу, который внушал своим детям страх, но одновременно и любовь,

ибо снимал с них личную ответственность и оставлял политически инфантильными (своеобразный комплекс Питера Пэна). Для подданных империи Сталин был человекобогом, суперменом, и после его смерти в народе стал повсеместно обнаруживаться всеобщий синдром сиротства, который и давал такие ностальгические вспышки, как появление Сталина — великого вождя, отца народов и спасителя отечества в романах, на телеэкранах, в кинофильмах, в воспоминаниях маршалов, в стихах:

**Всенародно, в октябре и мае,
Мы сверяли чувства по нему.
И стоял он, руку поднимая,
Равный Громовержцу самому.**

Вот почему посмертная слава Сталина совсем иная, чем у тиранов других народов, которых за гробом ждут проклятия и насмешки, в лучшем случае — забвение. Сталин, как Спящая красавица и русские принцы всех политических кровей, начиная от главного кремлевского вождя (Горбачев), спешат к нему со всех сторон, чтобы пробудить его к политической жизни.

Хотя есть, конечно, разница между одами тирану в стихах и прозе и официальным дифирамбом ему нынешнего советского руководителя. Это ли не образец действия стихийной демократии в условиях тоталитарного государства, когда не народ следует за вождями, а вожди — за народом!

Отдадим должное Брежневу — несмотря на то, что он оказался во главе страны в результате заговора сталинистов против антисталиниста, он тем не менее всю первую половину своего правления сопротивлялся просталинскому экстремизму, и борясь с правой оппозицией в Кремле, удалил наиболее радикальных сталинистов из Политбюро и его ближайших филиалов: Полянского, Шелепина, Шелеста, Толстикова, Павлова и других. Фактически, это была черед контрпереворотов, которые, однако, удались Брежневу только благодаря тому, что, побеждая своих противников лично, он уступал им идеологически, шел на компромисс с их направлением: регалии власти ему всегда были дороже политических идей. Так

медленно, но неуклонно и уже необратимо шла ресталинизация страны, которая усилилась в последние номинальные годы правления Брежнева.

За сравнительно короткий срок — с конца 70-х годов — неосталинисты преуспели в реставрации испытанных методов управления империей. С корнем вырвали диссент, закрутили гайки и усилили полицейский режим, напрочь забили эмиграционную дыру, ибо невозможно поддерживать давление в сообщающихся сосудах, если один из них дал течь; пропагандистски взвинтили антисемитизм, шпиономанию и ксенофобию, прервали всякие контакты своих граждан с иностранцами, объявив их противозаконными и уголовно наказуемыми.

А главное, впервые после смерти Сталина, но строго следуя его рецепту, присоединили к империи страну, которая находилась за пределами железного занавеса, — Афганистан. Вот почему эту беспрецедентную в послесталинское время военно-политическую акцию не следует уравнивать с введением советских войск в 1956 году в Венгрию, а еще через 12 лет — в Чехословакию: это были чисто полицейские акции по восстановлению порядка в уже принадлежащих владениях.

Афганистан — не принадлежал империи никогда, хотя именно Сталин в конце 20-х годов сделал первую попытку присоединить его к России. Вот как произошла эта первая афганская авантюра. Приводим ее описание одним из главных исполнителей сталинских замыслов в Азии Георгием Агабековым, бывшим начальником Восточного сектора советской разведки и ее резидентом на Ближнем Востоке (впоследствии бежал на Запад, там уже был убит советскими агентами).

По приказу Сталина 800 отборных красноармейцев-коммунистов, переодетых в афганскую форму, были сконцентрированы на берегу Аму-Дарьи под городом Термез и готовились к переправе через реку на афганский берег. Баржи, каюки, моторные лодки со всей реки были пригнаны сюда для переправы войск. Ранним утром эскадрилья из шести аэропланов, груженных бомбами, с установленными на них пулеметами, поднялись с Термезского аэродрома. Набрав высоту, аэропланы направились к противоположному берегу реки, где

находился афганский пограничный пост Патта-Гиссар, охраняемый полсотней афганских солдат. Услышав шум моторов, афганские солдаты высыпали из своих шалашей поглазеть на аэропланы, полагая, что они направляются в Кабул. Но они ошиблись. Сделав развернутым фронтом два круга, аэропланы снизились над заставой и внезапно пулеметный ливень обрушился на афганских солдат. Несколько бомб, сброшенных на глинобитное здание поста, убило одних и похоронило под развалинами остальных. Все это заняло несколько минут.

В то же время красноармейский отряд, спокойно погрузившись на лодки и баржи, переправился на афганский берег. Гарнизон другой заставы, Сия-Герта в 100 сабель, был полностью уничтожен пулеметным огнем. На следующее утро Красная Армия взяла штурмом город Мазари-Шерифе, причем пехота, забыв, что ей нужно играть роль афганцев, пошла в атаку с традиционным русским "ура", а после захвата города на его улицах сплошь и рядом слышался отборный русский мат. Повсюду валялись изуродованные трупы защитников города, около трех тысяч. На следующий день переодетые под афганцев красноармейцы двинулись дальше, пристреливая попадавшихся на пути жителей, чтобы они никому не сообщили о советском вторжении. Сталин надеялся создать просоветское правительство Афганистана из местных экстремистов, а когда это не удалось, отдал приказ красноармейцам возвратиться. Проходя на обратном пути через Мазари-Шерифе, они прихватили с собой весь каракуль, хранившийся на складах города — в качестве компенсации за расходы, понесенные Кремлем на организацию этой экспедиции.

Рассказываем об этой мало кому известной афганской экспедиции Сталина для того, чтобы подчеркнуть преемственность экспансионистской политики Кремля. Сделав поправку на современную технику, мы получим хорошо известную картину вторжения 85-тысячной Красной Армии в Афганистан накануне Рождества 1979 года. За афганскую неудачу Сталина в конце 20-х годов его наследники взяли реванш спустя полвека.

Все упирается в вопрос, кто именно в Кремле является но-

сителем этой имперской традиции России? Кто принял решение послать советские войска в Афганистан? Кто ведет там сейчас войну, которая с каждым годом становится все более свирепой? И наконец зачем русским Афганистан? Ведь и Сталин был не инициатором, а продолжателем традиции. В конце XIX века Россия захватила соседние с Афганистаном независимые государства Хиву, Бухару и Коканд; и марксизм, который многие западные комментаторы считают ответственным за захват Афганистана, был тогда известен в России самое большее несколькими десятками человек. Зато традиционному русскому географическому империализму насчитывалось к тому времени уже несколько столетий. Здесь действует, как ни странно, своего рода инстинкт самосохранения, ибо империя либо распадается, либо расширяется — статичное, неизменное состояние для нее невозможно: она потому и расширяется, чтобы не распасться. Стареющая, слабеющая, либо переживающая перманентный кризис империя становится еще более агрессивной; слабый противник иногда опаснее сильного.

Однако помимо традиционного имперского аппетита, который с возрастом не уменьшается, Кремль на этот раз — при захвате Афганистана в конце декабря 1979 года — руководствовался также и стратегическими соображениями, пусть это даже скорее была дань устарелой в наш век межконтинентальных ракет стратегии. Но русские — не японцы: отстает не только их техника, но и их сознание — политически на целые столетия, а военное мышление — на несколько десятилетий, как минимум.

Упомянем, чтобы сразу же отбросить как неправдоподобные (либо слишком отвлеченные и "детективные") объяснения захвата Афганистана — желанием Советского Союза выйти к Индийскому океану и незамерзающим портам южных морей либо захватить жизненно важные для Запада нефтяные поля Аравийского полуострова.

Есть, конечно, побочные выгоды оккупации Афганистана. Военные приобрели великолепный полигон в реальных условиях войны, а не игры в войну, как во время военных учений.

Застоявшаяся за четыре десятилетия мира армия получила мощную встряску и была приведена в состояние боевой готовности. К тому же, в поднятии боевого духа нуждалась не только армия, но и народ — война в Афганистане стала патристическим допингом в стране, где коммунистическая идеология давно уже превратилась в пустые, никого не волнующие слова, и советская печать широко использует афганские примеры в пропагандистских целях.

Однако даже в совокупности эти побочные причины были недостаточны для такой дорогостоящей во всех отношениях военной операции (человеческие и материальные потери, возмущение мирового общественного мнения, американские политические и экономические репрессалии и т.д.). Есть еще одна причина — главная.

Одновременно с войной в Афганистане Советский Союз усиливает свое военное присутствие на китайской границе, где расположена вооруженная ядерным оружием четверть всей советской армии — больше миллиона человек; планомерно вытесняет Китай из Индокитая, искусно провоцируя с этой целью вьетнамский империализм (захват вьетнамцами Лаоса и Камбоджи и столкновения на китайско-вьетнамской границе), и вдобавок ведет мирное наступление на Индию, опутывая ее сложной паутиной договоров и обязательств и заодно подогревая тамошнюю враждебность к Китаю и его союзнику Пакистану, сопернику Индии.

В контексте всех этих военных и "дипломатических" акций оккупация Афганистана воспринимается как часть общеразветвленного плана окружения Китая — иной стратегической ценности Афганистан для Советского Союза не представляет. С точки зрения кремлевских лидеров, от Хрущева до Горбачева, именно Китай является в военно-демографическом отношении врагом России №1, особенно в перспективе его все более тесного экономического, военного и политического сближения с США, Японией и Западной Европой. Парадоксальным образом Афганистан пал жертвой устойчивого страха России перед Китаем. Сто тысяч расквартированных в Афганистане советских солдат — не что иное как подкрепление к миллиону на китайской границе.

Среди советского руководства циркулировали захваченные будто бы у китайских партизан документы, из которых следовало, что с согласия афганского президента, агента ЦРУ, Хафизуллы Амина, через Вахан должны были войти совместные отряды китайских и американских войск. Именно эти документы сыграли роль *ultima ratio** для тех кремлевских лидеров, кто физически был способен к обсуждению плана захвата Афганистана.

Скажем сразу же, таких было не так уж много. К концу 1979 года выбыли из строя оба формальных лидера страны: генеральный секретарь Брежнев и премьер Косыгин. Причем, состояние обоих было настолько тяжелое, что врачи мало рассчитывали на их выздоровление. В случае с Косыгиным, их прогноз оправдался — он так и не оправился от удара, боляничная койка оказалась его смертным ложем. По Москве пронесся очередной слух о смерти Брежнева — на этот раз он был ближе к реальности, чем когда-либо прежде. Хотя спустя несколько месяцев Брежнев и вернулся к ограниченной деятельности — скорее церемониальной, чем деловой — в конце 1979 года он был не способен ни к какой деятельности вообще.

Больны были также в это время Арвид Пельше и Андрей Кириленко, а Михаилу Суслову делали операцию, вопрос о введении в Афганистан "ограниченного контингента советских войск для оказания интернациональной помощи афганским коммунистам" решался приватно между Андроповым, Громыко, Горбачевым, тогдашним военным триумvirатом, состоявшим из маршалов Николая Огаркова, Виктора Куликова и начальника Политуправления генерала Епишева, а также беспрекословно послушным этой тройке министром обороны Устиновым. (Хотя общее руководство афганской операцией осуществлял КГБ во главе с Андроповым, конкретный план принадлежал военным, и именно генерал Епишев во главе многочисленных военных делегаций дважды за 1979 год посетил Афганистан, чтобы на месте выверить детали го-

---

* Аргумент, отработанный еще со времен оккупации Венгрии и Чехословакии: Красная Армия опередила войска Бундесвера всего на несколько часов.

товящейся акции). Черненко, Гришин и Тихонов были поставлены в известность о принятом решении постфактум — им ничего не оставалось делать как согласиться. Большинство членов Политбюро — пять пациентов "Кремлевки" и трое иностранцев (ленинградец Романов, украинец Щербицкий и казах Кунаев) — узнали о советской оккупации Афганистана только из газет.

Это к вопросу об инициаторах оккупации Афганистана: хотя она и произошла на закате брежневской эпохи, ее авторство следует приписать тогда уже всеильному регенту империи Юрию Андропову, его сторонникам и доверенным лицам. Брежнев, даже если бы хотел принять участие в обсуждении этого вопроса, по своему физическому состоянию сделать бы этого не смог.

Владимир СОЛОВЬЕВ, Елена КЛЕПИКОВА

**БОРЬБА В КРЕМЛЕ —
ОТ АНДРОПОВА ДО ГОРБАЧЕВА**

Одновременно с американским изданием (издательство "Додд, Мид"), весной 1986 г. "Время и мы" выпускает книгу Владимира Соловьева и Елены Клепиковой "Борьба в Кремле — от Андропова до Горбачева".

Для русского издания авторы предоставили дополнительные материалы, не вошедшие в английское издание книги.

Авторы — журналисты и политологи, постоянно выступают во многих американских газетах ("Нью-Йорк Таймс", "Вашингтон Пост", "Дейли Ньюс", "Чикаго Трибюн" и др.). Их перу принадлежит вышедшая в издательстве "Макмиллан" и широко на шумевшая книга "Андропов"

СОДЕРЖАНИЕ

**ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ: ЧТО МИР ЗНАЕТ О КРЕМЛЕ И ЧТО
КРЕМЛЬ — О МИРЕ**

**О ТОМ КАК СТРАНА УПРАВЛЯЛАСЬ СО СМЕРТНОГО ОДРА
ДУЭЛЬ У ГРОБА АНДРОПОВА, ИЛИ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО
В КРЕМЛЕ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ МЕЖДУ ЕГО СМЕРТЬЮ И ЕГО
ПОХОРОНАМИ**

**ИНТЕРМЕЦЦО С КОНСТАНТИНОМ ЧЕРНЕНКО
ТАЙНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ — КГБ
ГАМЛЕТОВЫ СОМНЕНИЯ КРЕМЛЯ: КАК БЫТЬ С ПОЛЬШЕЙ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕМЛЕВСКИХ МАФИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ
В КРЕМЛЕ НЕТ ЕВРЕЕВ, ЖЕНЩИН, МОСКВИЧЕЙ И ВОЕННЫХ?
КОРОЛЬ УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!**

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАВРОПОЛЬСКИЕ ПЕНАТЫ**

БАЛОВЕНЬ ПОЛИТБЮРО

**ТЕНЬ СТАЛИНА НАД КРЕМЛЕМ
КРЕМЛЬ, ИМПЕРИЯ И НАРОД, ИЛИ ПАРАДОКС НАРОДОВЛАСТИЯ**

Цена по предварительным заказам — 14 долларов.

Заказы и чеки высылайте по адресу:

Time and We
475 Fifth ave, suite 511-A
New York, New York 10017

Борис МОЙШЕЗОН

КАРЬЕРА И ЧЕСТНОСТЬ УЧЕНОГО

Неосведомленному человеку, возможно, трудно поверить в то, что советская математика находится на уровне Западной. Я и сам, впервые в 1973 году приехав в США и будучи как раз представителем советской математической школы, решительно не соглашался с этим утверждением. Тогда все это выглядело как плод либеральных увлечений моих коллег. Повидимому, слишком сильна была во мне инерция недоверия советской пропаганде, превозносящей без разбора все советское — науку, промышленность, искусство, мораль...

Но прожив несколько лет на Западе и трезво оценивая происходящее в математике, знакомясь с работами, которые время от времени приходили из Москвы, я вынужден был признать действительно высокий уровень советской математической школы.

Не правда ли странно? С одной стороны просвещенный и стремительно развивающийся Запад. С другой — тоталитар-

ная держава, переживающая глубокий кризис и стагнацию. Откуда это несоответствие в развитии науки и общества? Я уже не говорю о том, что на Западе математики работают в несравненно более благоприятных условиях, в своем соревновании с советской школой они действуют как бы сообща, ибо всех их связывают постоянные научные контакты. Тогда как их советские коллеги, живя в закрытом обществе, фактически изолированы от научного мира.

Известны достижения советских ученых и других фундаментальных областей. В связи с этим возникает более общий вопрос: какие факторы вообще влияют на развитие науки в наши дни? Что является ее главным стимулом? И служит ли сама по себе высокая организация и упорядоченность жизни в свободно-рыночном обществе гарантией научного продвижения?

Я буду говорить о математике. Я с ней лучше знаком, но думаю, что те же соображения могут быть отнесены и к другим областям.

Итак, насколько западная, свободно-рыночная экономика стимулирует науку? Вспомним Мильтона Фридмана и ставшую теперь уже классической его работу "Капитализм и свобода". Фридман утверждает, что свободный рынок — это оптимальный регулирующий механизм экономической да и всей социальной жизни в свободном мире. Но в какой степени это относится к науке и ученым? Как выглядит сегодня социология научных открытий?

Размышляя над этими вопросами, мы вступаем в область, полную неожиданностей и парадоксов, одним из которых и являются крупные успехи советских математиков.

Начнем с того, что социология научных открытий — это прежде всего социология карьеры ученого. То есть разговор о том, какое направление предпочтет молодой ученый после окончания университета. Что сочтет для себя более перспективным, а что менее или вовсе не заслуживающим внимания? Иначе говоря, как он поведет себя на рынке идей? Так вот, мои наблюдения показывают, что сам этот рынок научных идей — пусть меня извинят за тавтологию — отнюдь

не всегда служит интересам науки. По крайней мере, если говорить о нем по большому счету. Проблема в том, что очень часто наш молодой ученый не идет туда, где его ждет неизвестность и трудности, где "пахнет жареным", а устремляется туда, где легче пробиться и сделать карьеру, где можно получить лучшее место, заручиться рекомендациями тех, кто стоит на вершине научной иерархии. Не секрет, что иерархия определяет систему ценностей на рынке идей.

Впрочем, возможно, этот путь окажется плодотворным и молодому ученому удастся сделать ряд важных работ (Ведь не случайно его шеф выбрал именно это направление, а чем хуже он? Почему его должна поджидать неудача?) С точки зрения логики и, как говорится, здравого смысла, тут все верно. Но именно этот, казалось бы, логически беспроблемный подход, менее всего способствует крупным открытиям в науке.

В подтверждение позволю себе рассказать одну довольно интересную историю. Три года назад в математике произошла очень большая сенсация — решили знаменитейшую проблему в теории чисел — доказали так называемую гипотезу Морделла. Эта гипотеза, связанная с широко известной теоремой Ферма, была сформулирована еще в 20-е годы. И вот решил ее немецкий математик Фолтингс, которого после этого немедленно пригласили в Принстон, и он стал звездой первой величины.

Фолтингс был учеником известного французского математика Спиро, однако свою работу он сделал в Германии, которую сегодня трудно назвать мировым центром математики. Спиро, в свою очередь, опирался на многолетние исследования советской математической школы Шафаревича. Но и это не все — в этой школе самые важные для Фолтингса исследования были сделаны А.Ракеловым, молодым математиком из Армении, которому принадлежат два воистину гениальных открытия, сделанных им в возрасте 25-26 лет. Далее жизнь Ракелова развивалась трагически — он заболел и оказался в психиатрической больнице. Сейчас он на пенсии, хотя ему нет и сорока лет.

Разумеется, этот случай крайний, когда человек, совершивший гениальное открытие, просто сошел с ума. Но, может быть, именно потому, что случай крайний, он хорошо показывает суть дела. Ведь этот человек не делал никакой карьеры. Ракелов вообще был очень странным, с каким-то отрешенным выражением лица. Он ходил с плакатами типа "Свободу Солженицыну". Это был человек не от мира сего с самого начала. Он помешался на религии, на политике, работал одно время церковным сторожем, но вот ему-то и принадлежит этот поворот в теории чисел.

Или другая история. Известно, что после Второй мировой войны в математике произошли революционные изменения. В эти годы, в частности, развивалась знаменитая гомологическая алгебра. В центре всего этого развития стоят идеи и работы французского математика Лерэ. Он и сейчас очень известен: член французской академии, лауреат знаменитой Израильской Вульфовской премии, которая дается очень крупным математикам. Правда, Лерэ был известен и до войны, в которой сам принимал участие. Но вот что интересно: основные идеи, совершившие переворот в математике, были им созданы, когда он был в немецком плену и, возможно, даже валялся в грязных немецких бараках — то есть, оказавшись в необычных, экстремальных условиях, он сумел взглянуть на мир совершенно особым, нетривиальным взглядом и совершить переворот в математике.

Впрочем, открытие Лерэ в послевоенную эпоху не было единственным. В те годы в науке произошли и другие чрезвычайно важные события. И такую же картину — колоссальных революционных изменений — можно наблюдать после Первой мировой войны, когда и в математике и в физике все неожиданно переменялось — ученые как бы стали говорить на совершенно другом языке.

Как это можно объяснить? Повидимому, войны, обновляя жизнь целых народов, ослабляют, а иногда и разрушают устоявшиеся научные иерархии и авторитеты. Старики уступают место молодым. Расчищается поле для научного диссидентства, для дерзких и нетривиальных открытий. Ведь существен-

но важны именно пути, которые избирают ученые. Так же, как важна личность ученого, его способность нонконформистски мыслить.

Наиболее крупные неинерционные открытия, как правило, совершают люди именно такого типа, идущие не по академическому пути и действующие не по правилам, сложившимся в иерархии, а вопреки им. Думаю, что действия таких диссидентов вообще не детерминированы какими-то общими правилами и канонами. Поэтому трудно оценить, насколько эффективны даже самые благородные попытки воздействовать на плодотворность ученого. Трудно даже понять, какие стимулы способны подвигнуть его на важные шаги и открытия.

Возьмем, к примеру, систему грантов, которая весьма распространена на Западе. Система якобы очень мощной материальной поддержки науки.

Известно, что в американских университетах летом почти каждый математик получает в виде гранта добавочную зарплату.

Внешне все выглядит очень разумно, поскольку назначение грантов зависит от наиболее знающих и умных людей, чей опыт позволяет им сконцентрировать усилия ученых на наиболее перспективных направлениях. Но, если вдуматься в сложившуюся практику, то ведь каждый из этих людей сам принадлежит к той или иной научной школе, к тому или иному направлению, придерживается определенной системы взглядов. Да, и в силу общей инерционности человеческого мышления — кому быстрее дадут деньги — тому, кто идет проторенной дорогой, или тому, кто бросает вызов установившимся воззрениям? Инерция, как правило, оказывается сильнее и получается, что сама система как бы толкает молодого ученого на то, чтобы он исходил не из интересов чистого знания. Его начинают мучить вопросы совсем иного рода: удастся ли под данную тему получить грант? Кто и на какой ступени иерархии его поддержит? Сулит ли ему избранная тема хорошее место? Как видим, все, только не сама наука!

Ту же картину, но в более циничной и обнаженной форме мы видим в СССР, где судьба ученого всецело зависит от под-

держки Академии Наук или Министерства Высшего образования и где, выбирая научную тему, аспирант прежде всего решает, насколько она "диссертабельна". Что же касается ее реальной ценности, то часто это вообще за пределами его внимания. Разумеется, в СССР никакой свободы науки не существует. Но если смотреть правде в глаза, то и в Западном обществе о ней можно говорить с большими оговорками. Не является ли, скажем, упомянутая система грантов утонченной формой все того же контроля над ученым? Ему никто не может позвонить из ЦК партии или Академии Наук и заставить его поступать так или эдак. Но ему могут дать или не дать грант и таким образом увеличить или уменьшить его доходы. Это будет сделано никаким не начальством, а его же респектабельными коллегами, занимающими ключевые посты в данной научной области. Отказ будет сопровождаться респектабельнейшими формулировками, в которых во главу угла будут положены высшие интересы науки. Оказывается, эти интересы, с точки зрения коллег, не требуют разработки и финансирования предложенной нашим ученым темы. И в гранте ему отказывают. Согласимся, что вся эта атмосфера — погони за грантами и подкармливания ученых мало способствует рождению диссидентов в науке.

Но когда возникает такая социология науки, она отрицательно воздействует и на весь ход ее развития. Картину, я думаю, можно было бы представить таким образом. Появляющиеся после войны диссиденты постепенно становятся респектабельными учеными. Время делает свое дело, они заостеневают, превращаются в нетленные авторитеты, требующие поклонения и тормозящие дальнейшее развитие. Часто они вообще не отдают себе отчета в том, что происходит вокруг. (Мне они чем-то напоминают некогда пламенных революционеров, превратившихся в партийных бонз, заседающих в Политбюро.) Один мой бывший аспирант сбежал с научной конференции, где председательствовал такой "член Политбюро". "Они потеряли чувство юмора, — рассказывал он. — У меня было ощущение королевского двора с целой армией фаворитов и лакеев". Так вот эти выросшие из революции

"контрреволюционеры" не только не хотят никаких бунтарей, но и создают вокруг себя совершенно новый климат. Идущие им на смену — это уже не бывшие революционеры, а чаще всего действительно карьеристы, которые обычно и не скрывают своих целей — занять высокое место в иерархии. Отрицательная для науки атмосфера может стать всеобщей, и тогда сами возможности для переворотов в науке могут исчезнуть. В принципе диссиденты, конечно, могут появиться, но у них не будет никаких мотивов для деятельности. Между тем мотивация в науке и искусстве чрезвычайно важна. Для ученого или человека искусства очень существенно, чтобы были ценители — пускай один, два, несколько, но он не может работать в безвоздушном пространстве. Важно, чтобы была атмосфера, в которой ценятся вещи реально революционные, обладающие какими-то принципиально новыми качествами, а не просто отражающие бездумное, бычье продвижение в заданном направлении. Так вот, в такого рода отрицательной атмосфере все нетривиальное перестает цениться, и у людей талантливых, как я говорил, исчезают мотивы для творчества: "Кому это нужно? Кто это оценит? Это способно вызвать у нормальных людей лишь смех! Я думаю, что нет ничего губительнее подобной логики, — и для науки и для творческого развития вообще.

Однако на этом не исчерпываются опасности, подстерегающие науку. Я хочу сказать о наиболее серьезной из них, а именно, что под угрозой оказывается ее святая святых — интеллектуальная честность ученого. Проблема эта заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробней.

Известно, что без интеллектуальной честности ученого — причем не только перед собой, но еще больше перед коллегами — невозможно вообще научное развитие. Известно, далее, что греческой философской школе удалось создать такую систему логических доказательств, которая стала безотказным инструментом проверки истины. Люди в ходе научного поиска получили возможность быть независимыми от начальства, от социальных установок, карьеры и т.д. Такой блестящей возможностью обладают прежде всего математики, ко-

торые меньше, чем ученые любых других областей, зависят от внешнего мира. Им для доказывания истины достаточно карандаш и листа бумаги. Может быть, в силу ее независимости математику можно назвать самой честной из наук, наиболее правдивой областью человеческой деятельности. Остальные науки уже менее правдивы, там уже большая зависимость от денег и большой простор для жульничества. Физику, скажем, нужны деньги на эксперимент, иногда деньги гигантские.

Если расположить все сферы деятельности человека в виде условного спектра, то на одном конце спектра, скажем, ультрафиолетовом, поместится деятельность математиков, а на другом — инфракрасном, вероятно, деятельность рекламных компаний.

Для математиков превыше всего честность. Для рекламных компаний все наоборот. Истина для них не имеет никакого значения. Если к вам приходит некая фирма с предложением разрекламировать ее сосиски, духи или сигареты, то вы, рекламодатель, не очень задумываетесь над тем, в какой степени правда то, что они рассказывают. Главное, сфотографировать красавца с сигаретой в зубах, а то, что курение вредно, что от него усталость и масса заболеваний, не имеет никакого значения. То есть я хочу сказать, что вся деятельность рекламных компаний — это в какой-то форме служение лжи, тогда как деятельность науки — это служение правде.

Идеальная реклама — это такая, которая всегда и все умеет раздуть. Идеальная наука — это такая, которая ни на йоту не позволяет себе отступить от истины. Естественно, что реклама и наука противопоказаны друг другу. Прекрасно понимая это, рекламщики менее всего расположены подпускать к своим делам ученых. Не то, однако, происходит в науке. В современном обществе она оказывается в таких условиях, что ей все труднее устоять перед искусом рекламы.

Вернемся все к той же системе грантов. Для того, чтобы получить грант, ученый должен себя "подать", разрекламировать свою будущую работу. Но как это сделать, если он продирается сквозь джунгли неизвестного — он лезет и копается в таинственных и малопонятных вещах, о которых

ему пока просто нечего сказать. Конечно, он может честно заявить, что ему предстоит иметь дело со странными и непонятными вещами, но на это никто денег не даст. И вот он оказывается перед тяжелой дилеммой: или отказаться от гранта или пойти на заведомое преувеличение или даже заведомую неправду, то есть бросить вызов своей интеллектуальной честности.

Тут возникает и проблема престижности. Борясь за грант, ученый доказывает, что он не просто способен сделать данную работу, но сделает ее лучше других. Его талант отступает на задний план. Решающую роль приобретает самореклама. Поэтому в моих глазах наибольшую опасность представляет не то, что в научном мире происходят какие-то формальные сдвиги. Нет, опасность я вижу в том, что идет процесс замены тех людей, которые делают науку, людьми совершенно другого типа. Происходит замещение клеток, развивающееся в нежелательном направлении.

Настоящую науку, естественно, могут делать только настоящие ученые. Стимулами в работе для них не могут быть вещи, лежащие за пределами науки, — деньги, карьера, положение и многое другое. Истинный ученый, фанатик науки находит вдохновение в ней самой и добываемые им результаты есть высшая его награда.

Вернусь, однако, к началу статьи: почему советские математики, работающие в условиях тоталитарной системы, оказались способными сделать ряд блестящих открытий? В чем, в конце концов, причина их успеха? На этот вопрос может быть несколько ответов — и самый простой, вероятно, — в том, что революция в России открыла доступ к знаниям широким слоям населения. Можно это объяснить и тем, что заботясь о военной экономике, советский режим старается сохранять высокий уровень научного развития. Но мне кажется, что истину надо вообще искать не в социально-идеологических областях, а в сфере духовных ценностей, если хотите, духовного климата, в котором живет ученый.

Я вспоминаю своих учителей — таких, как Шафаревич, свою студенческую молодость, протекавшую в хрущевские

годы, свое окружение тех лет. Для нас математика была не просто научной специальностью, она была нашим культом, предметом любви. В разговорах о ней мы проводили ночи, ниспровергая один за другим авторитеты — одних за то, что они не решили никаких важных задач, других за то, что не оставили после себя теорий. Вне математики мир для нас мало что значил.

Как же формировались эти духовные ценности, этот пиетет перед наукой? На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. Мы ходили в школьные научные кружки, участвовали в олимпиадах, читали книги из серии "Жизнь замечательных людей". Мы с молоком матери впитывали уважение к науке, преклонение перед теми, кто ей служил.

Так складывался нравственный климат, в котором формировались целые поколения советских ученых. Парадоксально, что его становлению способствовала сама советская система. Я не намерен здесь оспаривать общеизвестные вещи: каким ужасом для миллионов людей она обернулась. Но родившись на основе марксистской теории, претендовавшей на роль универсальной философии, советская система превозносила роль науки. Это не мешало Сталину и его наследникам обрушиваться на самые фундаментальные ее достижения, поддерживать псевдоученых и псевдонауку типа лысенковщины, но как понятие она всегда оставалась священной. Не случайно лозунг о необходимости развивать все отрасли научного знания неизменно переключивается из одной программы партии в другую, а Сталина, в дополнение ко всем его бесчисленным титулам, называли еще и корифеем наук.

Вернемся, однако, к науке в свободном мире. Выше я говорил о ряде видимых симптомов ее заболевания. В математике они, возможно, наиболее ощутимы. Дело в том, что кризис здесь проявляется прежде всего в аспирантуре — все меньшее число молодых людей изъявляют готовность посвятить себя математике, ввиду ее бесперспективности с точки зрения карьеры, будущих доходов, возможностей устроиться.

В последние годы эта ситуация приняла особенно тяжелый

характер — число молодых американцев, желающих вступить в аспирантуру приближается к нулю. Аспирантуру все больше заполняют эмигранты — в последние годы из коммунистического Китая, а до недавнего времени эмигранты из СССР.

Помню, прежде чем их принять, я с каждым довольно долго и обстоятельно беседовал. Старался объяснить то, что хорошо было известно американцам, а именно, что математическая аспирантура и докторская степень по ее окончании не сулят никаких особых благ. Скорее, наоборот, будущего аспиранта поджидают нелегкие проблемы с подысканием постоянной работы и будущим устройством. Я намеренно сгущал краски, чтобы потом не было разочарований. Но ни один из тех, с кем я говорил, не изменил своего решения. Эти ребята приходили ко мне глубоко убежденными в том, что они должны посвятить себя математике и только ей. Повидимому, у них это было в крови — от мамы, папы, от этой серии "Жизнь замечательных людей", — что нет в жизни более благородного дела, чем прославиться в науке.

Сейчас приезжающие из Москвы рассказывают, что и там все меняется, что разговоры о джинсах и о деньгах все чаще проникают в коридоры мехмата, да и других научных факультетов МГУ. Но так или иначе этот идеализм сделал свое дело, он заставлял молодых ученых мерить многие вещи на шкале вечных ценностей, верить, что существуют нетленные достижения человеческой культуры и, если ты намерен прожить достойно, ты должен внести в них свой вклад.

Кстати, это не российская и не советская, а общеевропейская культурная традиция: существует мировая культура и любой ученый, как и человек искусства, должен способствовать ее развитию.

И вот в современном обществе, наиболее типичным примером которого является Америка (а остальные страны догоняют ее в большей или меньшей степени) эта традиция на наших глазах исчезает. На ее месте появляется другая традиция: что есть жизнь, есть так называемый разумный эгоизм, что надо работать не для того, чтобы вносить какие-то там леп-

ты — этой филантропией можно, конечно, заняться после работы, через церковь или синагогу — но не это главное. Главное — это работать для денег, для карьеры, устроиться, скажем на Уолл-Стрите, получать пятьдесят-шестьдесят тысяч. Это единственное, что ценно, за это тебя будут уважать. Или сделать какой-нибудь блестящий боевик на Голливуде, который дает, скажем, 260 миллионов долларов прибыли. А то, что этот боевик не только не искусство, а, наоборот, он убивает искусство, потому что подлинным талантам после него уже не продолжить, — это уже никого не интересует. И что же в результате? А в результате, те же талантливые люди, гиганты науки и искусства, о которых мы ведем речь, оказываются занятыми совсем в другом направлении.

Но если зашла речь о европейской культурной традиции и традиции другой, которую условно можно назвать "американской" то я хотел бы провести параллель с Древней Грецией и Римом.

Греция в античном культурном круге была, как Европа. Когда-то она представляла собой группу воинственных районов, которые, как и европейцы, устраивали между собой жуткие побоища, но одновременно им удалось довольно мощно развить культуру. А потом где-то на Западе появился совершенно новый феномен — Рим, который Грецию подмял, изнасиловал, искарежил и в конце концов сделал одной из своих провинций. Многие из современных археологов даже пользуются термином — "римская провинциальная культура". Возможно, будущие археологи, делая раскопки в Европе и находя покрышки от автомобилей, тоже будут говорить нечто подобное — "американская провинциальная культура".

В чем тут аналогия? Повидимому, технологически римляне оставили греков далеко позади. В Риме была более совершенная система водопроводов и санитарных узлов. Широко известны римские дороги. У них была лучше организована армия и торговля, весь их мир был более космополитичен, им удалось развить обширные и разветвленные торговые контакты. Но от древних греков римлян отличала без-

духовность. Наиболее чтимые учителя, а часто и язык письменной культуры были греческими. И вообще в высших кругах было принято приглашать учителей из Греции. (В этом смысле их можно сравнить с европейскими учеными-эмигрантами, которых так часто приглашают и переманивают к себе американские университеты)

В конце концов классическая Греция исчезла. Постепенно все задохнулось в этой провинциальной римской культуре, которая технологически была очень передовой, а политически весьма тонкой и изощренной (вспомним хотя бы римскую юриспруденцию) Но, повторяю, эта мощная римская цивилизация как раз и убила классическую античную культуру. Конечно, и в Риме было свое искусство, но интересно, какой оно носило характер. Бывая в музеях, я люблю сравнивать греческую и римскую скульптуру, хотя подлинно греческие мастера представлены очень скудно. Чаще всего то, что мы называем работами греков, — это римские копии. Сравнивая их с подлинными греческими скульптурами, видишь, что технически римляне были гораздо более искусны. Они делали почти фотографические скульптурные портреты. Греческих мастеров можно узнать по несколько более грубой работе. Но эта грубоватость придает естественность и какую-то бесценность их творениям. У греков камень, хоть и более грубоватый, но он живет. У римлян он блестяще обработан, но мертв — подобно тому, как фотография выглядит мертвой рядом с живописью.

Вот тут я и хотел бы еще раз провести аналогию. Если говорить о закате Европы, то ее конец, повидимому, будет очень напоминать закат Древней Греции, проглоченной Римом.

Я бы мог назвать только одну европейскую страну, способную, кажется, противостоять натиску технологической Американской цивилизации. Это — Англия, которая является своего рода колыбелью европейской науки. В довершение надо отметить, что очень важные научные события сейчас связаны именно с Англией. Я не говорю, что там идеальные для ученых условия, напротив, там тяжелая академическая среда, чудовищные интриги, мало мест для работы, но, если взгля-

нуть на происходящее в физике и математике — то очень многие вещи идут именно оттуда. Я объясняю это тем, что Англия, будучи как бы матерью Америки, в большей степени защищена от американского влияния, чем другие страны. Для англичан все эти коммерческие ценности, связанные с бизнесом, — вещи, которые они давно знают. Ведь англичане на протяжении последних веков тоже были торгоши, но, возможно, у них все это шло более естественно, будучи родиной капитализма, Англия смогла как бы выработать иммунитет против его отрицательного воздействия на цивилизацию и науку.

Из всего, что я сказал, становится более или менее ясно, какого рода опасность нависла над наукой. Я старался показать, что избавиться от этой опасности невозможно ни вмешательством правительств, ни крупными ассигнованиями, никакой более совершенной и упорядоченной организацией научной работы. Наука — совершенно особый вид деятельности, также, как ученый, — это особый тип мышления, если хотите, особый тип человеческой организации, плохо поддающийся управлению извне. Настоящий ученый не может не быть идеалистом и фанатиком, погруженным в свои почти маниакальные идеи и почти не управляемым извне.

В этом смысле науку можно рассматривать как совершенно особый орден, в котором люди связаны служением определенному идеалу и выполнением определенных ритуалов. И всякое проникновение в этот орден других канонов и ритуалов может оказаться для него губительным. Дело не в том, что произойдет смена вывесок или идеологий. Как раз такую смену наука в состоянии выдержать, как вынесла, хоть и с потерями, советская наука сталинский режим. Но смерть, как я уже говорил, наступает тогда, когда происходит смена людей, исчезновение из науки идеалистов, когда приходят люди совершенно иного типа. По многим своим данным они превосходят идеалистов, они более деловиты, более умны и находчивы, они во много крат легче делают карьеру и взбираются по иерархической лестнице. Они прекрасно находят себе место в иерархиях и нередко возглавляют их, но их приход в науку и может стать началом ее конца.

Соломон ЦИРЮЛЬНИКОВ

ИЗРАИЛЬ — ГОД 1986

Сегодня, может быть, как никогда раньше, мы стоим перед фактом раздвоения Израиля. Примерно половина его населения видит главную цель страны в достижении мира и во имя этого готова на серьезные территориальные уступки. Другая половина выступает за сохранение завоеванных территорий и создание "целостного Израиля". Между тем, время не стоит на месте. День за днем происходят события, которые меняют карту страны и, возможно, окажутся судьбоносными для ее будущего. В районах Самарии быстрыми темпами прокладываются новые дороги, соединяющие ее с центром страны. На контролируемых территориях уже создано свыше ста еврейских поселений. По имеющимся планам к концу десятилетия на этих землях поселятся сто тысяч евреев. В то же время около пятидесяти тысяч арабов с Западного берега Иордана и из сектора Газы работают сегодня в центральных районах Израиля. Они составляют основную рабочую силу в отсталых отраслях промышленности и полностью вытеснили из этих отраслей еврейских рабочих.

Статистические данные свидетельствуют о том, что арабы уже теперь составляют около сорока процентов общего числа жителей страны (Израиля вместе с оккупированными территориями). А через пару десятков лет, благодаря высокой рождаемости арабского населения, оно по своей численности может сравняться с еврейским. И в этом случае совсем не исключен такой "экивок истории", что возрожденная из пепла национальная родина евреев по своему демографическому составу превратится в еврейско-арабское двунациональное государство, то есть целостный Эрец Исраэль обратится в собственную противоположность.

Естественно, что этот демографический баланс может изменить еврейская эмиграция в Израиль. Но такой эмиграции нет и вряд ли можно всерьез на нее рассчитывать. Из стран Запада приезжает практически ничтожное число евреев, и не видно никаких признаков того, что эта тонкая струйка эмиграции как-то изменится. Есть, правда, страны, откуда евреи вынуждены уезжать, но они, как правило, не едут в Израиль. Так было в Алжире, когда оттуда ушли французы; так было в Иране, когда там к власти пришел Хумейни. Аналогичную картину мы наблюдаем теперь в Южной Африке. Нет больших шансов на то, что советские евреи поедут в Израиль, даже если новое правительство откроет ворота для эмиграции. Отсюда, если в течение первых семнадцати лет существования Израиля (с 1948 по 1965 год) еврейская алия составила один миллион семьсот тысяч человек, то за последние 20 лет эта цифра упала до полумиллиона.

Говоря по совести, это можно понять. Еврейское государство было задумано как национальное убежище для евреев всего мира. Убежище, которое прежде всего гарантирует им безопасное существование. Но этого не произошло. Страна на долгие годы оказалась на линии огня. Я уже не говорю о трудностях внутренней консолидации, о раздирающих страну конфликтах и противоречиях.

Демографическая проблема соседствует с другой, может быть, самой важной для Израиля, — проблемой мира. Свыше пяти лет прошло со времени триумфального

визита Садата в Иерусалим. Тогда казалось, что подписание с Египтом мирного соглашения повернет судьбу еврейского государства, откроет двери для всеобщего урегулирования на Ближнем Востоке. Это мирное соглашение и по сей день остается важнейшим достижением Израиля за всю его историю. Израильско-египетский договор — по крайней мере формально — прорвал фронт арабской вражды, притом в наиболее чувствительном месте: Египет был и остается самым крупным арабским государством. Израиль освободился от кошмара войны на два фронта. И, хотя по договору Египту возвращался весь Синай, включая нефтеносные районы, соглашение с Садатом нашло практически единодушную поддержку у всего народа — его поддержал и возглавлявшийся Бегинским блок правых партий "Ликуд", и противостоящий ему блок социалистических рабочих партий "Маарак". Против выступили только сравнительно немногочисленные правонационалистические группировки. (Серьезные эксцессы произошли лишь позже, когда Израиль, согласно договору, должен был очистить и покинуть еврейские поселения и город Ямит в Синае).

Но явился ли, на самом деле, этот договор поворотным пунктом? Спустя пять лет после его подписания мы вынуждены констатировать, что израильско-египетский мир сел на мель — он превратился в "холодный мир" и судьбу Израиля никак не повернул. Сегодня в Израиле идет жестокая внутренняя борьба вокруг попыток оживить это соглашение. Но каковы ее перспективы? Есть ли основания для оптимизма?

Камнем преткновения был и остается сепаратный характер этого договора — именно то, к чему поначалу так стремился Израиль и плоды чего он пожинает сегодня. Арабские страны ответили всеобщим бойкотом Египта — и Египет, хоть и является ведущим арабским государством, не может оставаться к этому равнодушен. К тому же его лидеры знали на что шли: они не только без единого выстрела получили обратно Синай, но также поза-

ботились о том, чтобы вставить в договор пункт о так называемых "законных правах" палестинского народа. Это и стало той бомбой замедленного действия, которая в значительной степени подорвала израильско-египетский мир. Правительство Ликуда, лелеявшее мечту о целостном Израиле, не могло пойти на уступки дальше, чем предоставление автономии палестинским арабам (исключив из этой автономии даже их территориальный суверенитет). Это практически и свело к нулю "законные права палестинцев" и привело к резкому охлаждению израильско-египетских отношений.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на такой фундаментальный факт: египетский народ внутренне оказался не подготовлен к миру с Израилем или, по крайней мере, недостаточно подготовлен. Доказательством прежде всего служит сам факт убийства Садата. О том же говорит и совершенно дикое убийство египетским солдатом семи израильских туристов, среди которых были женщины и дети. Примечательно, что солдат оказался студентом и после того, как приговоренный к пожизненному заключению, он покончил жизнь самоубийством, в стране начались демонстрации протеста, а убийца был возведен в ранг национального героя.

И все же оживление мира с Египтом остается ключевым вопросом для Израиля. Разумеется, этот мир не может быть ничем иным, как переходным моментом. Но переход к чему? К какому состоянию в отношениях с арабами? Если этот мир, добытый такими усилиями, потухнет — а такая возможность вовсе не исключена — то вся проблема ближневосточного урегулирования будет отброшена на многие годы.

От египетско-израильских отношений я бы хотел перейти к палестинской проблеме, которая и по сей день является для Израиля одной из наиболее тяжелых и трудно разрешимых проблем. Начнем с того, что после трехлетней изнурительной войны в Ливане страна наконец свободно вздохнула, отозвала войска на родину, сократила тяжкое бремя военных расходов. Но все вопросы, приведшие к войне, так и остались неразрешенными. Север продолжает оставаться под угрозой террористических обстрелов и нападений с территории Ливана (именно это заставляет Израиль удерживать под своим

контролем узкую полосу безопасности).

Мусульманский фундаментализм, правда, пока заперт в Иране и сдерживается военными действиями с Ираком. Но его смертоносные бациллы проникают почти во все мусульманские страны. Сирия непрерывно укрепляет свой военный потенциал с помощью Советского Союза и остается очагом будущего конфликта, когда Дамаск сочтет себя готовым к военным действиям против Израиля. Позиция Иордании продолжает оставаться двусмысленной. Тем более это относится к Организации Освобождения Палестины, которая преднамеренно говорит в два голоса: за мир и за войну одновременно.

Все это важно понять, ибо опасность, подстерегающая Израиль, — это не только война, но и мнимый мир. Чтобы было ясно, о чем идет речь, достаточно привести высказывание одного из лидеров ООП, опубликованное в арабской газете "Ал-Айба": "Палестина — родина арабов, — сказал он, — и невозможно, чтобы суверенитет оказался в руках не арабов, точнее — не палестинцев. Отсюда — идея полного освобождения, названная Арафатом великой мечтой, — создание палестинского государства на всей земле Палестины. Это цель может быть достигнута при посредстве "системы этапов": на первом этапе ты берешь то, что возможно, но продолжаешь бороться за достижение конечной цели — демократическое государство на всей палестинской земле". Вот это и есть тот мнимый мир, который никого не должен ввести в заблуждение. Но стремясь к действительному урегулированию, Израиль должен направить свое судно по верному курсу, провести его между "Сциллой войны" и "Харибдой мнимого мира". Задача эта не из легких, но, слава Богу, на свете существуют не только бесплодные мечтания, но и реальная действительность, реальное соотношение сил. Именно оно и толкает арабский мир на признание Израиля как реально существующего исторического фактора, который не удалось опрокинуть никакими войнами.

Однако примирение с действительностью, которое происходит в арабском мире, — это длительный процесс, сопровождаемый надеждами и разочарованиями, подъемами и спадами.

Какой период мы переживаем сейчас, трудно сказать. Но даже если войны, пережитые Израилем, и доказали арабским странам его право на существование, мир не придет автоматически, сам собой. В обоих лагерях — и в еврейском, и арабском — должна созреть воля к миру. Поражений арабов во всех предыдущих войнах было достаточно, чтобы умерить их пыл, но не достаточно для их готовности к компромиссному миру.

Диалектика истории чрезвычайно сложна. Да, концепция силы в арабском мире по отношению к Израилю обанкротилась, но не сошла с ближневосточной арены. Парадокс в том, что эта концепция, по иронии судьбы, как бы перекочевала в противоположный лагерь, то есть в лагерь Израиля.

Разочаровываясь с каждой войной — все больше и больше — в реальности мира, Израиль начал видеть в силе не только средство самозащиты, но и единственный фактор, с помощью которого можно разрубить гордиев узел и силой навязать арабам израильский мир. Хотя на самом деле, это опять же не более чем мечта — и лучшим подтверждением этому — была Ливанская война, которая принесла столько потерь, но так и не дала возможности навязать Ливану мир. Однако опыт прошлого, как известно, мало чему учит: многие, слишком многие в Израиле, понимают мир как договоренность по-израильски, на условиях, выдвигаемых Израилем, то есть на основе территориального статус кво, сложившегося после 1967 года. В частности, сошлемся на одного из виднейших израильских философов, хорошо знакомого читателям журнала "Время и мы", Исраэля Эльдада. Вот что он писал в своей статье "Наш праотец Авраам в ООН", опубликованной в газете "Гарэц", в ответ на речь короля Хусейна, предложившего мир в обмен на уход Израиля с оккупированных территорий: "Ответ должен быть один: переговоры на основе территориального статус кво, как он сложился в результате агрессивной войны (Иордании) против нас (в 1967 году)". Как видите: пусть сгинет реальность, да живет мечта!

В другой своей статье "Доверие без веры" Эльдад вспоминает раздел Палестины на два государства — еврейское и араб-

ское в 1947—48 году и утверждает, что, если на первый раздел Израиль еще мог дать согласие, то о втором не может быть и речи. Почему же? Оказывается, основным аргументом выступает сила. "Главное в том, — пишет Эльдад, — что территории, в отношении которых мы дали согласие оставить их для арабского государства (во время первого раздела — прим. автора), не были в наших руках". Можно ли поступиться территориями, принадлежащими Эрец Исраэлю, сегодня? — Во-первых то, что завоеванные Израилем территории заселены арабами, требующими национального суверенитета, — что с ними делать? Превратить Израиль в машину их подавления? Или превратить еврейское государство в двунациональное еврейско-арабское государство? Во-вторых, ведь территории, которые находятся в руках Израиля, удерживаются силой и только силой. Иными словами, их удержание — это продолжение войны. И наконец третий вопрос: как можно представить себе мир между евреями и арабами без компромисса между ними. У Эльдада на все один ответ: нужна "вера в наши силы и в нашу правду"! Что можно сказать на это? Вера действительно, вещь хорошая и нужная — но только при одном условии: если она не противостоит действительности и объективным тенденциям ее развития. Иначе она превращается в пустую мечту.

Когда-то, после войны 1967 года, писатель Х.Газав в своем "Суде избавления" писал: "... Раньше мы боролись с Богом, потом мы боролись со всем миром, теперь настал час борьбы с самими собой".

Народ Израиля выстоял в многовековой борьбе с христианством — выстоит ли он в борьбе с самим собой? Обретя собственное государство, еврейский народ превратился в народ, как все народы. Но его национальное бытие, его история сделали его народом особым, не как все. Нелегкая эта задача — быть одновременно народом, как все, и народом особым.

Нет сомнения, что Израиль переживает трудную, может быть, самую трудную полосу в своем развитии. Героическая эпопея освободительной борьбы уже позади. Наступили серые будни, хмурые дни трудной работы и тяжелых сомнений,

"второй день" национальной революции. Страна переживает большие экономические трудности, ведь четверть, а то и треть государственного бюджета уходит на национальную оборону, около трети — на уплату долгов. Что же остается? А между тем, Израиль задуман как государство высокого социального обеспечения и благосостояния, как страна бесплатного образования, здравоохранения, неустанной заботы о стариках и инвалидах войны — все это требует больших средств. Сегодня Израиль переживает и духовный кризис. Былые идеалы поблекли. Молодые израильтяне все чаще ищут счастья за океаном. Принципы единственного на Ближнем Востоке демократического государства подвергаются опасности со стороны крайних религиозно-националистических групп. К тому же многолетняя оккупация и необходимость подавления арабского сопротивления разъедает моральные ценности страны.

Вот что писала в новогоднем номере газеты "Давар" ее главный редактор Хана Зэмер. Вначале она отмечает положительные явления в жизни сегодняшнего Израиля: быстро развивающееся сельское хозяйство, интенсивный рост научных исследований, все более эффективная помощь странам "третьего мира" (по просьбе Китая Израиль планирует создание там образцовой фермы на большом участке земли), в глобальном балансе сил Израиль неизменно занимает свое место — все это так. Но вместе с тем Хана Зэмер пишет, что у порога страны — страшные опасности деградации духовных ценностей, морального падения, общественного заката. Мы являемся свидетелями, продолжает она, расцвета национализма и его торжества над национальным сознанием, постоянного ущемления равенства, расцвета "южно-африканских нравов", углубления внутренней вражды среди искусственного единства нации.

Раздвоение национальной воли — это подлинно национальное бедствие, и излечить его может только время. Пока же еврейское государство переживает уникальный опыт: единое правительство при расколе страны и общества. Как шутят в стране: два медведя в одной берлоге.

Международные перспективы Израиля в этом году, может быть, даже улучшились. Советский Союз и возглавляемое им "социалистическое содружество наций", стремясь всеми силами вернуться к детанту с Америкой, должны будут, в конце концов, восстановить дипломатические отношения с Израилем. Если это произойдет, то наступит конец изоляции Израиля в ООН. Впрочем, только время покажет — будет ли это способствовать приближению мира и подлинному урегулированию на Ближнем Востоке.

В борьбе и испытаниях, которые ждут Израиль, ему необходимо проявить большую выдержку и твердость духа. И еще добрую волю к заключению мира. Притом мира со вчерашним врагом, пытавшимся уничтожить еврейское государство. Это огромной трудности политическая и психологическая задача. Врага, который не сдается, надо уничтожить. Возможно, что этот печальной памяти девиз Горького должен быть самым основательным образом перефразирован в Израиле. Врага, которого невозможно уничтожить, следует превратить в союзника. Похоже, что другого выхода у Израиля просто нет.

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

ДЖОН БАРРОН "КГБ СЕГОДНЯ"

Большинство наших читателей знакомо с именем Джона Баррона — автора нашумевшей книги "КГБ", переведенной на многие языки мира, в том числе и на русский.

Книга "КГБ сегодня" — новейшее исследование того же автора, рассказывающее о самых зловещих сторонах и тайных пружинах деятельности советской секретной полиции в наши дни.

На примерах подрывной деятельности КГБ в Соединенных Штатах и Японии Джои Баррон рисует широкую картину политического бандитизма, инспирируемого Москвой во всех странах мира.

В книге подробно раскрывается механизм деятельности КГБ. Джон Баррон рассказывает о том,

КАК ДЕЙСТВУЕТ КГБ СЕГОДНЯ И В СССР, И, В ОСОБЕННОСТИ, ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ,

КАК ГОТОВЯТСЯ КАДРЫ БУДУЩИХ РАЗВЕДЧИКОВ И ВЕРБУЕТСЯ АГЕНТУРА НА ЗАПАДЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ИЗ СРЕДЫ САМЫХ КРУПНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ,

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ КРАЖА ПЕРЕДОВОЙ ЗАПАДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ,

КАК КГБ ВЛИЯЕТ СЕГОДНЯ НА ВНЕШНЮЮ И ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И О МНОГОМ ДРУГОМ.

Книга написана в форме захватывающего детектива. В то же время она является важнейшим обличающим документом нашего века.

Объем книги — 432 страницы. Цена — 22 доллара.

Заказы и чеки высылайте по адресу:

Time and We
475 Fifth ave, suite 511-A
New York, New York
10017

Джон ГЛЭД

БЕСЕДЫ В ИЗГНАНИИ

Вот уже несколько лет как я "затаскиваю" русских писателей-эмигрантов в видеостудию Мэрилендского университета, где я преподаю, и "записываю" их для будущей России, которая, я надеюсь, когда-нибудь оценит своих отверженных и оскорбленных сынов.

Во время Второй мировой войны многие немецкие писатели находили убежище в Америке. Томас Манн даже стал американским гражданином. Пусть сегодняшняя Америка сослужит ту же службу и России. А американские слависты, так часто ругаемые российскими эмигрантами (и иной раз вполне справедливо), может быть, внесут свой вклад в прервавшуюся было традицию русской литературы.

На этот раз вниманию читателей предлагаются два интервью: одно — с Андреем Синявским и Марией Розановой, и другое — с Владимиром Максимовым. Я не случайно попросил редактора журнала "Время и мы" поместить эти два интервью рядом. Как увидит сам читатель, перед нами два противоборствующих лагеря, и свою цель я видел в том, чтобы дать возможность обеим сторонам высказать свою точку зрения без каких-либо ограничений.

Разные редакторы соглашались печатать "своих" писателей, но только Виктор Перельман выразил готовность открыть журнальные страницы для такого "плюралистического" подхода.

Как и следовало ожидать, дело не обошлось без перехлестов, но, мне кажется, это лишь издержки свободной полемики, плата за тот самый плюрализм, без которого свобода мало что стоит.

Эти два интервью, вместе с пятнадцатью другими, переводятся теперь на английский язык Ричардом Робинсом, ассистент-профессором университета им. Джорджа Вашингтона. В недалеком будущем мы надеемся издать их отдельной книгой под названием "Беседы в изгнании: мозаика эмигрантской русской литературы".

АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ — ЭТО АНТИКУЛЬТУРА

Интервью профессора Джона Глэда с писателем Андреем Синявским и редактором журнала "Синтаксис" Марией Розановой

1. НА ВОПРОСЫ ДЖОНА ГЛЭДА ОТВЕЧАЕТ АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ.

Д.Г. У меня к вам так много вопросов, Андрей Донатович, что я не знаю, с чего начать. Но возьмем такой вопрос: как вы оцениваете современную русскую литературу?

А.С. В общем, хорошо. Просто, понимаете, я как бы танцую от собственной печки. Как всякий человек. А такой печкой для меня была сталинская эпоха, когда казалось, что литература навсегда погибла. А вот, все-таки, оказалось, что она не погибла, а продолжает развиваться. Конечно, в очень стесненных обстоятельствах, но все-таки дает интересные и разнообразные результаты.

Д.Г. Ну, скажем, если сравнить с западно-европейской литературой?

А.С. Думаю, что западно-европейская литература где-то разнообразней по формам по сравнению с нашей литерату-

рой. Но мне кажется, что русские внесли несколько очень важных тем и поворотов. В частности, тему лагеря. Иногда кажется, что лагерь — это бесконечные страдания, бесконечные повторения, но это ведь особый мир, как бы микрокосм. Он поворачивается в разных аспектах. И если мы возьмем Шаламова, Солженицына и, скажем, Евгению Гинзбург, то тут мы находим интереснейшие свидетельства. Причем, не в плане этнографическом, а в каком-то общечеловеческом смысле.

Д.Г. А, скажем, сравнить теперешнюю русскую литературу с русской литературой начала XX века.

А.С. Начало XX века — это был, вообще, расцвет русской литературы, мой самый любимый период. А потом произошло то, что в течение, наверное, 30-40 лет вот эти мосты между современной литературой и литературой той эпохи были оборваны. Для себя как раз я и считаю одной из главных задач жизни — навести эти мосты.

Д.Г. Когда приезжают новые люди из Советского Союза — писатели, литературоведы — они, как правило, очень плохо осведомлены об эмигрантской литературе. Я имею ввиду период между двумя мировыми войнами.

А.С. Это понятно. Эмигрантская литература стала попадать сравнительно недавно в Россию. Про нее, вообще, долгое время ничего не знали. Или иногда только слышали имена — Набоков, Бунин. Но не читали. Это вот сейчас происходит такое знакомство — с эмигрантской литературой. Тут очень много аспектов. А с другой стороны: вот я увидел старую эмиграцию — и мне показалось, что она невероятно отстала от начала XX века в эстетическом смысле и ушла куда-то в прошлое столетие. Иногда приходят старые эмигранты на мои лекции. И сплошь и рядом они просто ничего не понимают. В особенности, когда речь идет о поэзии. Им даже Блок непонятен, труден. Французским студентам гораздо легче.

Д.Г. Чем выходцам из России?

А.С. Для них все это странно. Они как бы живут в досимблистскую эпоху. А уж я не беру более поздние явления —

Маяковский, Хлебников, Пастернак. Для них это вообще темный лес.

Д.Г. Я думаю, что классическая традиция русской литературы XIX века очень сильна и теперь в эмиграции: Солженицын, Максимов...

А.С. Да, конечно. Но, если говорить о традициях, я бы хотел сказать, конечно, очень утрируя, что XIX век можно представить в виде двух что ли направлений. Даже в пределах того же реализма. Возьмем одну только прозу, для простоты. Условно говоря, с одной стороны, сугубо реалистическая проза, идущая по линии: Тургенев, Лев Толстой, Чехов. Эта традиция оказалась сильнее даже в наши дни. А другая традиция, мне лично более близкая, которой я даю условное название утрированная проза, — это Гоголь, Достоевский, Лесков. Эта традиция затем подхватывается модернистской литературой начала XX века /назовем тут хотя бы Андрея Белого/ и дает интересный поворот в начале 20-х годов, но затем обрывается начисто.

Русской поэзии больше повезло в XX веке. Поэзия развивается раньше, и она успела дать замечательные плоды. Русская поэзия XX века — это во всемирной истории один из каких-то оазисов культуры.

В прозе мы тоже имеем писателей замечательных, которых я очень люблю, скажем, Бабель, Зощенко, Замятин, Булгаков. Но этой традиции не дали развиваться дальше. В общем, утрированная проза кончилась в сталинскую эпоху. Я лично чувствую себя связанным с этой традицией, с этой ниточкой.

Д.Г. Славянофилы и западники, Солженицын и Синявский... Как теперь обстоят дела на этом фронте?

А.С. Эту тему я бы ставил так — Солженицын и русский национализм — а не просто оппозиция двух фигур. На сегодняшний день Солженицын — это знамя русского национализма, причем русского национализма разных что ли оттенков. Есть националисты более умеренные, чем Солженицын, есть более крайние, а есть такие, которые критикуют Солженицына за излишний либерализм и демократизм. Но тем не менее русский национализм сейчас представляется явлением

очень серьезным, очень интересным. Вспышка эта неожиданная, и поэтому — столько здесь поворотов и аспектов и столько журналов и направлений. И вот тут много чего можно сказать. Например, Солженицын в послании к американскому президенту вдруг выдвигает опасность русофобии, то есть ненависти к России.

Д.Г. Вас некоторые причисляют к этой категории — русофобов.

А.С. Да, конечно. Я заведомо там. Он меня где-то даже назвал — "печально известный ненавистник России — Синявский".

Д.Г. Это Солженицын сказал?

А.С. Да, да, Солженицын. И к этим, в его представлении, ненавистникам России относятся и американская общественность, и какие-то финансовые круги Америки, и даже какие-то генералы, которые мечтают истребить "избирательно русский народ". Причем, как бы безотносительно к опасности коммунизма, а просто ненавядя Россию. Ну и, конечно, диссиденты сюда входят. Очень многие попадают сюда — советская интеллигенция, евреи и я в том числе в этой большой и теплой компании русофобов.

Солженицын очень остро вводит понятие врага. Появился какой-то враг, в значительной мере мифический, но как бы окружающий Россию. С одной стороны, коммунисты /они же тоже, по трактовке Солженицына, русофобы/, с другой стороны, вот и американцы — русофобы, и жидаы — русофобы, и интеллигенты — русофобы, и Запад тоже какой-то русофобский. Это, на мой взгляд, — новая проекция идеи капиталистического окружения. И это очень опасно, потому что где-то это пересекается с официальной пропагандой: русскому народу и без того уже достаточно внушали, что он окружен врагами. Кругом враги. Американцы — это враги. Там был Советский Союз, коммунизм в окружении врагов, а здесь Россия, русский народ в окружении врагов. Это все примеры из журналов и выступлений тех русских националистов, которые идут за Солженицыным, но более твердой, военной поступью.

Д. Г. Например?

А.С. Ну, журнал "Вече", где, например, встречаются идеи, иногда национал-социалистические, а с другой стороны, какой-нибудь Шиманов, который критикует Солженицына справа и считает его слишком демократичным. Он полагает, что всемирное спасение настанет, когда советская власть, сохранив весь свой аппарат насилия и несвободы, сменит идеологию, заменит марксизм православием. И тогда начнется православное завоевание мира. Солженицына он критикует за то, что тот дает слишком много свободы тем нациям внутри Российской империи, которые хотели бы отделиться. Шиманов говорит уже о том, что Российская империя целиком на современном этапе — это некое мистическое тело, "малое человечество", как он выражается, во главе с русским народом, — это прообраз будущего всемирного человечества.

Начинается барабанный патриотический бой. Появляются вот эти мифические враги, с которыми в сражение вступает активное антизападничество. Но антизападничество в современных условиях для России — это значит антикультура.

Д. Г. А куда вы Максимова относите в этой системе?

А.С. Знаете, в отличие от Солженицына, у него нет четкой программы. Он, конечно, по складу ближе к этому националистическому, авторитарному что ли направлению. Но он может менять взгляды в зависимости от конъюнктуры. Максимов — фигура другого совершенно направления. Александр Исаевич Солженицын — это теоретик, это идеолог, это писатель определенного направления, с идеями, которым он не изменит. А Максимов, я бы сказал, — организатор, которому важно подчинение. Поэтому Максимов, извините за резкое слово, для меня организатор некой как бы мафии, построенной на деньгах, на угрозах и одновременно, казалось бы, на хорошем чувстве — на желании, чтоб все русские сплотились вокруг какой-то фигуры. И поэтому Максимов выражается чуть ли не матерно в своих произведениях, подкупает, перекупает. Но споры с Максимовым — это скорее споры местного значения, а не широкого исторического плана, как это получается с Солженицыным.

Д.Г. А если оставить в сторону политические взгляды, что вы скажете о нем как о художнике?

А.С. Я очень люблю "Один день Ивана Денисовича". На мой взгляд, это самое совершенное произведение Солженицына. Может быть, даже в какой-то мере в этом известная беда Солженицына, что он начал с максимальной точки своего развития как бы. То есть лучшая вещь оказалась первой. Я также ценю, конечно, и не только в художественном плане, — "Архипелаг Гулаг".

Д.Г. А "Раковый корпус", "В круге первом"?

А.С. "В круге первом", мне кажется, — слабое произведение. Но тут, может быть, я не объективен, потому что это направление мне порою скучно. Это чисто бытописательская, реалистическая манера. А в крупных его, позднейших вещах, например, в "Августе 14-го" — эта старомодно-реалистическая традиция переплетается с навязчивой тенденциозностью, попыткой переоценить и пересмотреть историю. Поэтому возникают натяжки, что особенно бросается в глаза на фоне правдоподобно-реалистической структуры повествования. Он считает предреволюционную Россию, поскольку она патриархальная, прекрасной идиллией, а в то же время он видит, что Россия катится в пропасть. И тут и начинаются какие-то неувязки. "Август" мне не нравится, за исключением, может быть, одной сцены — самоубийства Самсонова. "Раковый корпус" — хороший роман.

У меня нет никаких особых противопоставлений, то есть я понимаю, что можно работать в такой манере, а можно в другой. Я, в принципе, не противник традиционного реализма — пускай будет и пускай развивается, дай Бог ему здоровья. Лично я к нему просто не принадлежу, я к нему холоден.

Д.Г. В своих воспоминаниях Набоков пишет, что в 20-е — 30-е годы он и другие эмигранты пользовались всякими бытовыми приборами западных европейцев, но они жили, в основном, обособленно от них. Они вели свою отдельную жизнь. Вот вы уже сколько лет во Франции?

А.С. Уже двенадцать лет.

Д.Г. Вы по-французски не говорите, кажется?

А.С. Не говорю.

Д.Г. Так что это к вам тоже относится? Это продолжающаяся традиция?

А.С. Думаю, что отчасти продолжающаяся с той только разницей, насколько я понимаю, что первая эмиграция жила каким-то своим землячеством, своей общиной. В современном Париже тоже есть своя община, даже, как мы острим, свой "парижский обком партии". Но лично я нахожусь в стороне и веду жизнь довольно одинокую. Просто уединенная жизнь дает больше свободного времени для работы.

Другое дело, что мы с женой, все-таки, уже люди старые, и наши задачи прежде всего сосредоточены в рамках русской культуры. Мы завели собственную типографию в нашем же доме. И печатаем русские книги и делаем русский журнал, и здесь настолько много работы, что входить слишком глубоко во французский быт мы просто не можем. Мы очень любим ездить и впитывать какие-то элементы, токи, что ли, западной культуры, и не культуры только, а я бы даже сказал, западной географии. Есть ощущение большого простора и, конечно, есть желание приобщиться ко всему этому. Другое дело, ограничены возможности. Но тем не менее, если бы вдруг возникла возможность вернуться в Россию и там жить нормально и печататься, где угодно, — в России или на Западе, но поставили бы условие никогда не выезжать на Запад, я не знаю, согласился ли бы я на это. А если бы согласился, то испытывал бы, наверное, ностальгию по Западу большую, чем сейчас по России.

Д.Г. Значит для вас эмиграция — это, как кто-то сказал, быть "не в изгнании, а в послании" в какой-то степени.

А.С. Я думаю, что это слишком высокопарно сказано. Опять начинаются несбыточные надежды и мечты, что вот мы вернемся и так далее... Для меня эмиграция — это возможность работать в том направлении, как я хотел бы, но в других условиях.

Д. Г. Эмиграция — это свобода.

А.С. Это свобода. Это та площадка, на которую я приземлился. Моя жена Мария тяжелее переживала и переживает разрыв с Россией. Может быть, это мое отношение связано

с тем, что я был в лагере. И не потому, что я, скажем, стал хуже относиться к России в результате лагеря. Но я почувствовал, что человека и, в частности, меня как писателя могут схватить за шиворот и посадить в лагерь, потом выгнать из лагеря и привезти в Москву, а могут отправить в ссылку или "пересадить" на Запад. В лагере каждую свободную минуту я старался, сидя на койке, что-то писать. И сейчас в лучших условиях продолжаю это делать. Условия меняются, но принцип остается.

Д.Г. Быть критиком не мешает вам быть художественным писателем?

А.С. Мне кажется, не мешает. Кроме того, понимаете, у меня уже давно произошло и до сих пор продолжается, я бы сказал, такое устойчивое раздвоение личности. На двух персон — на Андрея Синявского и Абрама Терца.

Д.Г. Синявский — критик, Терц — художник?

А.С. Ну, Синявский, во-первых, — человек, Синявский — критик, Синявский — профессор, лекции читает, выступает обычно Синявский. А Терц — исключительно художник, причем, конечно, они где-то совмещаются, но вместе с тем это фигуры совсем разные и даже психически и физически не очень похожие друг на друга. Синявский — это человек, в общем, академичный, сравнительно скромный, такого созерцательного типа человек, добросовестный, наверное, скучноватый, в общем — ординарный. А Абрам Терц — это нахал, наглец, это вор. Отсюда, кстати, и имя Абрама Терца — бандит. Он даже и физически не похож на Синявского. Абрам Терц не носит бороды, может быть, только маленькие усики, кепку, надвинутую на глаза, руки в брюки, нож в кармане обязательно. И чуть что — стремится выхватить нож и воткнуть в бок. Такой мой темный двойник, и, конечно, для меня главное — Абрам Терц.

Д.Г. Главное? Так что Абрам Терц — это чревоушатель, а Синявский — это...

А.С. Синявский — это приспособление для Абрама Терца, понимаете? Приспособление такое вот человеческое, для существования полумифического, фантастического персонажа

Абрама Терца. Абрам Терц — это, конечно, литературная маска, выражающая очень важную сторону моего я. Синявский может, в принципе, на любую академическую тему написать работу, а Абрам Терц всегда ищет запретные темы. Если бы мне как писателю предложили: просто опишите жизнь, расскажите какую-то правдивую историю в реалистическом духе, я бы отказался. Писательство всегда для меня связано с нарушением запретов и сюжетных, и стилистических. И стиль художника для меня не стиль обычный, человеческо-разговорной или литературной речи.

Д.Г. Опишите арест и лагерь.

А.С. Арест, хотя к нему мы готовились (в данном случае я имею в виду мою жену — она была в курсе всех дел и понимала, что меня арестуют, и шла на это)... Мы понимали, что меня рано или поздно схватят, только старались оттянуть этот неприятный момент. Тем не менее арест произошел очень неожиданно. Меня арестовали на улице, среди бела дня. Я шел на лекцию в студию МХАТа, где преподавал тогда как почасовик. Сзади раздался голос: "Андрей Донатович?" Такой вопросительный. Я оглянулся, никого не увидел, стал дальше поворачиваться... ну и тут — настолько ловко они умеют — одним движением я был запихнут в машину, которая уже стояла распахнутой. Так что никто на улице — хотя это был людный полдень и кругом толпа народу — никто даже не заметил, что арестовали человека. Ну а потом сразу Лубянка, допросы...

Д.Г. Как в песне Галича о Хармсе.

А.С. Да, он ушел за табаком, а я шел на лекцию, и меня взяли. Сначала были всякие наводящие, а дальше уже прямые вопросы. Несколько дней я пытался отпираться, что я Абрам Терц. Но у них картина была почти полностью ясна, а кроме того, я попал в такую логическую ловушку: вот такие у нас факты, воля ваша, не соглашайтесь, что вы Абрам Терц, но значит вы этого боитесь, а если боитесь, значит, считаете это опасным преступлением. Вот так медленно-медленно подводили...

Тогда, собственно, я понял, что смешно отрицать факты.

Факты у них в руках. И я занял позицию, которую потом до конца сохранил и на суде. То есть я признал факты, но не признал виновность. Конечно, был долгий нажим, чтобы я признал себя виновным. Для них это очень важно. Человек, признавший себя виновным, как бы выбывает из игры, тем более, если он еще и раскаялся. Ему дают, конечно, меньший срок, сейчас даже освобождают таких людей. Им это выгодно. Если бы я, предположим, признал себя виновным, значит, я бы покончил самоубийством в метафорическом смысле, то есть я бы убил Абрама Терца.

Д.Г. Ну, иные каялись. Отец Дудко, например...

А.С. Отец Дудко — это отдельная и большая тема. Он, по видимому, не рассчитал свои силы и взял слишком высокую ноту пророка. Я думаю, что он сделал недопустимую вещь с точки зрения христианской, когда перед арестом, понимая, что его могут арестовать, провозгласил, что он и подобные ему идут на Голгофу. Но, все-таки, на Голгофу всходил Христос, и даже, когда хотели распять апостола Петра, Петр попросил, чтобы его распяли вниз головой и вверх ногами, чтобы не уподобляться Христу. А тут священник отец Дмитрий Дудко как бы возомнил себя... А дальше, видимо, не выдержал.

Кроме того, я думаю, что здесь тоже виновен русский национализм. Ведь если внимательно следить за выступлением Дудко по телевизору (как это было в печати), там это не просто все написано под диктовку гебистов. Кое-что под диктовку, а где-то есть и его собственные фразы. В частности, он говорит: "И вот я понял, что все равно они нас (они — это Запад) ненавидят, и нужно нам самим здесь все решать. Запад чужой нам, и зря я апеллировал к Западу..." То есть на почве национализма начинается некий компромисс русского священника-националиста с властью. Недавно он так восхищался Глазуновым и пел ему дифирамбы как величайшему художнику мира.

Ну, у каждого по-разному. Ведь там они оказывают большее давление, конечно, не физическое, а психологическое, чтобы люди признали себя виновными. Например, срок зависит — либо на полную катушку, либо маленький срок.

Мне очень много угрожали, что арестуют мою жену, а сын пойдет в детский дом (когда меня арестовали, моему сыну Егору было восемь месяцев) и тоже погибнет... Вот, решайте, что вам дороже.

Но мне уже было сорок лет, — как раз на Лубянке исполнилось сорок — я все-таки попал в тюрьму уже зрелым человеком. Десять лет я этим занимался. Я знал, чем я рискую. Смешно было отступить. И кроме того я всегда думал, что в этой ситуации важно вести себя естественно. Понимаете, для меня было бы неестественным признать за искусством какую-то вину, тем более, что это был первый такой политический публичный процесс послесталинской поры. У меня в сознании сидели все эти процессы, начиная с 30-х годов — все эти публичные процессы и публичные покаяния, и все это я дико ненавидел. Смешно было бы, если бы я начал каяться. Это было бы неестественно.

Д. Г. А в лагере как было?

А.С. А вот в лагере было уже хорошо, хотя физически и тяжело... Я был только на тяжелых работах. Грузил и вытаскивал опилки — очень неприятная работа, потому что все время в опилках, забивает дыхание. Сколачивал ящики. А больше всего работал грузчиком, простым рабочим. Конечно, и психически тоже было тяжело — семья, жена, маленький ребенок. И кроме того, одновременно и на себе ставишь крест. Ясно, что ты никогда не вернешься к своей работе. Ты как писатель кончен. Твое имя в грязи, вывернуто, причем, советские газеты без конца льют грязь, что ты и подонок империализма, и новый Смердяков, и прочее, и прочее.

А хорошо было другое — это интересный и разнообразный мир, в который я попал, среди зеков. Сказка — мой любимый жанр, тем более когда она на реальной подкладке, а не просто романтические мечты и вымыслы. В лагере я встретил как бы свою реальность, понимаете, фантастическую реальность, которую я раньше придумывал. А тут она оказалась под боком. И даже в познавательном отношении — это мир интереснейший, потому что я свою страну больше узнал в лагере, чем за все предшествующие годы, хотя мы с женой много ездили по всяким глухим русским местам. И

отношение со стороны эзков ко мне, за редчайшим исключением, было очень хорошее, потому что меня очень ругала пресса.

Д.Г. А лагерь для вас имел значение как для писателя?

А.С. На взгляды мои он уже не влиял, все-таки я попал туда уже сложившимся человеком. Влиял в смысле расширения жизненного материала. Лагерь для меня, если говорить высоким слогом, — это такая невероятная встреча с собственным народом. Причем, с народом, взятым в какой-то густоте всего самого лучшего и самого худшего. Поэтому я вдруг почувствовал себя в стихии собственного народа как одно из проявлений этой народной стихии. Тут Абрам Терц неожиданно обрел свою родную — преступную, блатную почву под ногами.

2. НА ВОПРОСЫ ДЖОНА ГЛЭДА ОТВЕЧАЮТ АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ И МАРИЯ РОЗАНОВА.

Д.Г. Почему, Андрей Донатович, ваши религиозные взгляды занимают такое скромное место в ваших произведениях? И как они вяжутся с откровенными описаниями секса?

А.С. Видите ли, я не считаю себя религиозным писателем. Думаю, что религиозные взгляды и переживания человека — это, главным образом, как бы его частное, интимное дело. Я не сторонник слияния этой интимной религиозности с общественной жизнью и деятельностью и тем более с политической деятельностью. Поэтому я, скажем, противник теократического государства, горячий противник. Религиозные мотивы, если и вторгаются в мои сочинения, то в умеренном виде. Я думаю, что вообще лучше о Боге поменьше говорить и побольше молчать.

Теперь о сексе. С сексом это как раз довольно хорошо вяжется, ведь секс очень часто у меня выступает с целью подчеркнуть какую-то неполноценность этой сферы. Греховность что ли, комизм этой сферы. У меня же нет таких эротических описаний, которые возбуждали бы соответствующие эротические эмоции, настроения. Наоборот, это очень резкое стилистическое снижение: сразу возникает гротеск, секс в виде гротеска. Я думаю, что для средневековой, допустим, литературы такое отношение к сексу больше даже подходило бы, чем просто умолчание о сексе.

М.Р. Я не совсем поняла, где вы увидели "откровенные описания секса".

Д.Г. Виноват, не описания секса, а просто мысли о сексе. Скажем, "Мысли врасплох".

А.С. Да, как раз в "Мыслях врасплох" это подается сниженно, предельно сниженно.

М.Р. Я бы сказала, что это слегка кантовский подход к сексу. Знаете, его определение секса как кучи бессмысленных, беспорядочных движений.

Д.Г. Как вы, Андрей Донатович, развиваетесь как писатель и как критик? Есть тут какие-нибудь определенные стадии?

А.С. Как критик я скорее развиваюсь в сторону академизма. Скажем, книга о Розанове. И мне, в принципе, хотелось бы еще написать несколько таких книг, именно по тем кускам русской культуры, которые мало исследованы или про которые я могу сказать какое-то новое слово. И у меня даже в этом плане есть всякого рода заготовки. И протопоп Аввакум, и русская народная вера, и Тынянов тут, и Заболоцкий... И о Бабеле мне хотелось бы книгу написать. Много таких...

Ну, а как писатель я совсем в другую сторону развиваюсь. Это продолжение терцевского направления, то есть это смесь реализма и фантастики, в общем, это опять-таки переступание каких-то запретных или рискованных тем, это та же игра на снижениях, на резких снижениях, на гротеске. Я бы сказал, что стилистически я развиваюсь несколько в сторону литературного барокко. Это чувствуется уже в моей книге "В тени Гоголя", где иногда идет длинная, сложно закрученная фраза на целые периоды, катящиеся друг за другом. Я даже визуально воспринимаю это, поскольку, возможно, вот под влиянием Марии, для меня очень важно стало изобразительное искусство. Живопись, архитектура — это близкие мне формы, поэтому даже формы литературного стиля я вижу порою зрительно, воспринимаю их зрительно.

Д.Г. Мария Васильевна, вот мы с вами вчера говорили о цензуре в эмиграции.

М.Р. Ну, это мысли горькие и отвратительные. Пока тут у вас устанавливали аппаратуру, меняли пленку, у нас произошла легкая производственная полемика. Я сказала Синявскому, что он скучный. А я, так сказать, я — его Абрам Терц, потому что позволяю себе вот такой семейный бандитизм и доведение каких-то идей, которые у Синявского обтекаемы и вежливы до их неприятного конца.

Дело в том, что эмиграция меня очень многому научила. Это тяжелый опыт, но невероятно полезный. Только в эмиграции, вероятно, я по-настоящему поняла, что такое моя родная страна, в которой я прожила сорок три года, и считала, что очень хорошо ее знала. Я никогда не понимала так отчетливо, как в эмиграции, что моя страна — это наше общее производство, что это не откуда-то пришедшие, навалившиеся на страну, оккупировавшие ее силы марксизма, социализма, ленинизма, коммунизма и прочих нехороших слов с окончанием на "изм". Нет, это общество, которое построили мы сами. Выехав на Запад, мы — третья эмиграция, построили абсолютно тот же мир, из которого мы уехали, с которым мы когда-то так боролись.

Д.Г. Ну, не абсолютно, все-таки...

М.Р. Единственное — мы не можем создать свою Лубянку, но это только потому, я думаю, что...

А.С. Мы живем в свободной стране.

М.Р. Мы живем в странах, правительства которых нам этого не позволяют. Но, если бы нам это позволили, мы бы это сделали немедленно. Немедленно. К сожалению, Синявский — не юморист, тут нужен талант Войновича. Если бы Войнович написал роман, сюжетом которого был бы солдат Чонкин в эмиграции, — это было бы очень смешное, очень горькое, очень русское произведение. Например, мы установили свои собственные табу...

Д.Г. Например?

М.Р. Ну, есть слова, которые говорить нельзя. Во-первых, нельзя сказать, что русские танки вошли в Прагу. В Прагу русские танки никогда не входили — в Прагу входили только советские танки. К Афганистану русские близко не подходят. Это советские.

Дальше. Мы очень быстро организовали свои культы личности: культ личности Солженицына, культ личности Максимова, культ личности отца Дмитрия Дудко. И дальше начали работать на этот культ точно так же, как работали в России. Например, я знаю совершенно точно и доподлинно, что Владимир Емельянович Максимов очень не любит Александра Исаевича Солженицына. Он его не любит как писателя. Однажды в беседе с нами он назвал его просто графоманом. Он его не любит и как общественного деятеля, как идеолога. Но любое свое выступление, серьезное, он начнет цитатой Солженицына и закончит цитатой Солженицына. Почему? Потому что "так надо". Это канон поведения, который мы вывезли с собой. И по этому канону мы живем. Мы, бедные крошки, выросли в Советском Союзе и поэтому мы иначе себя вести не можем. Но если присмотреться к первой эмиграции, которая советской власти не нюхала, то вы увидите, что пишут они таким же советским слогом и подход у них чисто советский.

Д.Г. Ну, а у кого?

М.Р. Например, абсолютно советский подход был у Глеба Струве. У человека, который никогда в Советском Союзе не жил. Никогда не видел России Никита Струве, но у него абсолютно такой же советский подход.

Д.Г. А в чем эта "советскость" проявляется?

М.Р. Например, книга Войновича о солдате Чонкине очень долго не могла выйти в свет. Несколько лет она здесь лежала. И Никита Струве ее печатать не хотел. Почему? Потому что там искажен образ русского солдата. Как же так! Как может быть русский солдат, русский — на кривых ногах?! И после того, как он все-таки эту книгу напечатал, первое, что он сделал, — решил опубликовать одновременно безграмотную критическую статью Н.Муравиной в журнале "Вестник РСДРП", то есть "Вестник РХД". Простите, это оговорка. Просто настолько партийный подход у этого журнала, причем, советско-партийный, что я его случайно назвала "Вестник РСДРП", То есть, издавши эту книгу, Никита Струве в своем же журнале ее обругал. Причем, чисто советским клише, чисто советскими штампами, с чисто советским

подходом. Понимаете? Значит, беда идет, все-таки, не только из Советского Союза. В недрах нашей русской души что-то происходит не то. Наверно, это очень неприятно — искать врага в себе. Гораздо приятнее — такое вот отчуждение зла... зло где-то со стороны, а мы, так сказать, тут совершенно не причем. Но если мы хотим, чтобы а нашей стране что-то произошло, чтобы она как-то выздоравливала, первое, что надо сделать, — это точно, четко и правильно поставить диагноз. Даже если этот диагноз неприятен.

Представьте себе, что вы больны и посетили двух врачей. Один говорит: "Джон, дорогой, это насморк. Ты прими таблеточки, запей водичкой, отдохни — все будет хорошо". Другой врач говорит: "Джон, это очень серьезно, это начинается рак, шансов на спасение почти никаких, но, если ты сделаешь вот это и это, и это, вот эту операцию и потом вот эту, то, может быть, у тебя двадцать процентов на спасение есть". Какой врач будет вам приятней? Конечно, тот, который вам выписал таблетки и отпустил вас. Но после какого врача вы быстрее сохнете?

Д.Г. В вашей книге "Прогулки с Пушкиным" вы пишете: "Да это же наш Чарли Чаплин, современный Эрзац Петрушка, прифрантившийся и насобачившийся хлять в рифму". Роману Гулю эта книга, мягко говоря, не понравилась. Он написал: "Прогулки хама с Пушкиным". Что Вы скажете об этом?

А.С. Тут, понимаете, такое роковое недоразумение, к сожалению. И советские, кстати, недавно раздолбали "Прогулки с Пушкиным" в газете "Советская культура". Причем, любопытно, в номере от 5 марта, то есть в юбилейном номере — 30 лет со дня смерти Сталина. И там тоже идут эти цитаты, та же идея, что Синявский-Терц ненавидит всю русскую культуру и хотел бы все это уничтожить и тому подобное. Если человек строит жизнь исключительно на отталкивании от какого-то врага, он часто становится зеркалом этого врага. Если эмигранты никак не расширяют своего кругозора дальше прекрасного царского прошлого и дальше ненавистного врага — то вот и получается такой же слепок.

У них отсутствует чувство юмора. Им кажется, что, если

я пишу, к примеру, "на тоненьких эротических ножках Пушкин вбежал в большую литературу", — значит я хочу унижить Пушкина. И даже бывали случаи, когда возникали такие риторические вопросы: а откуда он знает, что у Пушкина были тоненькие ноги? Смысл же книги как раз — хвала Пушкину. Писал я ее в лагере, писал в очень тяжелых условиях. И это, в общем, первая вещь...

Д.Г. Гуль отрицает, что вы писали в лагере.

А.С. Я могу объяснить, почему я писал в лагере. Это было так сказать, завещание. В буквальном или метафорическом смысле слова. "Прогулки с Пушкиным" — это продолжение моего последнего слова на суде, а смысл последнего слова состоял в том, что искусство никому не служит, что искусство независимо, искусство свободно. И Пушкин для меня как раз образец чистого искусства, которое может иногда затрагивать те или иные общественные вещи, но которое самоценно внутри. И лучшего знамени, чем Пушкин, для этой идеи я не видел.

Вместе с тем, конечно, у меня не было задачи написать монографию о Пушкине. Мне нужно было, чтобы это была ярко выраженная терцевская вещь. Нужно было доказать, что Абрам Терц не умер. Поэтому тут и идет фраза "насобачившись хлять в рифму..." Это же терцевский слог, полублатной. И там масса таких вещей. То есть внутренне я прославляю Пушкина, но слогом не почтительного восторга, а как раз порою в непочтительных выражениях, нарочито соединяя слова разных стилистических рядов — пушкинского и чарли-чаплинского. Здешняя же публика, эмигрантская, конечно, любое стилистическое снижение воспринимает впрямую. Там масса игры. Цитирую: "Как сказал еще Ломоносов — Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан — а вот Пушкин нарушил эту традицию". Господи! Мы со школы все знаем в России, что это сказал не Ломоносов, а Некрасов. Тут, конечно, меня уличали: а еще профессор, не знает, что... Но это же сделано нарочно! Просто они оторвались и ничего этого не воспринимают. На основании этой вещи высказывалось предположение, что, либо я ее писал не в

лагере, и, значит, соврал, поставив дату и место описания, либо мне в лагере чекистами специально были созданы такие условия — привезены книги и так далее. Специально — для чего? Для того, чтобы я написал эту "гнусную" книгу? А потом с ней бы приехал на Запад и этим отравил бы русскую культуру? То есть со специальным заданием чекистов я писал эту книгу. До того им, чекистам, ненавистны Пушкин и русская культура!

И, наконец, был третий вариант, что я вообще не сидел в лагере. Вообще не сидел. В качестве аргумента приводятся некоторые ссылки. На "Северную пчелу", например, это журнал 1826 года. И еще несколько таких. И, конечно, за это радостно ухватились Гуль и другие: "Ясно, что человек в лагере номера этого журнала найти не мог". Но дело в том, что каждый, даже не обязательно пушкинист, а просто интеллигентный человек, гуманитарий, филолог в России по этим цитатам очень легко может установить источник, — это книга Вересаева "Пушкин в жизни", где весь жизненный и творческий путь Пушкина освещается при помощи отрывков из высказываний современников, из журналов. Когда я сидел в Лефортове...

Д.Г. Говорят, что в Лефортове очень хорошая библиотека.

А.С. Да, там хорошая библиотека, и там мне как раз попался Вересаев. Я сделал выписки и все их потом использовал. Там я задумал книгу. Мне прислали самый обыкновенный однотомник, плюс выписка из Вересаева, плюс собственная терцевская изобретательность — вот как делалась эта книга.

М.Р. Мне очень приятно, что в самых тяжелых жизненных условиях, условиях лагеря Синявский написал свою самую веселую книжку. И, когда я получала эти кусочки в письмах, было невероятно приятно, что вместо того, чтобы читать о тяготах лагеря, я читаю вот эти брызжащие весельем отрывки. И, в общем, это тоже чисто по-терцевски. Стилистически она идет поперек лагеря. Это такой ход, такое умение не допустить лагерь в себя. Не допустить в себя мрак, не впустить лагерный ужас.

Моя первая встреча с Синявским в лагере в этом смысле тоже очень показательна. Ну вот: мужа посадили, ужас, вообще, следствие, полгода в тюрьме сидит, потом процесс. Я впервые увидела его на процессе... А потом еду я на первое лагерное свидание. Мне уже бывшие зэки рассказали, как плохо кормят, как тяжело работать — все это я знала...

Д.Г. Где это было?

М.Р. Это было в Мордовии, в Потье. Вот еду я в эти мордовские лагеря и готовлюсь к встрече с бедным, несчастным заключенным, изможденным и травмированным. И моя роль — поддержать во время свидания его дух... И вдруг приходит Синявский — бритый, без волос, но при бороде, худой, только первый год — и он уже худой и тощий. А вместо того, чтобы объяснять мне, рассказывать, как ему тяжело, он говорит: "Слушай, Машка, так интересно, так интересно". И начинает рассказывать, какие вокруг интересные люди.

Д.Г. Для кого вы пишете? Ведь не для массового читателя.

А.С. Я бы сказал так, если утрировать это, — я пишу для себя, для нее, я считаю ее моим самым главным читателем. Она, действительно, все читает первой, одобряет или не одобряет.

М.Р. Для нашего сына и собаки Матильды.

А.С. Нет, для сына я уже не пишу. Для сына уже не пишу... И я пишу так вот, в пространство. И время я тоже воспринимаю, как пространство.

Д.Г. Так что особого адресата нет?

А.С. Нет, у меня этого нет. Я уже не помню, Мандельштам, что ли, говорил, что мыслимый читатель — это проекция авторского я. Поэтому, я бы сказал, что пишу для себя и для нескольких людей, разбросанных во времени и пространстве. И поэтому у меня никогда не возникала потребность найти массового читателя. Кстати, когда я пересылал на Запад вещи, то это было не просто желание потрясти Запад или обрести там массового читателя, или раскрыть Западу глаза... Нет, на первом месте у меня было, конечно, сохранить текст. Потому что только путем напечатания его можно

сохранить. А сохраненный он дойдет до каких-то отдельных читателей-друзей. Читателей-друзей не в физическом смысле, а в психологическом. Что же касается эмиграции, то я понимал, что меня ждет порою довольно прохладная встреча. Но все-таки я не думал, что эмиграция так на меня накинется, с такой силой начнет меня убивать.

Д.Г. А как же тогда Ваш "мост" между теперешней русской культурой и русской культурой начала века?

М.Р. Что такое русская эмиграция? Это колоссальнейшее кладбище. Ну, а что происходит на любом кладбище? Кое-кто тихо и мирно спит в могилке, а кое-кто в могилке не спит, угомониться не может, а вылезает и начинает жить вампиром. И русская эмиграция состоит, в основном, из вампиров. Внешне вроде бы живые люди...

Мы приехали и вначале со многими даже общались. Нас сначала любили, приглашали. Синявский еще не напечатал своего "Пушкина", так что все было неясно, кто на самом деле Абрам Терц. Мы приходили, общались с людьми, слушали действительно прекрасный русский язык, разговоры, воспоминания... Бунин, конечно, Зайцев, Мережковский... Кто-то кого-то помнил, кто-то про кого-то рассказывал — все было очень интересно. А потом я вдруг заметила, что они неживые. Очень хорошие, но неживые. И в какой-то мере все они немножко вампиры. В ту минуту, когда вампир бросается на вас и начинает высасывать из вас кровь, он ведь вас не убивает, он даже не хочет причинить вам зло. Он приближает /вампиризм — это же акт любви/ вас к себе. Если из вас вампир высосал кровь, вы тоже становитесь вампиром. Он принимает вас этим в свою компанию. Вот что такое русская эмиграция.

А их вкусы! Была ведь совершенно потрясающая история про то, как в Париже открыли выставку русских художников-нонконформистов. МОСХ преследует нонконформистов, кого-то исключают, закрывают выставки: бульдозерами против картин. И вот, наконец, эти картины из-под бульдозеров приехали в Париж. Вот развешаны они в залах, торжественное открытие, цвет русской эмиграции собрался там,

и пошли старые русские эмигранты смотреть картины. После выставки разгорелся скандал между стариками и нами, третьей волной. Мы пытались им объяснить, что это борьба течений, борьба за свободное выражение. Они слушали-слушали и сказали: "Так забирайте эти картины назад в Москву и там боритесь. Нам это не нужно".

Показывали на картины Рабина и говорили: "Это что? Это Москва?! Это Россия?! Как я буду своего внука учить любить эту Россию? Вот Васнецов — это Россия".

Д.Г. Так что вы порицаете всецело старую эмиграцию?

М.Р. Нет, между нами, третьей эмиграцией, и старой эмиграцией спор стилистический. Это большой, именно стилистический конфликт. Внутри нашей третьей эмиграции идет совершенно другой спор.

А.С. Чаще всего не стилистический, а я бы сказал, социальный спор — на тему национализма и демократии. Это — основной спор.

Ведь националисты побеждают, потому что их поддерживают из старой эмиграции, из второй эмиграции. Просто традиционно, по своим монархическим воспоминаниям. Это можно доказать. Читайте журналы "Часовой" или "Вече".

Д.Г. Что же будет с русской эмиграцией, ну, лет через 20-30? Когда уже не будет ни первой, ни второй эмиграции. Будет третья, в основном, еврейская, а будет, может быть, и четвертая. Кто знает? Что вы предсказываете для русской эмиграции через 20-30 лет?

А.С. Видите ли, я убедился, что невозможно создавать культуру на эмигрантской почве. Убедился сейчас, раньше у меня могли быть иллюзии, когда я жил там и представлял культуру первой эмиграции как некое завершение серебряного века. Когда я приехал сюда, то увидел, во что превратился этот серебряный век. От него ничего не осталось. И я думаю, что и от нас тут ничего не останется. Понимаете, эмиграция — это не есть место создания какой-то самостоятельной культуры. Это есть место сохранения и творчества для отдельных авторов. Поэтому и первую эмиграцию я не

воспринимаю как единую культуру. Это было место, где работали Цветаева, Ремизов, это было место, где работал Набоков и т.д. Но это не есть некий единый храм культуры.

М.Р. И, кстати, очень показательно, что и Цветаеву, и Ремизова, и Набокова эмиграция очень не любила. Цветаеву, в общем, эмиграция выпихнула назад в страну. Набоков ушел из эмиграции в английский язык. Ремизов жил на окраине, и где-то эмиграция его тоже не любила и не принимала.

Д.Г. Но все-таки это не вяжется, Андрей Донатович. Я не буду вам перечислять всех Шестовых, Бердяевых. Вы можете лучше, чем я, это сделать. Но неужели вы будете все это отрицать и говорить, что они ничего не создали, что они ничего не могли создать на чужой почве.

А.С. Шестов, Бердяев — совсем другое дело. Вот действительно реальное дело — это русская религиозная философия, которую первая эмиграция вывезла и которую она продолжила, и которая здесь развивалась даже дальше. Скажем, здешний Бердяев выше, чем дореволюционный Бердяев; здешний Шестов выше, чем дореволюционный Шестов и так далее. Это самое интересное и самое целостное явление — религиозная философия и богословие периода первой эмиграции. Это большая ценность русской культуры.

Конечно, первая эмиграция по своей культуре... культурная сила ее намного сильнее третьей, намного сильнее. Но у нас, может быть, есть только одно преимущество — мы не воспринимаем, что современная Россия от нас отрезана, что она совершенно другая по сравнению с нами. Скажем, оттого, что я приехал сюда, а Даниэль остался там, ничего принципиально не изменилось. И наши взаимоотношения — такие же, и наши восприятия — те же. И поэтому нет той стены психологической (я имею в виду, не физической — в начале 20-х годов можно было еще ездить туда-сюда), которая возникла между двумя мирами — миром эмиграции и миром метрополии. Сейчас такого ощущения нет.

Д.Г. "Эмиграция поражения или эмиграция надежды". Вы к какой принадлежите?

А.С. Я думаю, что в значительной мере в поражении и

состоит надежда, понимаете? Эмиграция — это испытание, через которое надо пройти. Или погибнешь или что-то оставишь, что-то сделаешь. О победе не может быть и речи. Когда говорят надежда — надежда на что? Надежда на то, что мы завоюем Россию и Россия станет нами? Ничего этого не будет. Но — культура самоценна, так же как искусство. И вот какие-то куски культуры можно здесь и сохранить, и продолжить, но это не означает, что от этого изменится что-нибудь там, в метрополии.

ЗАПАД "ПЕРЕМЫВАЕТ ПОРТЯНКИ" НАШЕЙ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интервью профессора Джона Глэда с главным редактором журнала "Континент", писателем Владимиром Максимовым

Д.Г. Владимир Емельянович, ваша биография весьма напоминает биографию Максима Горького: уход из дома после четвертого класса, детприемники, бродяжничество, образование книжное, эмиграция. Теперь некоторая редакторская власть. Очень много похожего. И вы пишете, что вы очень увлекались Горьким в юности. Потому ли, что у вас так много похожего в жизненном опыте?

В.М. Нет, вы знаете, в юности у меня еще не было этого опыта. Наоборот, увлечение Горьким толкнуло меня на то, чтобы уйти из дому и повторить его судьбу. В общем, я не знаю, на каком уровне и какого качества, но мы сделали разные выводы из своего опыта. Горький сделал социальные выводы, если хотите, радикально-социальные, и примкнул,

как вы знаете, к наиболее крайним течениям русской социал-демократии — к большевизму, а я из своего опыта, родившись в совершенно атеистической семье, все-таки, пришел к религии.

После своих скитаний я потерял всякий интерес к Горькому. У меня остался еще интерес кое-какой к некоторым его пьесам. Мне нравятся такие пьесы, как "Егор Булычев", "Фальшивая монета". Там что-то есть. К некоторой прозе, как "Матвей Кожемякин", "Трое" и даже, — если хотите, хоть книга и не очень хорошая, но там много информации об эпохе, — "Жизнь Клим Самгина". Но, в целом, я потерял всякий интерес к Горькому. Я как раз через свой опыт пришел к Достоевскому, а через Достоевского — к религии. Как большинство современной гуманитарной интеллигенции в России.

Д.Г. Но это расхождение идеологическое. А в смысле художественном?

В.М. Нет, это расхождение принципиальное. Вы знаете, манера моя — даже большинство критиков это отмечает — скорее, тяготеет к Толстому. К этим большим периодам, к некоторой тяжеловесности. А у Горького этого нет. Это как раз очень скользкая, поверхностная проза. Когда следите за словом Горького, к сожалению, оно почти всегда пустое. Под ним ничего нет. И так как нет, он украшает его орнаментом, часто усложняет авторскими ремарками. Это еще Чехов отмечал. Вместо того, чтобы сказать: "...цветет сирень...", он тратит на это полстраницы.

Д.Г. А что его автобиография?

В.М. Ну, знаете, автобиография его немножко другая. Он ее приукрасил. Не был его дед бедняком. Он, как говорят достоверные источники, из довольно богатой семьи. И свою биографию он наполовину придумал.

Д.Г. Расскажите о вашем детстве, юности.

В.М. Я не думаю, что у меня юность и детство сколько-нибудь оригинальные. Я могу назвать полтора десятка современных писателей, начиная, например, от Астафьева, которые прошли примерно ту же самую школу. Это поколение, родившееся в тридцатых годах и заставшее войну вот в таком

юном возрасте. Безотцовщина, беспризорщина. Поэтому моя биография (и я это всегда отмечаю, когда говорю о своем романе "Прощание из ниоткуда"), — типичная. Это биография целого поколения в современной русской литературе. Если хотите, даже при всех отличиях от такого писателя, как Аксенов, или, предположим, постарше немного — Окуджава — есть у нас очень много общего.

Д.Г. Ну, а как вы жили это время?

В.М. Да, вы знаете, как жил. Я-то родился в среде практически самого социального низа. Я по отцу — из крестьян, но он крестьянин, который стал рабочим. То есть ушел из деревни в армию и из армии уже не вернулся... Это очень типично, не вернулся в деревню. А по матери — из рабочих-железнодорожников. Все коммунисты. Отец мой первый раз сел не в тридцать седьмом, а в двадцать седьмом году, потому что был приверженцем Троцкого, вместе с ним участвовал в демонстрации, хотя человек он был малограмотный, кончил Ликбез. Отец назвал меня Лево́й в честь его учителя Льва Троцкого. Отца сажали несколько раз, а в тридцать седьмом году посадили окончательно.

Настоящая моя фамилия и имя — Лев Алексеевич Самсонов. А это все я получил уже в детдоме. Потом это было узаконено. С тех пор я и живу под этим именем. Без отца остался очень рано. Мать моя простая работница. Социальная жизнь наша была очень тяжелой. Я много читал. И вот, я говорю, читал Горького, который на меня произвел тогда очень большое впечатление. Это в двенадцать-тринадцать лет, в четырнадцать. И я решил изменить свою жизнь сам. Поискать счастья. И уехал на юг. Бродил там по Закавказью, занимался всем: пас скот, был просто грузчиком, работал у косарей. Затем в Средней Азии был в нескольких колониях. Бежал. Вот после последней колонии, Шекснинской, завербовался на Север. Искал алмазы. Так что жизнь была не столько оригинальной, сколько пестрой. Но при всей пестроте, с двадцати одного года она у меня чрезвычайно стабильна. Потому что с этих лет я уже начал работать в газете. И с тех

пор я "живу ручкой" и другой работы не знаю, и другой профессии не ведаю.

Д.Г. Вы пишете, что, когда вам было шестнадцать лет, вас приговорили к семи годам заключения.

В.М. Это было, когда я связался с одной компанией. Было там то, что у нас называется тунеядство, бродяжничество, жизнь без определенных занятий. Тогда был очень строгий указ по поводу такого рода социальных групп. И я получил семь лет. Вскоре меня сактировали. Я просидел очень немного: в детской колонии, конечно, — восемь месяцев; затем — шесть месяцев в больнице — и был освобожден. И уже стал жить нормально, завербовался на Север. Работал на Таймыре в поисковой экспедиции. Затем — заведующим клубом в Игарке. Это знаменитый порт такой есть на Севере. Заведующим клуба речников. Занимался художественной самодеятельностью, постановками всяких пьес. А затем оттуда уехал, но уже на Кубань. Работал в колхозе. В колхозе я начал писать первые мои стихи. Так и подписывался: колхозник сельхозартели "Красная Звезда". Стихи тогда напечатал нынешний член редколлегии "Нового мира" Василий Литвинов, заведующий отделом критики. Он работал в то время в "Советской Кубани" и был первым моим публикатором. И как только я начал печататься, меня сразу взяли в районную газету. С тех пор у меня чистая журналистская школа в районных газетах. Затем — краевая комсомольская газета, затем — областная партийная газета, это в Черкессии, в Ставропольском крае, где я в свое время познакомился с Горбачевым. Там я был также корреспондентом радио по Черкесской автономной области. Затем уехал в Москву. Ну и начал работать внештатно в "Литературной газете", где и получил первые уроки настоящей литературы. Уже не халтуры патристической, а настоящей литературы. И эти уроки я получал прежде всего от таких людей, как Наум Коржавин. В те годы — кто помнит и кто знает — Наум Коржавин был нашим Солженицыным, нравственным примером того, как должен жить писатель, как должен мыслить писатель, как относиться к своей профессии. Я понял, что все, что до сих пор сделал...

А я уже успел издать две книги безобразно гнусных просоветских стихов... (Это было тоже типично для нас — не то, чтобы ложь. Просто было такое представление, что в литературе вот так надо. У каждого из нас была такая судьба, мы вчера об этом говорили с Василием Аксеновым: он тоже с этого начинал, у него, тем более, родители сидели, он человек очень искренний и честный). Я даже не знаю, как теперь это определить... Просто так было принято, так нужно. И вот в "Литературной газете" я столкнулся с такими людьми, как Наум Коржавин, Булат Окуджава, который тогда тоже только начинал в Москве, приехав из Калуги. Он поработал в "Молодой гвардии" редактором, а потом его взяли заведующим отделом поэзии "Литературной газеты". И там у него я очень много получил. Мне наконец-то стала попадать в руки настоящая литература. И западная литература. Подлинная западная литература. Вот это была школа. Даже не школа, а начало той школы, которая меня привела к тому, к чему я сейчас пришел.

Д.Г. Расскажите, как Паустовский вас привлек к участию в сборнике "Тарусские страницы".

В.М. Вы знаете, я опять-таки не сказал бы, что это сам Паустовский. К Паустовскому меня привезли все эти ребята из "Литературной газеты": Булат Окуджава, Наум Коржавин, Станислав Рассадин, он сейчас довольно видный критик. По-моему даже работает в "Вопросах литературы", но точно не знаю. Да, Борис Балтер, которого я очень высоко ценю и уважаю как человека и как писателя. То есть туда поехала целая компания. И я тоже дал Паустовскому рукописи. Тогда у меня были две повестушки: "Мы обживаем землю" — из моего опыта работы на Таймыре, и "Жив человек" — это как бы... из опыта моей бродяжьей жизни.

Он выбрал "Мы обживаем землю". А в близких отношениях я с ним никогда не был. Знаете, он просто включил эту повесть. За это я ему благодарен. Но это ни в коей степени не повлияло на сближение наших отношений.

У него были любимые ученики по литературному институту. Это прежде всего Лев Кривенко, теперь уже покойный, тоже очень способный прозаик, и Борис Балтер. А из критиков — Бенедикт Сарнов. Вот с ними он был действительно

близок. Мои отношения с ним остались на уровне редактора-составителя сборника и одного из его участников. Поэтому когда во всех моих биографиях указывают на то, что меня нашел Паустовский... — скорее я его нашел с помощью друзей из "Литературной газеты", которых я назвал.

Д.Г. Расскажите немного об этом сборнике — "Тарусские страницы".

В.М. Вы знаете, сейчас, когда вы смотрите ретроспективно на это, ничего в нем особого не было. Но это теперь, когда мы знаем, что печатается, а многое печатается такое, что никогда еще, в самые либеральные времена, не могло бы быть напечатано. Это тоже особый феномен. Не потому, что у нас все стали добрее. Понимаете, Солженицын, как бы к нему не относиться, завысил потолок допустимого. И поэтому, по сравнению с тем, что делал Солженицын, все остальное уже не казалось страшным. Только под этой крышей смогла пройти деревенская литература, хотя у этого явления был целый ряд других причин. Деревенская литература сумела заявить о себе благодаря еще и тому, что сейчас правящий класс в нашей стране примерно на девяносто процентов — это выходцы из крестьянства. И у них есть подсознательная ностальгия по прошлому — прошли там и голод и коллективизацию. И они решают, что допускать, что нет.

Возьмем, например, Твардовского. Уверю вас, если бы Иван Денисович был рабочим, повесть никогда не прошла бы. Он — крестьянин, он остался по психологии крестьянином. У него сердце всегда болело — семья раскулачена, все выслааны были, понимаете? Если вы заметили, городской прозы практически в "Новом мире" никогда не было. Там не мог пройти Битов. Он никогда не хотел печатать Казакова. Я могу назвать вам целый ряд действительно прекрасных писателей, например, того же Искандера и еще целый ряд. Городская литература у Твардовского практически не шла — сколько-нибудь выдающаяся. Шла такая — средненькая. Все, что было сильного в "Новом мире" — это крестьяне. Герои — это крестьяне.

И вот, возвращаясь к сборнику "Тарусские страницы",

теперь это вроде бы не так уж и страшно. Но тогда это было явление выдающееся. Во-первых, впервые была опубликована Цветаева, впервые был опубликован целый ряд прозаиков, таких, как Балтер, как Булат Окуджава, который как прозаик выступил в повести "Будь здоров, школяр". Хотя, если сейчас перелистать этот сборник — там наполовину ерунда. Там были очень советские вещи, сценарий Оттена и Гладкова... и целый ряд других. Но впервые появились такие крупные имена, как Давид Самойлов, Владимир Корнилов, Борис Слуцкий. Парадокс был еще и в том, что его издало областное издательство.

Д. Г. Ну, так часто бывает в России.

В.М. Но так странно, земля тесна. Директором этого издательства оказался мой покровитель из Черкесска. В Черкесске он был заведующим отделом пропаганды и агитации обкома партии. Сладков его была фамилия... Василий Федорович, по-моему. И он был очень снисходительным человеком. Часто меня, так сказать, и протезировал, и выдвигал как местного литератора. Но потом, в связи с болезнью жены, его перевели в Калугу, и он стал директором издательства. Он пошел на это издание и сгорел вместе со всеми нами.

И что интересно: это факт, с грузовиками! На двух грузовиках привезли сборники в Москву и торговали ими прямо на площади Дзержинского. А знаете психологию толпы? Раз берут — значит надо брать, и чем больше берут — тем больше толпа. Сборники расхватывали очень быстро. Все, что осталось, было арестовано и, видимо, уничтожено, хотя разошлось довольно много. Плюс ко всему, много было рецензий. И когда я теперь их перечитываю — они не были такими уж уничтожающими. Ну, там критиковали. За то, за се. Между тем, это было таким событием — шестьдесят первый год — таким событием, что сборник перевели практически на все западные языки. Я помню, как мы собрались на квартире Оттена, на улице Горького, ждали сборник, его должны были привезти из Калуги. Слуцкий сказал: "Вот знаете, товарищи", — (он остался таким коммунистом-идеалистом) — "знаете, товарищи, ведь сейчас совершается история литературы!" Тогда это показалось немножко высокопарно, а теперь мы должны сказать, что это — факт истории литературы. И факт

немаловажный. Может быть, в какой-то степени (вместе со сборником "Литературная Москва") — поворотный.

Д.Г. Вы теперь в Париже живете, и в вашей "Саге о носорогах" довольно пренебрежительно, даже уничтожающе, я бы сказал, отзываетесь о западной культуре. Я процитирую: "Рог к рогу, ноздря к ноздре, слюна с пеной веером ломится, каре на каре, смыкаясь кольцом. И пятачок свободной от их топота земли, где стоит одинокий человек в свитере, который чудится мне белой тогой с малиновым подбоем, становится все крохотнее и теснее. Они обтекают его со всех сторон, кося кровавым глазом на обреченного чудака, не желающего им уступить. Вот вам наша рука, Эжен. Мы вместе паддем под их копытами, но все-таки не уступим. Мы хотим погибнуть людьми. Идущие на смерть приветствуют тебя". Описание западной культуры, что ли?

В.М. Да вы знаете, нельзя же так! Во-первых, это сатира, определенный жанр. Во-вторых, это не о западной культуре. Я практически, ну, что ли, в публицистической терминологии и на фактах реальной жизни расшифровываю пьесу Ионеско "Носорог". Он до меня это все сказал. Только в другой форме.

Если вы видели эту пьесу, именно так у него — "ноздря к ноздре", "один за другим становится носорогом"... И никакого отношения это к Западу, как таковому, не имеет. Это относится к тем силам на Западе, разрушительным силам, которые иногда даже несознательно работают на то, чтобы цивилизация погибла. И кстати сказать, что меня и удивило с самого начала — это то, что просвещенный Запад "перемывает портянки" нашей разночинной интеллигенции конца XIX — начала XX века. Все это у нас было. Когда я теперь читаю о судопроизводстве в Америке, о либеральном судопроизводстве, о том, что интеллигенция здесь все время заявляет (интеллигенция определенного толка, даже не интеллигенция, а интеллектуалы — это совершенно другое), — так вот, когда они заявляют, что социальные условия формируют человека, — позвольте! Но ведь это все было сказано. Все было — и присяжные отпускали преступников из зала суда и также объясняли все неустройства жизни социальными недостатками общества.

Но опыт-то показал, что все это не так. От изменения социальных обстоятельств человек, оказывается, не меняется. Россия всегда считалась пьющей страной. Так она стала пить — и это не метафора, это факт — ровно в десять-пятнадцать раз больше. Преступности стало в несколько раз больше. Значит, меняя социальные обстоятельства, мы ничего...

Д.Г. Ну, как можно знать насчет преступности? Статистика-то скрывается.

В.М. В общем, мы-то знаем. Недавно Любимов мне рассказывал. Репетируют "Преступление и наказание". Ну и, значит, Порфирий, причем хороший актер, должен выйти, по замыслу режиссера, на просцениум и, обращаясь к публике, сказать, что мир надо менять, но его надо менять с самих себя прежде всего, — вот эту фразу из Достоевского. Актер сказал: "Я не буду этого говорить". — "Это почему"? — "Да, реакционная фраза! Правительство должно все делать". Он (Любимов) говорит: "Так это же Достоевский"! Актер: "Ну и что же, что Достоевский. У меня и мама — реакционерка. Я и с ней разошелся". Любимову надо было сказать: "Познакомьте меня с вашей мамой. Видимо, она интересная женщина"! Понимаете, это настолько наивно.

Главное, что все это было в отсталой России. Почему это все здесь повторяется? И "Сага о носорогах" направлена именно против разрушительных тенденций Запада, потому что мы знаем на своем опыте, к чему это приводит. Мне говорят: "Ну, вы все умные, вы всех учите". Да не учим мы! Мы хотим передать вам опыт. Вы повторяете те же самые ошибки. Запад?... Для некоторых Запад — это "Нью-Йорк Таймс" или "Ле Монд". Да нет, это не так. Это только часть Запада. И те же свободорожденные американцы — шестьдесят процентов почти — показали, что они думают примерно так же, как и мы, когда голосовали за президента Рейгана. Свободорожденные никогда не были в Советском Союзе, но что-то поняли, — какая опасность исходит. Дело даже не в опасности. Знаете, ну, ГУЛАГ... Это все экстремально. Это все видно. Может быть, это даже, как это ни парадоксально, наиболее безопасная

форма, потому что она, хоть и приносит много жертв, но сама себя быстро разоблачает. Например, когда я, простите меня, бываю в Швеции, я уезжаю оттуда в ужасе. Почему эта благополучнейшая страна совершенно реформаторскими путями идет к тому же самому? Страна эта на первом месте на Западе по самоубийствам, по алкоголизму и по уродливым детям. Что происходит с нацией? Когда мне рассказывают, что вы в свободной стране не можете без разрешения правительственных организаций и администрации выкрасить крышу своего дома в тот цвет, который вам нужен, прорубить окно..., когда вы не можете в социальной квартире без разрешения государственной администрации сменить ключи и когда к любому алкоголику приставлена сиделка, которая ему носит опохмелиться, — все это, знаете, тоже пахнет каким-то ужасом.

Вот ведь, в чем дело. И "Сага" против этих тенденций, а не против только ГУЛАГОВ. Против того, что в мире происходит какой-то очень разрушительный для личности человека процесс. А проходит он через ГУЛАГ или супермаркет — это неважно. Важен результат. Вот против чего "Сага о носорогах".

Д.Г. Вы опубликовали вот эту записку Розановой к вам. Кстати, я брал интервью у Синявского и у нее. Они сидели вот тут. Я вам ее прочитаю: "Владимир Емельянович, боюсь, что недопустимым тоном своей "Саги о носорогах" вы перебрали по очкам. Мне кажется, что пришла пора отступить. Осмелюсь рекомендовать следующий порядок действий: 1. Публично извиниться. 2. Остановить печатание отрывков в "Русской мысли" и 3. Воздержаться от публикации этого сочинения в "Континенте" №19.

Р. С. Простите, но копию этой записки отправляю в "Русскую мысль".

В.М. Это подлинный голос наших плюралистов — широких демократов. Они уже заранее определяют, что я могу печатать. Мне бы и в голову не пришло написать коллеге письмо — даже если мне что-то не нравится — что ему надо печатать, а что нет. У них даже чувство юмора, видимо, отсутствует. Они не понимают, что писать такие письма просто неприлично. Даже, если ты не согласен — выступи, скажи, с чем ты не

согласен. Но давать мне указания, причем на полужаргоне! Что за карточный жаргон: "по очкам"? Что это за наглость?

Причем, это не просто еще писатель, а жена писателя. Это за пределами допустимого. Есть, знаете, люди, сами себя разоблачают, свою меру терпимости. Между прочим, все западные рецензии о "Cage" были не просто положительными, а хвалебными. И только наши эмигранты оказались святее Папы. Они знают, что нужно делать в демократическом обществе. Что нужно писать, что — публиковать. Я ей ответил спокойно. Все обязательно напечатаю. Так что уж, извините...

Д.Г. Наум Коржавин, кажется, когда-то сказал: "Мы — эмигранты уехали, чтобы иметь право драться друг с другом". В Союзе, конечно, принято, чтобы все были единым фронтом, чтобы не было разногласий. Может быть, вы изложите ваш взгляд на эти эмигрантские споры, потому что это все-таки интересная часть литературной истории.

В.М. Редактируя "Континент", где печатаются представители всех эмиграций и не только эмиграций, но и оппозиций из Восточной Европы, и теперь создав "Интернационал Сопротивления", куда входит вся расцветка политической эмиграции (не только Восточной Европы, а и Латинской Америки и Африки) — так вот после всего этого, я вам должен сказать, что положение в русской эмиграции намного лучше. Русская эмиграция — на виду, за ней следят... Она как бы под колпаком, она наиболее яркая и потом представляет такую страну, от которой сейчас, может быть, зависят судьбы будущего, цивилизации.

А, в общем, везде одно и то же. Видимо, эмиграция — это такое экстремальное состояние, когда человек теряет контроль над собой. Во-первых, социально очень тяжелая адаптация. Видите, два-три человека могут еще более или менее жить литературой, остальные вынуждены перекалываться, искать где-то кусок хлеба. Это вызывает темные инстинкты в человеке, создается конфликтная ситуация, но она еще и очень умело подогревается.

Д.Г. Ну, а в чем, все-таки, суть ваших идеологических расхождений, скажем, с Синявским?

В.М. Уверю вас, никаких идеологических расхождений

нет. Это я вам говорю совершенно серьезно. Под этим — просто интересы московской коммунальной кухни. Ведь он же мне предлагал — мне и Некрасову — что редактором журнала должна стать его жена. Я говорю, ну, может быть, он нам тещу предложит, сына своего предложит.

Я очень близко знал многих писателей и, в частности, графа Лювенштайна, который возглавлял немецкую писательскую организацию в Нью-Йорке во времена нацизма. Все было то же самое. Томас Манн ненавидел своего брата Генриха. Оба они ненавидели Брехта, а Брехт их просто презирал. Это — эмиграция. Уверю вас, никаких идеологических расхождений... Это уже потом.. Под эти, знаете, довольно меркантильные интересы подводится идеологический базис. Просто это не тема для серьезного разговора, настолько это противно. Сколько можно рассказывать безобразных и гнусных историй из всей этой возни! Историй, которые даже переходят уровень коммунальной кухни. Меня всегда убивает даже не то, что люди конфликтуют друг с другом, а уровень этого конфликта. В рукописи книги "Охотник вверх ногами" был такой эпизод. Не знаю, остался ли он в книге, я потом не перечитывал. Автор книги Хенкин приходит к известному разведчику Абелю, который здесь был арестован, сидел, а затем выдан Советскому Союзу.

Д.Г. Его обменяли.

В.М. Да, на Пауэрса, по-моему. Хенкин был его учеником. В очередной раз приходит к Абелю, и тот в очень плохом настроении. Хенкин спрашивает, в чем дело. Тот говорит: "Да вот, знаете, вызывали меня, чтобы проконсультить: нужно убрать одного человека на Западе". "Да, я понимаю,— говорит Хенкин, — это неприятная, в общем, работа". "Да нет, — отвечает тот, — это все ерунда — обычное профессиональное дело: убрать человека. Но уровень меня убивает, из всего множества вариантов выбрали: под видом коридорного с завернутым в подушку утюгом зайти в номер и утюгом, значит, убить человека!" Уровень, понимаете? С завернутым в подушку утюгом к вам приходят! Нет, чтобы серьезно говорить на страницах своих журналов, спорить, доказывать. Нет, делается все это ... стыдно даже говорить. За все стыдно.

Д.Г. Когда я брал интервью у Синявских, вторая часть шла уже с Марией Васильевной Розановой. И вот я хотел все равно вас спросить, в какой степени вы себя отождествляете с Солженицыным и в какой степени вы видите разногласия с ним? Не хочется подливать масла в огонь. Лично мне очень печально видеть эти споры в эмиграции, но я должен все-таки, по долгу совести, дать вам возможность ответить на то, что она сказала. Она говорит: "Мы очень быстро организовали свои культы личности: культ личности Солженицына, культ личности Максимова, культ личности отца Дмитрия Дудко. И дальше начали работать на этот культ точно так же, как работали в России. Например, я знаю совершенно точно и достоверно, что Владимир Емельянович Максимов очень не любит Александра Исаевича Солженицына. Он его не любит как писателя. Однажды в беседе с нами он назвал его просто графоманом. Он его не любит и как общественного деятеля, как идеолога. Но любое свое выступление, серьезное, он начнет цитатой Солженицына и закончит цитатой Солженицына. Почему? Потому что "так надо". Это — канон поведения, который мы вывезли с собой. И по этому канону мы живем. Мы, бедные крошки, выросли в Советском Союзе, и поэтому мы иначе себя вести не можем. Но, если присмотреться к первой эмиграции, которая советской власти не нюхала, то вы увидите, что пишут они таким же советским слогом и подход у них чисто советский". Потом она говорит, что эмиграция — это вампиры... Что вы на это скажете?

В.М. Ну, прежде всего я должен быть с вами откровенен. А почему жены-то тоже высказываются? Ведь, вроде бы интервью вы берете у писателей. Я тоже свою жену приведу. Она выскажется. Понимаете, тогда семьями надо брать интервью. Все-таки должен какой-то отбор быть. Представители литературы выступают, или их озлобленные жены, находящиеся в определенном возрасте и в определенном состоянии? Я должен сказать, у них приемы всегда одни и те же: свалить с больной головы на здоровую. Все, что она говорит здесь, или Синявский говорит, — это все они могут адресовать прямо себе. Они хотели бы создать культ личности Синявского:

на это есть масса фактов. Она всегда — (даже — в издательствах, везде) и в "Посеве": "Вот выбирайте, или Солженицын, или Синявский!" А почему надо выбирать?

Что касается Солженицына, то здесь опять-таки намешана и правда и ложь. Дело в том, что я в слово графоман не вкладываю всегда негативного смысла. Я часто называю таких людей, как Толстой — гениальными графоманами. Графоман — это человек, который любит писать. Он все записывает. Он без этого жить не может. Как Моруа. Ему, знаете, хоть поваренную книгу, но писать надо. Для меня — тяжесть писать. А для Солженицына — для него удовольствие. Он мне говорил всегда: "Владимир Емельянович, для меня лучше написать двадцать страниц, чем позвонить один раз по телефону. Я ненавижу телефон." И вот вырывается из такого личного рассуждения, из контекста этого рассуждения слово графоман, и оно вам вменяется в вину. Что касается взаимоотношений с Солженицыным, мне очень многое чуждо в нем, я этого никогда не скрывал.

Д.Г. Конкретно.

В.М. Да, во-первых, прежде всего нестабильность его языка. Язык — это стиль, это человек. Почему одна книга написана так, другая — там, под Дос Пасоса, третья, знаете, — приемом Марины Цветаевой. Почему написан "Матренин Двор" на прекрасном русском языке, а "Узлы" начинаются на другом языке. Значит, что-то есть неподлинное. Но дело вот в чем, я это всем излагаю открыто. Солженицын — хотим мы того или не хотим — является сейчас персонификацией русской литературы. Люблю я его или нет, я буду начинать свое выступление с него и им кончать. Когда я говорю — Солженицын, я имею в виду все явление неконформистской русской литературы, которую он начал. История сошлась вокруг него, и мы его обязаны поддерживать. Потому что, если мы будем пытаться его компрометировать, пытаться его унижить, мы, говоря просто, будем рубить сук, на котором сидим.

Д.Г. Нет, я вас не прошу это делать. Но кроме языка, в чем вы не стали бы себя отождествлять с ним?

В.М. Я не отождествляю. Солженицын считает русский народ жертвой. Я говорю — нет. Я тоже люблю этот народ. Я русский. Этот народ — и палач, и жертва, как, кстати, и все другие народы. Почему он выделяет русский народ? Он мне как-то говорил или писал, что... вот они в ОВИР не ходили — первая эмиграция — они отступали с оружием в руках. Мы говорили об этом с Бродским. Бродский очень остроумно и точно сказал: "Ну зачем же с оружием в руках отступить-то, надо было наступать".

У нас с Солженицыным переписка была всегда, еще из Москвы, мы много раз встречались, и я его спрашивал, почему вы считаете, что вот только эти виноваты, нацмены какие-то. Простите меня, тридцать тысяч офицеров пошли с Тухачевским за паек. И сам Тухачевский был белым офицером. А Брусилов, у которого был свободный вход к царю без доклада? А целый ряд выходцев из дворянства? Офицерства? Генералитета? Мы что, забываем? Они все пошли на советскую сторону. Мало того, здесь уже, в эмиграции, они все полезли в компартию — граф Татищев — во французскую, Святополк-Мирский — в английскую компартию. Едва сбежав оттуда! Сколько их здесь было? Из кого состоял Союз советских патриотов?

Д.Г. Святополк-Мирский вернулся в Союз, кажется, там и погиб.

В.М. Вернулся и погиб, конечно. Разумеется. Они им там не нужны. Ты делай, мавр, свою работу здесь. Понимаете? Эфрон, муж Цветаевой? Какой ценой он купил свое трагическое возвращение? И тоже погиб. Он слишком опасный свидетель, чтобы остаться живым. Он пошел даже на убийство! Значит трагедия: цену ей я понимаю, это — великий поэт, не поэтесса, а именно поэт. И для меня это тоже трагедия. Но, может быть, это плата за другую трагедию? За убийство. Разве Рейс — это был не человек?

Д.Г.: Я не понял, чье убийство?

В.М. А убийство Рейса. Это сделали Сеземан, Эфрон и еще несколько человек. Все они из русской эмиграции, все бывшие белогвардейцы. И такой ценой они купили себе возвращение на родину. И это не какие-то нацмены, а русское дво-

рянство, русская интеллигенция. Так что, я говорю: "Александр Исаевич, это нет? Это такие несчастные, значит, "пейзаны"? Коллективизация? Ну, хорошо. Евреи там приезжали, еще кто-то приезжал из райкомов и прочее... А делали-то сами крестьяне. Худшая их часть, но сами же крестьяне.

Значит, кого мы обвиняем? Знаете, как-то писатель Суко-ник, очень хороший (он сейчас замолчал почему-то, в Нью-Йорке живет) написал статью. На него все обиделись. Он мне ее прислал, я решил, что это слишком скользкая для меня тема, и он ее напечатал в "Вестнике РХД". Так вот он рассказывает: "Прихожу к одному профессору, еврею по происхождению (я знаю, к кому он ходил) и говорю, что, мол, вот говорят, что евреи делали революцию. Тот отвечает: "Что? Мы? Никогда!" Ну, он ему перечисляет фамилии. "А! Это — выродки, к нам никакого отношения не имеют". Прихожу к другому профессору (тоже я знаю, к кому он ходил), тот отвечает: "Русские? Ничего подобного. Это все нацмены сделали". Тогда он говорит: "Кто же все-таки? С луны свалились?"

Д.Г. Дескать, я — не я, и собака не моя...

В.М. Я говорю, Александр Исаевич, ну как же это так? Или его заблуждения с деревенскими писателями. Он их не знает. А я их знаю. Я с ними вырос, со многими из них дружил. С такими, как Василий Белов. Они хорошие люди, талантливые люди. Но это кулаки от литературы. При всех своих "деревенских горестях", они все уже в орденах, в государственных премиях. Они все члены обкомов. Я говорю: "Как же так, по лжи или не по лжи"? Так он мне отвечает: "Владимир Емельянович, но мы должны учитывать..." "Ах, — я ему отвечаю, — Александр Исаевич, значит, снова диалектика начинается? Кому можно, а кому нельзя. Тогда, где же "не по лжи"? Если не по лжи, то никакого релятивизма не может быть. Закон "не по лжи" должен относиться ко всем. И так по целому ряду вопросов у нас были разногласия. Он считает, что "Континент" недостаточно отстаивает интересы русского народа, что у нас слишком обращено все на Восточную Европу. Я об этом писал. Если мы действительно считаем себя великим народом, то великий народ прежде всего должен про-

явить великодушие и первым взять на себя вину за все. И только так мы достигнем, если это вообще возможно, взаимопонимания с теми народами, которые сейчас входят в эту систему. Иначе это все в отдаленной перспективе может кончиться очень большой кровью.

Д. Г. Как вы смотрите на взгляд Солженицына, что, может быть, временная автократия будет нужна при смене режима?

В.М. Вы знаете, автократия — не автократия, но демократия так, сразу при смене такого режима, как наш, — невозможна. Когда мне приводят примеры Японии и Германии — то это запрещенный прием. В Германии и Японии был гарант этой демократии — американские оккупационные войска. И только они обеспечили там ее развитие. Если такого гаранта не будет в стране, где сто шестнадцать национальностей, или сто четырнадцать, может быть, я ошибаюсь, и около десятка религий, включая идолопоклонничество, вы не можете себе позволить переход к демократии сразу. Демократия, как, впрочем, монархия, — это тоже культура, которую надо воспитывать у общества.

Д.Г. Есть такой взгляд, что демократия нежелательна при любых обстоятельствах, даже сейчас стали употреблять слово, прошу извинить, — "дерьмократия".

В.М. Я этого не считаю. Но семнадцатый год показал, чем кончается неожиданный переход к демократии. Ведь даже Ленин говорил, что в семнадцатом году Россия была самой свободной страной в мире. Во Франции была цензура военная, в Германии — цензура. У нас все газеты выступали против войны — большинство газет с пораженческими настроениями. Все можно было говорить. Мало того, — государственной культуры у новых правителей не было. Это все были краснобаи, интеллигенты. Поговорить — мы все мастера. А поставь начальником железнодорожной станции, как говорит Александр Гинзбург, — не справится, все развалит. Понимаете, есть такая грубая, но очень точная русская пословица — плохому танцору, не буду этого слова называть, но кое-что между ног мешает.

Д.Г. В ваших размышлениях о гармонической демократии вы предлагаете опять-таки после предполагаемой смены пра-

вительства СССР — "взять за основу уже существовавшее административно-территориальное деление страны". Значит ли это, что вы против роспуска русской империи?

В.М. Нет, ну позвольте. Во-первых, я этого не имею в виду, у меня есть принципиальное заявление о том, что все народы, которые хотят отойти, — могут отойти, но я имею в виду именно коренную Россию, собственно российскую территорию.

Д. Г. А Украина?

В.М. Мы сделали по этому поводу специальное заявление. Это они сами должны решать. А я вам должен сказать — поймите меня правильно, — что все-таки, это не назовешь... традиционным империализмом. Если хотите, Россия — это восточного типа Америка. Она складывалась точно так же — экстенсивно. Никаких заморских территорий. Ну вспомните, как распространялась Америка. Что, культурными способами? Кому принадлежит Техас? Кому принадлежит Калифорния? Кому это все принадлежит? Поэтому этот империализм внутри русского организма... Собственно, на русской территории — огромное количество национальных организмов. Как с этим быть? Это все очень сложный процесс.

Вот грузины, предположим, грузинская интеллигенция, нонконформистская, требует отделения. Пожалуйста. Но что разве этим кончится? Нет! Это процесс необратимый. Грузия состоит из множества — ну, не множества — а нескольких народов. Абхазия не хочет иметь с ними никаких дел. Это другая культура, другая религия, язык абсолютно неповторимый. Они себя считают чуть ли ни искателями золотого руна. Аджария — это мусульманская часть, она всегда тяготела к Турции. Менгрелы — это не грузины. Сваны — не грузины.

Один писатель мне говорит: "Мы не можем уступить Абхазию. У нас тогда не будет выхода к морю". Так и рассуждает интеллигенция. И в каждой такой республике. Но мы заранее об этом заявили в самом начале: пожалуйста, если вы осознали себя государством, сами и решайте свою судьбу.

Но дело в том, что все эти рассуждения о демократии — в какой-то степени еще и небольшая шуточка. Я же получил

массу писем о том, что это тоталитарная программа с тоталитарными тенденциями. Если вы читали швейцарскую конституцию, то это и есть изложенная русскими словами швейцарская конституция. Если она тоталитарная — ну, что ж! Все это не так уж всерьез. Я не занимаюсь этой политологией. Я написал, да ну, вот так: "Давайте посмотрим, что на это ответят наши борцы за демократию". И, конечно, они ничего не поняли, что я просто переписал своими словами конституцию одной из самых свободных стран Запада.

Д.Г. Очень коротко о "Континенте". Какой у вас тираж теперь?

В.М. Тираж? Он немножко колеблется от трех с половиной до четырех тысяч.

Д.Г. Увеличился, значит? Я помню несколько лет назад вы говорили, что у вас полторы тысячи.

В.М. Полторы тысячи?

Д.Г. Это было лет пять тому назад на Литфонде, тут в Вашингтоне.

В.М. Полторы тысячи мы отправляем в Советский Союз. Мало того, первый номер — семь тысяч. И вы его не найдете, первого номера. Это стало теперь раритетом. Второй номер сразу упал до трех. И потом начал чуть-чуть подниматься. Поднялся до четырех. Журнал наш до сих пор в четыре раза больше любого русского журнала на Западе. Если вы знаете, то тысяча — полторы тысячи экземпляров русской книги на русском рынке считаются бестселлерами. Значит, мы каждые три месяца выпускаем два с половиной-три бестселлера. Вы меня неправильно поняли: полторы тысячи отправляются в Советский Союз и Восточную Европу, потому что его читают в Польше, Чехословакии, там, где русский язык преподается в обязательном порядке и интеллигенция читает по-русски.

Д.Г. Наше время истекает. Очень коротко, кого вы не печатаете? Лимонова, наверно, не печатаете? Да?

В.М. Да нет! Просто я считаю это провокационной литературой. Зачем мне литература, по поводу которой "Литературная газета" выступает с хвалебными статьями.

Д.Г. Скажем, Синявского не печатаете?

В.М. Почему, пожалуйста, в любое время!

Д.Г. Если бы я дал вам мое с ним интервью и с Марией Васильевной, вы бы напечатали?

В.М. С Марией Васильевной мне интервью не нужно, потому что Мария Васильевна имеет отношение к Синявскому, но никакого отношения к русской литературе.

Д.Г. А с Синявским?

В.М. С Синявским — пожалуйста!

Д.Г. Хорошо, я вам пришлю.

В.М. Нет, вы спросите у него, спросите! Я это всегда говорю. Если я не согласен, я сделаю свое примечание, но напечатаю. А Лимонов? Я не считаю это серьезной литературой. Это, вы знаете, негодными средствами. Все негодными средствами! Скажите, пожалуйста, какая смелость! Антиамериканское, просоветское... Смешно, когда мне говорят — вот эта литература вне политики. Как вне политики? Вот в такой книжечке он успел полить Сахарова, Солженицына, меня, радиостанцию "Свобода", "Новое русское слово", троцкистов — поговорить обо всем! Как же это не политическая литература!? Недаром три колонки в "Литгазете" хвалебные: "Вот де человек понял, что такое Запад"!

А вот, пожалуйста, Саша Соколов печатается. Чуждый мне, казалось бы, писатель. Мы печатаем все. Качество решает. Качество!

Д.Г. Я боюсь, что наше время теперь истекло, я очень благодарю вас, Владимир Емельянович.

В.М. А эти жены. С какой стати, господа жены. Сидите дома, занимайтесь своими...

АРХИВ "СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА"

Издательство "Серебряный век" хорошо знакомо нашим читателям, но многим ли известен его архив, которому через год исполняется четверть века. Как создавался этот архив? Кто был его собирателем? Что, наконец, представляет собой это уникальное собрание рукописей, писем, старых книг, редких фотографий, полуистлевших от времени газет и журналов, — целая эпоха в истории русской культуры?

Трудно даже перечислить то, что хранится сегодня в архиве, ставшем кладезем информации для нашего журнала. Вспомните "Парижский альбом Ходасевича (№74), "Мемуары изгнанника" Осоргина (№84), "Писательские судьбы" Иванова-Разумника (№№85,86), роман 25-ти писателей "Большие пожары" и другие публикации, подготовленные Григорием Поляком. А ведь все это оттуда, из архива "Серебряного века", который собирался по крупицам, чтобы здесь, на американской земле, многие литераторы России смогли пережить второе рождение.

Что касается истории этого уникального собрания, то она опять же связана с именем издателя "Серебряного века" Григория Поляка. Он лично вывез на Запад около двух тысяч так и не дошедших до читателя печатных и рукописных страниц. Об этом, кстати, можно написать свою историю — как через таможи и границы прорывались на Запад неизданные Платонов, Ходасевич, Булгаков, Белый, Цветаева, Добычин, Вагинов... И продолжением ее могла бы стать другая история, как уже здесь, в Америке, помог Григорию Поляку первый издатель Набокова и Ходасевича, Абрам Саулович Каган, как поддержали его Глеб Струве, Владимир Вейдле, Роман Якобсон. И архив, словно тоже переживши второе рождение, пополнился письмами и рукописями Ремизова, Бунина, Цветаевой. Много, разумеется, в фотокопиях, но они, эти фотокопии, все чаще становятся оригиналами новых, возрожденных на Западе русских книг.

А как все начиналось? "А начиналось с малого, — вспоминает Поляк. — И очень, очень давно. Еще с конца пятидесятых годов. Это были замечательные годы, когда я впервые в "Национале" увидел Юрия Олешу, годы моего знакомства с Михаилом Светловым, Ариадной Эфрон, Виктором Борисовичем Шкловским. Кому ведомо, как зарождается любовь к литературе? Но, кажется, тогда я понял, что значит знать и ценить книгу, — не христоматийно, не по-школьному, а как часть своей собственной жизни. И, наверное, тогда во мне зародился этот особый интерес к эпохе, про которую еще не сказано достойных ее слов и которая справедливо называется "Серебряным веком".

В этом номере мы знакомим читателей еще с одной работой из архива "Серебряного века" — социально-историческим исследованием Владимира Бурцева, рассказывающим о происхождении "Протоколов Сионских мудрецов".

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

Владимир БУРЦЕВ

"СИОНСКИЕ МУДРЕЦЫ" И РУССКИЕ АНТИСЕМИТЫ

История одного подлога. Социально-исторический и текстологический анализ "Сионских Протоколов".

По ядовитости грандиозного навета и размаху клеветы книга эта превосходит все то, что до сих пор могло быть измышлено против евреев в антисемитском лагере. "Сионские Протоколы" — по внешности самый страшный обличительный акт против еврейства, притом якобы составленный вождями и представителями самого еврейства. Каково происхождение "Сионских Протоколов"? Откуда они взялись? Как появились? Кто их составитель? Какова их цель?

Впервые "Сионские Протоколы" были напечатаны известным антисемитом, бывшим впоследствии членом Государственной Думы Крушеваном в его газете "Знамя", выходившей в Петербурге, — в девяти номерах от 28 августа до 7 сентября 1903 года под названием "Программа завоевания мира евреями". Этот Крушеван был одним из главных организаторов еврейского погрома в Кишиневе в том же 1903 г.

Во второй раз "Сионские Протоколы" были напечатаны С.Нилусом в 1905 г. в Царском Селе в его книге "Великое в малом и Антихрист, как близкая политическая возможность". В предисловии к этому изданию "Протоколов" Нилус сообщает, что лицо, которому он обязан французской копией, получило последнюю у женщины, укравшей будто ее в одной французской деревне у масона высшей шотландской 33-ей степени, чтобы оказать услугу своему отечеству. Воровство было совершено в конце тайного собрания посвященных во Франции, этом гнезде "жидо-масонского заговора".

В 1907 г. "Сионские Протоколы" были выпущены известным реакционером Г.Бутми в книге под названием "Обличительные речи. Враги рода человеческого" (в С.Петербурге, в типографии училища глухонемых). Книга была посвящена "Союзу русского народа".

В конце "Протоколов" помещено примечание переводчика, которое гласит следующее: "Изложенные протоколы подписаны сионскими представителями (не смешивайте с представителями сионистского движения). Они выхвачены из целой книги протоколов, всего содержания которой не удалось переписать по краткости времени, данного на прочтение их переводчику этих протоколов. К ним было приложено еще небольшое прибавление и план завоевания мира евреями мирным путем. Эти протоколы и чертежи добыты из тайных хранилищ сионской главной канцелярии, ныне находящейся на французской территории".

Новое издание "Протоколов" Нилуса появилось в 1911 г. Оно было напечатано в типографии Троицко-Сергиевской Лавры. В этом издании повторена Нилусом версия 1905 г. о получении им французской копии от женщины, укравшей ее у масонов. Следующее издание "Протоколов" Нилуса было напечатано в 1917 г. в Троицко-Сергиевской Лавре в книге "Оно здесь у наших дверей". Здесь Нилус заявил, что рукопись "Протоколов" была передана ему дворянином Алексеем Николаевичем Сухотиным. Сухотин в свое время стал знаменит после того, как он в качестве чернского земского начальника посадил под арест целую деревню крестьян, отказавшихся возить навоз из его конюшни, потому что в его конюшне был сап. Здесь Нилус еще заявляет, что из достоверного еврейского источника ему стало известно, что "Протоколы" — не что иное как стратегический план в целях завоевания мира, издавна выработанный вождями еврейства и представленный в конце концов Теодором Герцлем совету старейшин на первом сионистском конгрессе в Базеле в 1897 году. Герцль будто бы жаловался на неосторожность, благодаря которой была разоблачена тайна "Протоколов". Недовольство Герцля получило будто бы выражение в некоторых циркулярах сионистского комитета...

В 1920 г. "Сионские Протоколы" были перепечатаны в 3-ей книге сборника "Луч света", изданной в Берлине. "Необходимые разъяснения" Сергея Нилуса, здесь следующие за "Протоколами", начинаются следующим образом: "Под-

писано сионскими представителями 33-ей степени. Эти протоколы тайно извлечены (или похищены) из целой книги. Все это добыто моим корреспондентом из тайных хранилищ сионской главной канцелярии, находящейся ныне на французской территории".

Во введении к немецкому переводу книги Нилуса (Готфрид цур Бек, 1917г.) дается другая версия открытия "Протоколов": "Русское правительство никогда не поддавалось уверениям сионистов. Когда из газет стало известно, что сионисты осенью 1897 г. решили созвать съезд в Базеле, русское правительство, как нам сообщило лицо, много лет занимавшее видное место в одном из министерств в Петербурге, послало туда тайного агента. Последний подкупил еврея, пользовавшегося доверием высшего управления масонов и в конце съезда получившего поручение доставить отчеты тайных заседаний, о которых, естественно, ничего не проникло в общество, во Франкфурт-на-Майне, откуда основанная 16 августа 1807г. еврейская ложа со знаменательным названием "К занимающейся заре" в течение столетия поддерживала связь с "Великим Востоком" Франции. Эта поездка представляла великолепный случай для осуществления задуманного предприятия. Гонец по дороге переночевал в маленьком городе, где русский агент ожидал его с группой переписчиков, которые за ночь сняли с документов копии. Отчеты заседаний поэтому, может быть, неполны: люди переписали то, что они могли выполнить за ночь с французского текста оригинала. Копии были вручены в России надежным лицам, в том числе ученому С.А.Нилусу, который в декабре 1901г. перевел эти отчеты на русский язык".

Составитель этого введения приводит и версию самого Нилуса, согласно которой лицо, которому он обязан французской копией получило последнюю от женщины, укравшей будто бы ее у масонов. "Мы, однако, — добавляет он, — считаем верными показания нашего единомышленника: история кражи, вероятно, была придумана, чтобы отвлечь внимание от следа предателя".

Соображения конспирации окутывают всю историю пере-

дачи документов покровом анонимности. Лица, у которых похищены или копированы документы, не указаны. Посредники, кроме Сухотина, не названы. Но от кого получил "Протоколы" Сухотин? Анонимность пресекает всякую возможность проверки рассказанной Нилусом или его единомышленниками истории.

Почему не названы сами заговорщики, "Сионские мудрецы"? Где — 33 подписи? Почему не изобличены враги рода человеческого поименно? Почему приведено имя Герцля, и только Герцля после его смерти?

Далее, откуда противоречия в более точной квалификации "Сионских мудрецов"? Почему Бутми настаивает на том, чтобы не смешивать сионских мудрецов с представителями сионистского движения, а С. Нилус заявляет в издании "Протоколов" 1917 г., что они представляют план именно сионистов?

Наконец, как объяснить противоречие между версией Нилуса о похищении "Протоколов" во Франции одной женщиной и версией немецкого перевода о копировании "Протоколов" при содействии русского тайного агента? Почему к фантастичности рассказов присоединяется еще их противоречивость?

Логический анализ "Протоколов" позволяет нам анатомизировать документ и оценить его аутентичность.

Заговор одного народа против всего человечества, заговор во всех странах и во всем мире, заговор, длящийся века, заговор до и после переворота.

Заговорщики собираются на конгрессы, читают доклады, ведут протоколы. Они произносят речи, восхваляют свой гений и свое коварство, они убеждают себя и как будто и других в величии и правоте своего дела. Они легкомысленно преступно готовят и хранят документы, которые могут попасть в руки не только непосвященных, но и врагов, и самих обреченных на роль жертв. Они создают ужасающий изобличительный материал против себя, подлинный обвинительный акт. И вот они, наконец, разоблачены. Но в какой романтической обстановке! По одной версии — женщина похитила документы, которые через Сухотина были переданы Нилусу.

Почему именно Сухотину и Нилусу? По другой версии — за заговорщиками наблюдал агент русской царской охранки, усилиями которого часть "Протоколов" была переписана, и копия попала опять-таки к Нилусу. Все так вычурно, нелепо, бессмысленно запутано.

"Сионские мудрецы" путем золота восстают против власти золота, чтобы основать новое царство золота. Путем анархии они стремятся достигнуть для себя прочной власти. Воздействием демагогии на массы они хотят создать дисциплину масс. Разрушительной пропагандой неверия они думают подготовить торжество своей истинной религии. Они проникнуты презрением к народу и ненавистью ко всем завоеваниям демократии. Они прославляют русское самодержавие, папство и даже орден иезуитов. Разве "царь иудейский, помощник Божий и патриарх — Папа, глава светской и церковной власти, не напоминает русского самодержца? Разве тайная охрана иудейского царя, рекомендуемая "Протоколами" — не копия же охраны русского самодержца? Разве аресты по первому подозрению, казни, террор, административные ссылки неблагонадежных и другие подобные меры, рекомендуемые "Протоколами", не были реальной практикой царского режима, равно как, с другой стороны, Третьей Империи во Франции в эпоху последекабрьского переворота, а впоследствии и гитлеровского режима? ("Протоколы" №№ 15, 17, 18).

В некоторых случаях подделыватели не брезгали для своей цели мыслями и взглядами, высказывавшимися и в социалистической литературе. Такова, например, тирада о том, что свободы не имеют никакого значения для несчастного пролетария ("Протокол" №3) или что монополия, концентрация богатств, спекуляция и общий экономический кризис повлекут за собой революцию ("Протокол" №3 и №6). Когда "Сионские мудрецы" предполагают ввести вместо золотой валюты "валюту стоимости рабочей силы, будь она бумажная или деревянная" ("Протокол" №20), то мы вспоминаем о проектах овенистов Грея и Брея в Англии и Прудона во Франции.

Даже Н.К.Победоносцев, этот министр-ретроград и обскурант, был плагиирован. Одна диатриба его против демократии

из книги о "Новой демократии" была описана или перефразирована в "Протоколе" №1.

Но это — лишь сравнительно мелкие заимствования, вошедшие в содержание подлога-плагиата. Они имеют сравнительно общий характер. В дальнейшем мы перейдем к более важным элементам подлога, приспособленным специально для фабрикация "еврейского заговора".

ИСТОЧНИКИ ПОДЛОГА ОТ 1583 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

"Протоколы Сионских мудрецов" — не первый подлог, который был сфабрикован против еврейства. Ему предшествовали другие подлоги. "Сионские Протоколы" черпали из этих источников, утилизируя их то как исторические документы, то просто как источник плагиата-подлога.

В 1583г. в Париже вышел испанский альманах *La Silva Curiosa de Judian de Medrano*. В нем были напечатаны — вероятно, впервые — два документа: письмо испанских евреев к константинопольским евреям и ответ константинопольских евреев. Оба письма, написанные на испанском языке, датированы 1489 годом. Испанские евреи жаловались в своем письме на преследования, которые они испытывали от испанского короля. Текст второго письма — ответа константинопольских евреев — таков: "Возлюбленные братья в Моисее! Письмо ваше, в котором вы нам сообщаете об испытываемых вами тревогах и страданиях, нами получено. Вести эти причинили нам столь же много горя, как и вам. Мнение великих сатранов и раввинов таково: — В отношении того, что вы говорите, что испанский король принуждает вас принять христианство, сделайте это, так как вы не можете поступить иначе, но да сохранится Закон Моисеев в вашем сердце. — В отношении того, что вы говорите, что у вас хотят отнять ваше имущество: сделайте ваших детей торговцами для того, чтобы они мало-помалу отняли имущество у христиан. — В отношении того, что вы говорите, что вашей жизни грозит опасность: сделайте ваших детей врачами и аптекарями для того, чтобы они отнимали жизнь у христиан. — В отношении того, что вы говорите, что христиане разрушают ваши синагоги: сделайте

ваших детей священниками и клириками для того, чтобы они разрушали их церкви. — В отношении того, что вы говорите, что вам причиняют много других притеснений: сделайте из ваших детей адвокатов и нотариусов; пусть они принимают деятельное участие в государственных делах для того, чтобы вы подчинили вашему игу христиан и достигли господства над миром, чтобы вы могли им мстить. Не уклоняйтесь от правила, которое мы рекомендуем; по личному опыту вы убедитесь, что ныне униженные вы достигнете верха могущества".

По мнению испанских историков Адолфо де Кастро и Амадора де лос Риос, мнению, разделяемому также немецким ученым Кайзерлингом, письма эти являются подделкой кардинала Хуана Мартинеса Гихарро или Силисео, который был архиепископом в Толедо с 1546 до 1557 года. Его цель состояла в том, чтобы доказать закоренелую преступность крещеных евреев и тем доказать необходимость изданного им ордонанса, на основании которого на известные церковные посты могли быть назначены только лица, способные доказать чистоту своего испанского происхождения (стало быть, не происходящие от какой-нибудь еврейской семьи, некогда принявшей католичество). Согласно Альфреду Дармстетеру и Морелю Фатьо, письма были довольно остроумной шуткой некоего испанского литератора, сфабриковавшего их во второй половине XVI века. Шутка или злостный подлог, эти письма тем не менее впоследствии легли в основу антисемитских писаний, которыми пользовались авторы подлога "Сионских Протоколов" (абб.Шаботи и Эд. Дрюмон).

Антисемитизм возник в XIX веке из реакции, наступившей после Великой Французской Революции. С тех пор всякая антидемократическая реакция влекла за собой приступ антисемитизма.

Еще во время Великой Французской Революции и вскоре после нее некоторые авторы (как например, абб. Баррюэль, Робисон, Шеваль де Мале) писали о международном заговоре философов, масонов и иллюминатов против религии и всех европейских правительств. Но еврейство при этом совершенно не упоминалось. Честь и заслуга объединения в одном заговоре еврейства и масонства выпадает на долю антисемитских авторов более нового периода.

Гужено де Муссо, клерикал и мракобесный реакционер, враг "новых принципов" и декларации прав человека, искренне веровавший в магию и нечистую силу, издал в 1869г. антисемитскую книгу, в которой он на протяжении сотен страниц доказывал, что еврейство в тесном союзе с франкмасонством составило заговор, чтобы помощью своего золота, силой своего влияния и сплоченности, путем интриг и подпольной работы достигнуть порабощения наций и господства над миром, проповедуя космополитическую республику, равенство людей, антипатриотизм, необходимость разрушения семьи и религии, всеобщее разложение и всеобщую революцию. Вера в Мессию есть не что иное как вера в Антихриста и во всемирную революцию. Он утверждает, что в самом масонстве есть тайная организация, действительные вожаки которой — их не следует смешивать с номинальными главами масонских лож — работают в тесном союзе с деятелями еврейства, "правителями и инициаторами высокой Каббалы" (стр.340). Он говорит, что огромное большинство членов масонских лож и не подозревали, что они — простое орудие в руках масоно-еврейского тайного комитета. Мы постепенно приближаемся к "Сионским Протоколам".

Гужено де Муссо создал школу. Легенда о масоно-еврейском заговоре пустила корни в антисемитской среде. Постепенно воздвигался материал для грядущего подлога "Сионских Протоколов". Аббат Шаботи детализировал схему Гужено де Муссо, а Дрюмон ее популяризировал.

В изложении лживой фантазии о масоно-еврейском заговоре Шаботи в двух выпущенных им об этом предмете книгах рабски копирует Гужено де Муссо. Он принимает его схему, он опирается на приводимые им источники, он заимствует его выводы и заключения. Но он делает еще один шаг вперед: он кладет в основу доказательства существования масоно-еврейского заговора известные уже нам подложные письма 1489 года. На основании этих писем он утверждает, что евреи и с ними масса еврейской нации никогда не переставали осуществлять свой план достижения господства над миром. В течение четырех веков евреи имели свой правительственный центр и своего верховного главу. **"Весьма вероятно,**

что эти правители брались всегда из одних и тех же семейств и что резиденцию они имели всегда в одном и том же месте в Константинополе. Благодаря своему продолжительному опыту, благодаря своему природному гению, своим неисчерпаемым богатствам, ловкости и способностям своих прямых агентов, князя Израиля успели овладеть франкмасонством и всеми его разветвлениями и обеспечить свое абсолютное господство над всем миром тайных обществ. Евреи выступают как революционеры среди других народов и против других народов, в особенности же, против народов христианских. Подобное поведение и подобные директивы им диктуются их правителями и их религиозными вождями. Таким образом им будет нетрудно превратить все страны Европы в антихристианские республики, достигнув путем войн и союзов слияния всех этих республик в одну и, наконец, поглотить их все в своей собственной республике. Тогда Европа будет преобразована в ту всемирную Республику, которую проповедают и хотят все тайные общества, вассалы и рабы евреев... Они перенесут свой центр действия и свою столицу в Иерусалим. Имея во главе одного из членов мессианистских семейств, происходящих от Давида — издавна занимающего пост великого Патриарха масонства и вместе с тем Верховного Правителя нации, — Израиль будет явно господствовать над миром. Это будет абсолютное и полное царство евреев, а вскоре после того без сомнения, царство Антихриста".

Затем наступил черед Дрюмона. С легкостью формы, с игривостью стиля, с талантом бульварного журналиста, знающего слабые стороны и пороки заманиваемой им публики, Дрюмон популяризировал бред своих предшественников — Тусснеля, Гужено де Муссо и Шаботи. Он ссылается на подложные письма 1489 года, согласно традиции предшественников, он ассоциирует заговор еврейства с интригой франкмасонства. Составители "Сионских Протоколов" не могли не использовать Дрюмона, этого короля антисемитской литературы нового времени, плагируя его непосредственно или же давая отражение его мыслей и утверждений.

Мы имеем уже перед собой всю схему "Сионских Протоколов" как изложение плана масоно-еврейского заговора. Не хватает еще идеи съезда или собрания еврейских вождей ("Сионских мудрецов"), обмена мыслей между ними и закрепления речей в "отчетах" или "протоколах". Осуществление миссии создания подобной фабулы выпало на долю творчества немецкого антисемитизма.

В период между 1866 и 1870 г.г. бывший прусский почтовый чиновник и полицейский шпион Герман Гедше, прогнанный со службы за участие в подлоге против демократического деятеля Бенедикта Вальдека, издал в Берлине, под псевдонимом Sir John Retcliffe, ряд историко-политических романов "Biarritz-Rome", одна из глав которых посвящена описанию таинственного собрания "Избранников Израиля" на еврейском кладбище в Праге, у могилы "святого раввина Симеона Бен Иегуда". Митинг изображается делом "золотого тельца", сохранившегося вместе с глубочайшими мистериями иудейской Каббалы в целях обеспечения господства евреев над всеми народами. В ряде речей еврейские избранники описывают свой план разрушения христианства с помощью золота и печати — и установления иудейского царства на развалинах современного общества. Все это сильно напоминает Гужено де Муссо и его последователя Шаботи.

Посланники еврейства на этот пражский конгресс — представители двенадцати колен Израиля. Они говорят по очереди.

Один из них, Левит, говорит, между прочим, что когда золото всего мира будет принадлежать евреям, то к ним перейдет и вся власть. Мы вспоминаем о рассуждениях, посвященных в "Сионских Протоколах" культу золота, как орудию еврейского господства. (Протоколы" №4 и №5).

Представитель колена Манассе говорит о необходимости захвата печати еврейскими заговорщиками. Мы узнаем эти мысли и самое выражение их в "Протоколах" №№ 2 и 7 ("Луч света", стр.223 и 236), где говорится, что "печать... вся уже в наших руках".

Представитель колена Зевулону говорит о революционном духе, которым проникаются народные массы, благодаря чему они подпадут под иго тех, которые обладают деньгами, так что последние все более обогащаются; здесь совмещаются обе роли сионского еврея — капиталиста-эксплуататора и революционера-социалиста. Достаточно сопоставить эти рассуждения с соответственным местом "Протокола" №6 ("Луч света", стр. 233-234), чтобы различить подробности плагиата.

Представитель колена Симеона говорит о необходимости разорить земельную аристократию, опору власти, и о необходимости овладения еврейством всей землей и всеми денежными капиталами. Та же идея проводится в "Протоколе" №6 ("Луч света", стр.233). Таким образом, выражение антагонизма между прусским юнкерством и торгово-промышленными классами в романе Гедше — Ретклиффа было скопировано в подлоге "Сионских Протоколов", как выражение недовольства русского помещичьего класса против финансовой политики некоторых царских министров, якобы не принимавших мер против задолженности и обезземеления помещного сословия. Сергей Нилус услужливо пояснил это в своих комментариях к "Протоколам" (№6) и назвал даже имя одного из виновников — министра Витте ("Луч света", стр.233).

В виде курьеза следует отметить, что представитель колена Вениамина предлагает евреям делаться врачами, ибо "врач проникает в семейные тайны и держит жизнь людей в своих руках". Это напоминает пресловутую константинопольскую грамоту 1489 года...

Мы видим, что авторы "Сионских Протоколов" щедро плагиатировали роман Гедше — Ретклиффа. Им не пришлось даже тратить труд на перевод с немецкого. В 1872 г. русский перевод интересующей нас главы романа вышел в С.-Петербурге (типография Товарищества "Общественная польза") под названием "Еврейское кладбище в Праге и совет представителей 12 колен Израилевых". В предисловии к этому говорится, что "содержание легенды не есть вымысел одного Ретклиффа".

В 1901 г. в Праге вышел чешский перевод этой книги под названием "Раввин о гоимах". Русский перевод речи раввина был издан в 1907 г. в С.-Петербурге Бутми, в книге под названием "Обличительные речи. Враги рода человеческого", о котором мы уже выше говорили — был посвящен "Союзу русского народа". Бутми наивно ссылается на речи раввина, как на доказательство подлинности "Сионских Протоколов" Нилуса. Таким образом, один подлог приводится,

как свидетельство подлинности другого подлога, который сам был частичным плагиатом с первого.

ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК ПЛАГИАТА-ПОДЛОГА "СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ": КНИГА МОРИСА ЖОЛИ

Составители "Сионских Протоколов" имели в своем распоряжении Гужено де Муссо, Шаботи, Дрюмона, роман Гедше — Ретклиффа, подложные письма и подложные речи, обрывки учебников, литературу реакции и творчество антисемитизма. Все было налицо в лаборатории подлога: и схема масоно-еврейского заговора, и тайное еврейское сверхправительство, и тайные собрания с речами и протоколами, и персонажи, и подробности плана засилья, захвата, проникновения, разращения и разрушения устоев общественного строя и религии, и замыслы приготовления войны, смуты и революции, и, наконец, — конец венчает дело! — проект воцарения всемирного иудейского царя-патриарха. Казалось, фантазия подделыватель могла легко на этой бесподобной канве шить узоры протоколов, пополняя пробелы собственной работой гения фальсификации.

Но и это еще оказалось мало. Бедность фантазии, недостаток знаний, отсутствие таланта и лень мысли побуждали составителей "Сионских Протоколов" предпочитать легкую работу интегрального плагиатирования трудной и рискованной работе сочинительства. Тут понадобился оптовый плагиат. Жертвой была избрана давно забытая, но остроумная и талантливая книга французского адвоката Мориса Жоли. Заслуга открытия этой "pièce de resistance" принадлежит константинопольскому корреспонденту газеты "Таймс" в 1921 г.

Книга Жоли — крайне едкая и крайне меткая сатира против Наполеона III и его режима. В ней рассказывается о встрече двух духов — Маккиавели и Монтескье — в царстве теней. Между ними завязывается спор. Монтескье защищает принципы либерализма и демократии. Маккиавели, напротив того,

резко критикует демократию, с которой он рекомендует бороться методами "маккиавелизма" или же упрочить власть цезаристской тирании. Идеи духа Маккиавели заключают в себе полную апологию бонапартизма. Рассуждения его распадаются на две части: критическую, направленную против демократии и производимого ею зла, и догматическую, в которой защищается вся immoralная политика Луи Наполеона (и в той и в другой части памфлета Жоли неподражаем).

Книга Жоли ничего общего с еврейством и еврейским вопросом не имеет. Составители "Сионских Протоколов" выбрали ее как преимущественный источник для подлога-плагиата потому, что она своей критической и своей положительно-догматической частью, соответствующими сфабрикованным критической и положительной частям "Сионских Протоколов" — дает сразу материал для обрисовки инсценированной в "Сионских Протоколах" разрушительной работы сионских заговорщиков, которая осуществляется ими путем демократических учреждений и нравов, и той политики, которую заговорщики думают проводить, после того как заговор увенчается успехом. В подлоге-плагиате место Маккиавели—Наполеона заняли еврейство и "Сионские мудрецы". Ядовитая ирония Мориса Жоли принимает в "Сионских Протоколах" форму серьезных разглаговльствований сатанинских заговорщиков от Сиона.

Рабским копированием памфлета Мориса Жоли объясняются вместе с тем некоторые парадоксы и странности плагиата, которые указаны выше и которые сами по себе являются уже достаточным основанием для того, чтобы признать "Сионские Протоколы" подлогом.

Половина или три четверти "Сионских Протоколов" извлечены с надлежащими изменениями из книги Мориса Жоли. Десятки страниц понадобились бы, чтобы показать параллелизм или тождество между источником и плагиатом. Здесь могут быть приведены лишь некоторые примеры.

В самом начале памфлета Жоли тень Маккиавели защищает принципы маккиавелевской политики против обвинения в безнравственности. Ту же тему обсуждают заговорщики в том же порядке в "Сионских Протоколах".

В книге Жоли тень Маккиавели говорит: "Дурной инстинкт человека сильнее доброго инстинкта. Человека тянет больше к аду, чем к добру; страх и сила действуют на него больше, чем разум... Все люди стремятся господствовать, и ни один человек не отказался бы от роли угнетателя, если бы это только было в его возможности; все или почти все готовы пожертвовать правами других людей ради собственных интересов" (Жоли, стр.8). В самом начале первого из "Сионских Протоколов" мы читаем: "Надо заметить, что люди с дурными инстинктами многочисленнее добрых, — поэтому лучшие результаты в управлении ими достигаются насилием и устрашением, а не академическими рассуждениями. Каждый человек стремится к власти, каждому хотелось бы сделаться диктатором, если только он мог бы, но при этом редкий не был бы готов жертвовать благами всех ради достижения благ своих. ("Протоколы", "Луч света", стр. 216).

Тень Маккиавели продолжает: "Что удерживает этих взаимно пожирающих друг друга зверей, которых называют людьми? В начале жизни общества действует грубая и необузданная сила, а потом — закон, т. е. опять-таки сила, регулируемая формами. Вы изучили все источники истории: всюду сила является раньше права". (Жоли, стр.8). — Первый из "Сионских Протоколов" гласит: "Что сдерживало хищных животных, которых зовут людьми? Что ими руководило до сего времени? В начале общественного строя они подчинились грубой и слепой силе, потом закону, который есть та же сила, только замаскированная. Вывожу заключение, что по закону естества, право — в силе". ("Протоколы", "Луч света", стр.226). Тень Маккиавели в памфлете Жоли часто возвращается к этой своей любимой теме о том, что сила есть право. Так, тень Маккиавели ставит вопрос: "Разве политика имеет что-нибудь общего с моралью?" (Жоли, стр. 10). Сионский мудрец отвечает в том же первом номере "Протоколов": "Политика не имеет ничего общего с моралью... Наше право — в силе. Слово "право" есть ответственная и ничем не доказанная мысль... Где начинается право? Где оно кончается?". Параллельно этому мы находим еще следующее место у Жоли: "Да разве вы не видите, что само слово "право"

отличается крайней неопределенностью? Где оно начинается, где оно кончается?" (Жоли, стр. 11).

Потом начинается классический куплет о цели, оправдывающей средства. В памфлете Жоли Маккиавели говорит: "Все хорошо или дурно, смотря по употреблению, которое из него делают, и по пользе, которую из него извлекают; цель оправдывает средства... Отсюда вытекает то заключение, что злом может быть получено добро, что добра можно достигнуть через посредство зла, все равно как лечат ядом, или как спасают жизнь операционным ножом. Меня больше занимает то, что полезно и необходимо, чем то, что хорошо и нравственно". (Жоли, стр.12). В соответственном месте "Сионских Протоколов" мы читаем: "Из временного зла, которое мы вынуждены теперь совершать, произойдет добро непоколебимого правления, которое восстановит правильный ход механизма народного бытия, нарушенного либерализмом. Результат оправдывает средства. Обратим же внимание в наших планах не столько на доброе и нравственное, сколько на нужное и полезное". ("Луч света", стр.218).

В Диалоге 4 книги Жоли Маккиавели говорит: "Вы не знаете беспредельной низости народов... Они пресмыкаются перед силой; они безжалостны к слабым, беспощадны к ошибкам и снисходительны к преступлениям; они не способны переносить тяготы свободного режима и терпеливо, вплоть до мученичества, готовы переносить все насилия смелого деспотизма; они опрокидывают в минуту гнева троны, а потом берут себе властелинов, которым они прощают преступления, за малейшее из которых они обезглавливают 20 конституционных королей". (Жоли, стр.43). Что сделали из этого места памфлета авторы подлога "Сионских Протоколов"? Мы читаем в "Протоколе" №3: "Неистощимая подлость говевских народов, ползающих перед силой, безжалостных к слабости, беспощадных к проступкам и снисходительных к преступлениям, не желающих выносить противоречий свободного строя, терпеливых до мученичества перед насилием смелого деспотизма, — вот что способствует нашей независимости. От современных премьеров-диктаторов они терпят

и выносят такие злоупотребления, за меньшее из которых они обезглавливают 20 королей". Приемы поддельвателей особенно рельефно выступают в фабрикации этой части подлога. Слово "гоевских", вставленное перед словом "народов" в начале цитаты, — слово, которого, конечно, не было в плагирированном тексте диалога Жоли, — имело целью придать еврейскую окраску всей тираде. Другой акт подделки заключается в замене слова "властелины" текста Жоли словом "премьеров-диктаторов"; бичевание узурпаторов больших и маленьких наполеонов у Жоли — уступает место в подлоге атаке на парламентаризм. Тогда выясняется странно противоречивый тон этого абзаца, в котором, с одной стороны, народные массы как бы осуждаются за отсутствие приверженности к свободному строю, — что уже является противоречием по отношению к остальному замыслу подлога, — с другой же стороны, тут же дискредитируется этот свободный строй в лице носителей идеи парламентаризма и народных избранников. Все объясняется неумелой и небрежной работой фальсификаторов.

Маккиавели доказывает у Жоли, что свобода и парламентаризм совсем не нужны народным массам: "Огромные массы прикованы к труду и бедности, как некогда они были прикованы рабством. Я вас спрашиваю, какое значение могут иметь для их счастья все ваши парламентские фикции... Какое значение может иметь для пролетария, согбенного трудом, подавленного бременем рока, что несколько ораторов может говорить, что несколько журналистов может писать? Вы создали права, которые для народных масс всегда останутся в состоянии голой возможности, ибо они никогда не смогут ими пользоваться" (Жоли, стр. 39-40). — Авторы подлога перефразировали это место в "Сионских Протоколах" (№3) следующим образом: "Народы прикованы к тяжелому труду бедностью сильнее, чем их приковывало рабство и крепостное право... Что для пролетария, труженика, согнутого в дугу над тяжелым трудом, придавленного своей участью, получение говорунами права болтать, журналистами — права писать всякую чепуху наряду с делом, раз пролетариат не имеет

иной выгоды от конституции, кроме тех жалких крох, которые мы ему бросаем с нашего стола за подачу им голосов в пользу наших предписаний и ставленников наших, наших агентов?... Мы включили в конституции такие права, которые для масс являются фиктивными, а не действительными правами."

Маккиавели рисует у Жоли план государственного переворота так, как он действительно был совершен Луи Наполеоном Бонапартом. В Диалоге 8-ом он говорит, что народ ему простит его преступление: "Вы знаете, народы чувствуют какую-то тайную любовь к гению, крупному по грубой силе. При каждом акте насилия, отмеченном талантом и искусством, вы услышите, как все будут говорить с выражением удивления, в котором совершенно забудется порицание: это, конечно, непохвально, но как это ловко сыграно и великолепно сделано" (Жоли, стр.96). — В номере 10-ом "Сионских Протоколов" мы читаем: "Народ питает особую любовь и уважение к гениям политической мощи и на все их насильственные действия отвечает: подло-то подло, но ловко... Фокус, но как было сыграно, столь величественно нахально" ("Луч света", стр.240).

Маккиавели иллюстрирует затем у Жоли факт создания престижа правителя после применения системы беспощадного террора, примером Суллы. После страшного кровопролития, произведенного им в Италии, Сулла смог появиться снова в Риме в качестве простого частного человека. Никто не тронул волоса на его голове (Жоли, стр.159). В номере 15-ом "Сионских Протоколов" мы читаем: "Вспомните пример того, как залитая кровью Италия не коснулась волоса с головы Суллы, который пролил эту кровь" ("Луч света", стр.256). Французское слово *Sylla* из текста Жоли было при этом переведено "Силла", а не "Сулла", (как это произносится по-латыни).

Для нас теперь выясняется, почему политическая программа Царя Иудейского в "Сионских Протоколах" так сильно напоминает политику абсолютизма или бонапартизма. Поддельватель копировал "Диалоги" Жоли, которые, хотя и сарка-

стически, рисуют нравы бонапартистской реакции.

В 17-ом Диалоге Маккиавели рисует чудовищную, всезнающую, всюду проникающую бонапартистскую полицию, которую он сравнивает с богом Вишну: "Вы имеете сто рук, как индийский идол, и каждый из ваших пальцев держит пружину" (Жоли, стр. 207). Этому месту соответствует 17-ый "Протокол", в котором мы читаем: "Наше царство будет аналогией божка Вишну, в котором находится олицетворение его — в наших ста руках будет по пружине социальной машины" ("Луч света", стр.265). Сравнение с богом Вишну делается у Жоли еще второй раз, а именно, а 12-ом Диалоге (Жоли, стр.141), где Маккиавели говорит о правительственной печати: "Как бог Вишну, пресса моя будет иметь сто рук, которые она будет протягивать всем нюансам общественного мнения на всей поверхности страны". — Соответственно этому второе сравнение с богом Вишну имеется в 12-ом из "Сионских Протоколов": "Они, (т.е. наши газеты), как индийский божок Вишну, будут иметь сто рук, из которых каждая будет щупать пульс у любого из общественных мнений ("Луч света", стр. 249).

Потом наступает момент апофеоза монарха. Поддельвателю-плагиатору после Гужено де Муссо и Шаботи приходит на помощь безвинный Жоли. В инсценировке Божества маленький Наполен превращается в царя-патриарха иудейского "Сионских Протоколов".

В памфлете Жоли жестокий тиран, по рецепту Маккиавели, начинает становиться популярным и симпатичным. Маккиавели говорит о необходимости видимого общения правителя с народом ради усиления престижа первого: "Когда несчастный испытывает притеснения, он говорит: "Если бы это знал царь!" Когда чувствуется потребность мести, когда жаждут помощи, говорят: "Это станет известным царю" (Жоли, Диалог 21-ый, стр.321; Диалог 17-ый, стр.212). — "Сионские Протоколы" много говорят об окружении царя народом и о мистическом ореоле, который создается вокруг царя: "Ореол власти требует для своего существования, чтобы

народ мог сказать: "Когда бы знал об этом царь... или "Царь об этом узнает". ("Луч света", стр.267).

Цикл плагиата-подлога закончен.

АВТОРЫ ПОДЛОГА -

ПЛАГИАТОРЫ И ПОСРЕДНИКИ

"Сионские Протоколы" перестали для нас быть тайной. Плагиат несомненен. Подлог доказан. Но кто автор подлога? Каковы его цели и мотивы?

Вопрос этот был разрешен свидетельскими показаниями. Ибо нашлись свидетели свершения подлога.

В "American Hebrew" (№№ 15 и 16, 1921 г.) по поводу "Сионских Протоколов" были напечатаны беседы с княгиней Радзивилл и с г-жей Генриэтт Херблет. На ту же тему за подписью княгини Радзивилл была напечатана статья в мартовской книжке "Revue Mondiale", совпадающая с интервью, напечатанном в "American Hebrew". Наконец, княгиня Радзивилл выступила в Бруклине с публичным докладом о происхождении "Сионских Протоколов"; отчет об этом докладе был помещен во многих американских газетах.

Княгиня Радзивилл принадлежит к старой русской аристократии. Она много писала по русским и иностранным вопросам.

Княгиня Радзивилл видела рукопись "Сионских Протоколов" тогда, когда над ней производились операции в Париже агентами русской охранки. Вот что говорит по этому поводу княгиня Радзивилл:

Уже после убийства Александра II сын и наследник его Александр III был крайне огорчен тем, что убийство отца всецело было подготовлено и осуществлено русскими, и в частности, русскими, принадлежащими к высшему классу общества...

Вожди консервативной партии всячески старались убедить Александра III в том, что убийство его отца вызвано еврейскими интригами, направленными на уничтожение всех монархов.

Задачу убедить государя взял на себя генерал Оржевский, игравший тогда в департаменте политической полиции большую роль.

Были посланы агенты в Париж, и поручено им изготовление всяких документов. Агенты эти выполнили работу тщательно и ловко. Они перерыли старые книги, использовали выдержки из сочинений еврейских философов и искали в летописях Великой Французской Революции подходящий материал. Цель работы их состояла в том, чтобы доказать, что еврейство включает в себе банду убийц, стремящихся к ниспровержению властей, основ строя, во главе которого стоял Александр III

Не имея прямого доступа к царю, генерал Оржевский пытался добраться до него через начальника конвоя генерала Черевина. Черевин отказался участвовать в интриге.

Один из парижских докладов остался в архиве Департамента полиции.

После японской войны и Первой русской революции агенты русской тайной полиции снова задались целью влиять в том же смысле на царя. Требовалось найти доказательства того, что русские довольны режимом.

Кто-то вспомнил о документе Оржевского, хранившемся в Департаменте полиции. Документ этот разыскали и подвергли рассмотрению. Его признали годным для пользования. В Париж послали агентов, поручив им дополнить и переработать рукопись с целью придать ей более современный характер.

Лица, на которых возложено было поручение, были: прежде всего, "знаменитый" начальник русской тайной полиции в Париже Рачковский, затем Манасевич-Мануйлов и, наконец, Матвей Головинский, мать которого была крупной помещицей в Уфимской губернии, где у нее было имение.

Свой рассказ г-жа Радзивилл относит к 1904-1905 г.г.

"Я жила тогда, — говорит княгиня Радзивилл, — в Париже. Головинский явился ко мне с визитом. Я приняла его как человека, с матерью которого я была хорошо знакома; но мне не было тогда известно, что он служит в тайной полиции.

Однажды он показал мне и нескольким приятелям сочинение, над которым он работал с Рачковским и Мануйловым.. Он сказал, что книга эта имеет целью установить существование обширного еврейского заговора против общего мира. Единственным средством бороться с этим заговором было, по его мнению, выселение всех евреев из России...

Мне неоднократно пришлось видеть эту рукопись, видели ее и некоторые мои друзья, среди которых была одна американка, находящаяся сейчас в Нью-Йорке.

Рукопись эта была составлена на французском языке и писана рукой, но разными почерками, на желтоватой бумаге. Помню отчетливо, что на первой странице было огромное синее чернильное пятно.

Позднее я узнала, что рукопись эта целиком включена Сергеем Нилусом в знаменитую книгу, напечатанную в типографии Красного Креста в Царском Селе"...

Упомянутая княгиней Радзивилл американка, г-жа Генриэтт Херблетт, имела беседу с сотрудником "American Hebrew" (№ 16, 4 марта 1921 г.), которому она подтвердила заявление княгини Радзивилл о том, что "Протоколы" сочинены тремя агентами тайной русской полиции, Рачковским, Манасевичем-Мануйловым и Головинским с целью сделать евреев козлом отпущения за революцию. Она встречалась у княгини Радзивилл в Париже с Головинским, который туда приходил прямо из Национальной библиотеки, где делалась компиляция, имея при себе рукопись.

"Помню тот раз, — сказала г-жа Херблетт, — когда он пришел с законченной рукописью; помню, она была на французском языке, но писана разными почерками. Она была на желтоватой бумаге и перевязана белой лентой. На первой странице было большое синее пятно... Я — антисемитка. Когда я услышала про "Сионистские Протоколы" и прочитала о них, я немедленно раздобыла себе эту книгу. Мне тогда не приходило в голову, что она может находиться в какой-нибудь связи с моими парижскими друзьями. Но как только я раскрыла книгу, я немедленно сказала себе: "А, я вижу моего друга Головинского"... Не подлежит сомнению, что документ Головинского и "Протоколы" — одно и то же".

Совпадением свидетельства двух дам, из которых одна признает себя антисемиткой, вполне решается вопрос об авторстве подлога "Сионских Протоколов".

"Протоколы были сфабрикованы теми, кому это было полезно. Это было полезно русской охранке. И охранники сделали подлог.

Один из сотрудников Рачковского подтвердил С.Г.Сватинову в общей форме, что "Протоколы" созданы по заказу Рачковского ("Еврейская трибуна", №87, 26 августа 1921г.).

"Протоколы" могли быть окончательно сфабрикованы в годы 1895-1900. Уже охранники 80-х годов могли использовать все главные источники подлога. С другой стороны, несомненно, что окончательная редакция "Сионских Протоколов" могла быть готова не ранее конца 90-х годов прошлого столетия. В "Сионских Протоколах" упоминается о "Панаме", о Буржуа, как "масонском агенте", о "метрополитенах". Панамский скандал разразился во Франции в начале 1890 года (министерство Буржуа образовалось в 1896 г.), а постройка метрополитена началась в Париже в конце 1890-х г.г. Кроме того, многочисленные места "Сионских Протоколов" отражают клерикально-реакционную и антисемитскую кампанию, происходившую во второй половине 90-х г.г. в связи с делом Дрейфуса и легендой о "еврейском синдикате" в защиту невинно осужденного офицера. Отсюда следует, что первоначальный текст "Сионских Протоколов" должен был быть переработан в конце 90-х г.г. прошлого столетия.

В архивах департамента полиции, в Перербурге была найдена записка под заглавием "Тайна еврейства", датированная 10 февраля 1895 г. В этой записке развивается уже существующая идея "масоно-еврейского заговора" и "Сионских Протоколов".

Автор записки советует правительству раскрыть глаза благомыслящим элементам русского общества "как на зловредную тайную силу, кроющуюся в еврействе вообще, так и на первенствующую роль последнего в русском революционном движении; осуществить это было бы легче всего, осветив печатно, в популярном изложении, — тайные еврейские замыслы против всего христианского мира и России, в частности".

Не является ли эта записка одним из документов доклада Оржевского? Не представляет ли она первоначальный набросок "Сионских Протоколов" перед окончательной их фабрикацией? Во всяком случае, видно, что царская охранка в 90-ые годы была занята проектами, относящимися к фабрикации документов против евреев.

Свидетельства княгини Радзивилл и г-жи Херблетт относят окончательную переработку "Сионских Протоколов" охранниками в Париже к 1904-1905 г.г., эпохе японской войны. Между всеми данными существует полное совпадение, кроме только определения даты последней редакции подлога, причем обнаруживается разница приблизительно в одно пятилетие. Объясняется это видимое расхождение дат, скорее всего, простой брешью в воспоминаниях обеих свидетельниц, которые в действительности наблюдали работу Головинского в Париже раньше указанного ими момента.

Капитальную важность для нас имеет тот факт, что авторство охранников в подлоге установлено.

Окончание в следующем номере.

Израэль ШАМИР

ОДИССЕЯ КАВАЛЕРА ЛОУРЕНСА

Т.Е. Лоуренс, писатель, разведчик, кавалер ордена Бани, эмир Мекки, английский командир арабских армий в дни первой мировой войны, короче, Лоуренс Аравийский давно стал легендой — его представляешь, как Питера О'Тула, скачущим в белом бурнусе на благородном коне перед лавой аравийских бедуинов, налетающих на турецкие редуты. В возрасте тридцати лет он вернулся из Аравии, покрытый славой и загаром, свободно говорящий по-арабски, друг эмиров, покоритель Дамаска, и пленил Англию.

Среди его горячих поклонников был молодой Уинстон Черчилль, сказавший о нем: "Лоуренс — один из величайших наших современников". Но автор "Александрийского квартета" Лоуренс Даррел, прочитав книгу Лоуренса, отозвался проще: "Это — гаденькая мелкая тварь".

Оба были правы. Лоуренс был сложнее легенды о Лоуренсе и образа, созданного Питером О'Тулом. Этот покоритель аравийских пустынь, ученый-востоковед, выпускник Оксфорда, незаконный сын ирландского баронета распознал в

своей душе небывалые высоты и мрачные глубины и отразил в своих книгах влияние темных сил души.

Лоуренс, как и его современник Джойс, был родом из Ирландии. Его отец, ирландский баронет, бросил жену и бежал с будущей матерью Лоуренса в Англию. Верующий католик, он так и не развелся с законной женой, хотя и прожил с матерью Лоуренса до самой своей смерти. Мать Лоуренса умерла относительно недавно, в пятидесятых годах, почти столетней старухой, после долгой миссионерской деятельности в Китае. Были они людьми приятными и богобоязненными, но сам Лоуренс считал: "Таким людям, как мои родители, было б лучше вовсе не иметь детей".

Мать Лоуренса была слишком сильной личностью, и поэтому он отказался жениться, обзавестись семьей. В средние века такой человек ушел бы в монастырь. Отказавшийся от веры в Бога, Лоуренс ушел в армию.

В армию он пришел непрямым путем. В Оксфорде он изучал классику и арабистику, выбрал темой своей диссертации "Замки крестоносцев в Сирии и Палестине" и отправился один бродить по Ближнему Востоку. Он потрясал всех своей выдержкой. Без денег, без помощников, он забирался в глухие села, пересекал пустыни. Он отстреливался от бандитов, выпрашивал еду у феллахов, учил арабский. Он писал: "Я живу среди арабов, как араб, и их жизнь мне виднее, чем путешественникам со слугами и верблюдами. Трудно будет снова стать англичанином".

Эта подготовка помогла ему — на него обратила внимание английская разведка. Первая мировая война уже висела в воздухе, и сидевшие в Египте англичане уже готовились к конфронтации с Оттоманской империей, простиравшейся от Балкан до аравийских пустынь. Лоуренс и еще несколько арабистов и топографов включились в киплинговскую "Большую игру" — они были посланы на рекогносцировку Синая и Негева под прикрытием археологических исследований. Эта операция прошла удачно, и когда вспыхнула война, Лоуренс получил новое важное задание, определившее его судьбу — он отправился в Аравийскую пустыню

для того, чтобы поднять мятеж арабских племен, перерезать турецкие линии в Хиджазе и Палестине, короче — вести партизанскую войну.

Вернувшись с победой, он описал свой поход в несколько ницшеанском романе-эпосе "Семь столпов мудрости". Этот роман написан пьянящей чеканной прозой:

"Годами мы жили, как попало, в голой пустыне над безразличными небесами. Днем нас опьяняло горячее солнце, бьющий ветер кружил наши головы. Ночью нас пятнила роса, и бесчисленные молчания звезд стыдили нас нашей малостью. Мы были самодовлеющей армией без парадов и красот, из бравшей волю, эту вторую страсть людскую, цель столь прожорливую, что она поглощала все наши силы. Мы продались ей в рабство, заковали себя в кандалы во имя свободы, склонились служить ее святости всем добрым и злым в нас. Душа раба людского ужасна — он утратил мир, а мы отдали не только тело, но и душу всепокоряющей жажде победы. Своей волей мы лишились чувств, морали и ответственности и остались, как засохшие листья на ветру.

Порывы жестокости, извращений, похоти легко пробежали по поверхности, не тревожа наши глубины. Мы узнали муки, слишком острые, восторги слишком высокие для наших ограниченных натур. Тела были слишком грубыми, чтобы ощутить пределы наших печалей и радостей, поэтому мы отбросили их, как мусор, мы оставили наши тела позади, внизу, чтоб шагать вперед.

Наши руки были в крови, кровь была нам позволена. Раны и смерть казались эфемерной болью, так коротка и тяжела была наша жизнь. Когда горечь жизни так велика, горечь наказания должна быть безжалостной.

Бедуин пустыни, рожденный и выросший в ней, принял всей душой ее наготу, слишком суровую для пришельцев, и оказался абсолютно свободен. Он утратил узы вещей, удобства, все излишнее и приобрел личную свободу, граничащую с голодом и смертью. Мир семитов не знает полутон. Они — люди основных цветов, скорее — черного и белого, видящие лишь контуры мироздания.

Они презирают сомнения, этот терновый венец нашего века. Они не понимают наших метафизических мучений, нашего самокопания, они знают лишь правду и неправду, веру и неверие, без наших оттенков и полутонов. Далекие от болезненной тяги к смерти, они воспринимают дар жизни как нечто непреложное, само собой подразумевающееся. Самоубийство для них невозможно, и смерть — не беда".

Об успехе партизанской войны Лоуренса мнения разноречивы. Основным занятием повстанцев были налеты на турецкие поезда на Хиджазской железной дороге, соединявшей Медину с Дамаском. Денег он тратил на это немало. Современники описывают его, одетого в арабские одеяния, как шейха, на коне, с десятком тысяч золотых в переметных сумах. Реально повстанцам удалось взять порт Акабу на Красном море и дойти до Дамаска.

В Палестине Лоуренс активно поддерживал декларацию Бальфура и выступил за еврейскую колонизацию страны, полагая, что арабы согласятся с этим. За эту позицию преклонявшийся перед ним Редьярд Киплинг даже прозвал его "жидолюбом". В "Семи столпах мудрости" содержится следующее описание евреев Палестины в 1918 году:

"В долине Иордана традиционные ученые мужи Израиля создали себе образ жизни, подобающий этой стране, а новоприбывшие, взявшие себе Германию за образец, завели странные обычаи и странные посева и европейские дома на земле Палестины, слишком немощной и бедной, чтоб воздать им за их усилия. Но все же земля их терпела. Галилея не показывала той глубокой неприязни к еврейским колонистам, которой отвратительно отличалась соседняя Иудея.

В Иудее жили немецкие евреи, говорившие по-немецки или на идиш, не выносившие контактов с чужими; некоторые из них крестьянствовали, большинство были лавочниками, самая чужеродная часть населения страны.

А вокруг зыркали их враги, мрачные и угрюмые палестинские крестьяне, дурнее феллахов северной Сирии, жадные, как египтяне, и духовно несостоятельные".

Эту странную, проеврейскую и антипалестинскую позицию выдающегося арабиста объясняют тем, что он любил кочевых арабов-бедуинов и терпеть не мог оседлых арабов. Палестинские крестьяне и ливанские купцы представлялись ему главными врагами бедуинов, и он думал, что евреи заступятся за них.

Я слышал от израильского писателя Беньямина Таммуза, что роман даже посвящен палестинской еврейке Сарре Аронсон, героине подпольной группы "Нили", шпионившей в пользу англичан и покончившей с собой в момент ареста турками. Но обычно считают, что С.А., которой (или которому) посвящен роман, — это Шариф Али, соратник Лоуренса.

Отношения между Али и Лоуренсом были непростыми, некоторые биографы считают, что они были любовниками. По мнению Десмонда Стюарта, Али и Лоуренс отдавались садо-мазохистским радостям: они бичевали друг друга плетями во искупление вины — им не удалось перерезать линии врага. И в послевоенные годы Лоуренс просил солдат избивать его плетью, что, впрочем, можно понимать и не как сексуальное извращение, но как способ умерщвления плоти.

Женщин он боялся и не любил: "Секс — это невыносимое унижение для женщины, но вообще секс не стоит столько шума. Я почти не встречал людей, которым секс был бы не до лампочки. Мне нравятся некоторые женщины, но женский пол я не люблю — женские обнаженные тела так невыразительны...". Но молодые люди казались ему привлекательными и однополая любовь представлялась относительно чистой: "Крашеное мясо публичных женщин не подходило человеку со здоровыми чувствами, и в ужасе от этой грязной торговли наши юнцы безразлично утоляли немногие страсти своими чистыми телами, что казалось бесполом и даже чистейшим".

Все же в послевоенные годы у него точно не было ни любовников, ни любовниц, идея плотской любви его не интересовала и даже отталкивала. Самый эротический момент "Семи столпов мудрости" относится многими критиками

к области мазохистских мечтаний — это сцена избиения в Дераа.

"После того, как я попал в плен... в потемках трое солдат пришли за мной. Они вывели меня, держа за руки. Я проклял свою малость, не давшую мне сбежать. Мы подошли к двухэтажному дому, меня провели на второй этаж, в комнату турецкого бея, возможно, в его опочивальню.

Бей был тучным и дородным, он сидел на кровати в халате, покрытый потом и трясся, как в лихорадке. Прерывающимся голосом он приказал мне сесть перед ним, а затем схватил меня в свои объятия. Я отбивался, а он уговаривал меня, приговаривая, что я бел и свеж, с нежными руками и ногами, что он освободит меня от учений и маневров, сделает своим ординарцем, даже будет платить мне зарплату, если я его люблю. (Когда Лоуренс отказался, бей приказал избить его).

Они (солдаты) растянули меня на скамейке, двое прижали мои ноги, двое выкрутили руки. Сержант вернулся с черкесским бичом, длинной полосой мятой черной кожи, толщиной с большой палец у посеребренной рукояти и с тонким, как карандаш, наконечником. Бич просвистел над моим ухом, и сержант сказал, что после десятого удара я буду умолять о пощаде, а после двадцатого — о ласках бея. Затем он стал рьяно полосовать меня поперек тела изо всех сил. Я сжал зубы, чтоб выдержать это испытание.

Где-то тикал дешевый будильник, и меня расстраивало, что меня бьют не в такт ему. Когда побои прекращались, солдаты развлекались со мной самым невыразимым образом. Затем побои продолжались. Наконец я был совершенно сломлен. Я лежал на спине на грязном полу, задыхаясь в ошеломлении, и все же абсолютно покойный и довольный. Сержант пнул меня кованым сапогом, и я бессмысленно улыбнулся ему: восхитительное тепло, наверно, сексуального свойства, растеклось по моему телу...

Этой ночью в Дераа безвозвратно пала цитадель моей целостности".

Но, как мы уже замечали, многие считают эт*

*Пропущен текст (не закончена строка) - Д. Т.

думанной, не основанной на подлинном событии.

После недолгой гражданской жизни Лоуренс вернулся в армию простым солдатом, как другие уходят в монастырь.

Одно время он служил в Индии, но затем сам факт пребывания знаменитого экс-разведчика вблизи советской Средней Азии показался Сталину подозрительным. В России пошли слухи, что Лоуренс стоит за восстанием басмачей, этих душманов двадцатых годов. Тогда начальство, от греха подалее, перевело его в Англию.

Ему не хватало остроты ощущений, и армия, видимо, хотя и соответствовала одной стороне его души, но не могла дать полное удовлетворение. Впрочем, он оставался в строю до конца, наступившего в 1935 году, когда его мотоцикл врубился на полном ходу в грузовик. Он умер, как и жил, как пристало солдату и поэту, — со скоростью ста миль в час.

Кроме "Семи столпов мудрости" он оставил еще два произведения: "Чеканка", об армейской службе, и перевод "Одиссеи" Гомера. (1932 год).

С идеей "Одиссеи" он тешился немало. Десмонд Стюарт видит и в "Семи столпах мудрости" Одиссею — только наоборот: вместо моря — пустыня, вместо Итаки со ждущей Пенелопой — пустой Дамаск, в котором нет благородного Али.

В "Одиссее" Лоуренс видел и любил жестокость, брутальность, он ценил культ силы и считал убийство родом занятий, как и Гомер. Поэтому и перевод его — двадцать восьмой по счету перевод "Одиссеи" на английский — отличается прямой и жестокостью.

Для русского читателя он особенно интересен, потому что мы привыкли читать Гомера сквозь призму Жуковского, великого, переводчика, но переводчика своего времени.

Василий Андреевич Жуковский склонен был добавить изящества Гомеру, снять языческие вольности, заменить "бога" на "демона", да и его гекзаметр не очень легко воспринимается современным читателем.

В результате современный русский читатель мало знаком

с "Одиссеей", и ее мотивы у Джойса ему мало понятны: ведь пропасть меж Джойсом и Жуковским бесконечно глубока, но Гомер Джойса и Гомер его современника Лоуренса гораздо ближе друг к другу.

Мы предлагаем читателю наш перевод лоуренсовского перевода "Циклопа", отрывка из IX песни "Одиссеи", соответствующего главе из Джойса, напечатанной в 80 номере.

* * *

ПЕСНЬ IX. ЦИКЛОП

ВВЕДЕНИЕ

Лоуренс-путешественник, разведчик, топограф обращал особое внимание на конкретную топографию Гомера, и поэтому стоит проследить по карте путь Одиссея до его прихода к циклопам. Как и Джойс, Лоуренс считал, что Одиссей был не мифическим героем, но подлинным мореплавателем, совершившим одно из первых путешествий в Западное Средиземноморье.

После штурма Трои Одиссей с дружиной разграбил Исмар и двинулся в сторону родной Итаки, когда ветер унес его далеко на запад. Его исходная точка была на крайнем юге Греции, и после девяти дней и девяти ночей плавания он пристал к берегам страны лотофагов, пожирателей лотоса, по мнению Страбона — остров Джерба у берегов Туниса. Со Страбоном соглашается и Виктор Берар, кумир Джойса.

Некоторые считают, что приносящим забвение лотосом была индийская конопля, или попросту гашиш: "Три спутника Одиссея, вкусившие лотоса, жили, как в дреме. Затем их состояние ухудшилось, пришлось их привязывать к банкам. Они рыдали и молили о лотосе. Насколько я знаю, только одно растение способно вызвать такой эффект. Оно вызывает его и по сей день. Попробуйте, отнимите "план" у наркомана...".

Это объяснение согласуется и с концепцией Берара, по которой

прототип "Одиссеи" — финикийская лоция, во многих лоциях и по сей день в начале помещают предупреждение морякам об опасности, грозящей им в незнакомых портах; наркотики, женщины и вообще.

От страны лотофагов Одиссей попытался повернуть домой, и по пути попал к циклопам. Одиссей подробнейшим образом описывает топографию местности: малый остров с гаванью, изобилием коз, источником неподалеку от земли циклопов — Большой земли.

Древние считали, что речь идет о Сицилии — это самая ближняя к Джербе земля. Тогда малым островом могла бы быть Фавиньяна, или Эгуза, "козлиный остров", у берегов Трапани. А поскольку Полифем обычно связывается с вулканом, там же есть и вулкан Эрике.

По другой теории вулканом Полифема могла бы быть Этна, подалее от Джербы. Но Виктор Берар утверждает, что страна циклопов — не Сицилия, а Неаполитанский залив, в районе вулкана Сольфатары, где лежит маленький остров Нисида. Берар нашел и пещеру, соответствующую описаниям Гомера, на склоне горы Посиллипо.

Исраэль ШАМИР

...Мы подошли к земле заносчивых, неправых циклопов, что во всем полагаются на Богов, а сами не пашут и не возделывают угодий, и все же множество произрастает несеянных и небороненных хлебов и ячменя, и лоз с тяжелыми гроздьями тож, а их утучняют Зевесовы дожди. Нет у них ни властей, ни советов, ни судов правосудия, а живут они в горных пещерах, всяк царит над своими женами и детьми, сам себе закон, безотчетно.

У лукоморья циклопов не близко, не далеко, лежит плодородный остров, лесистый остров. На нем водятся неслетные дикие козы. Люди их там не пугают, охотники с собаками не* выслеживают, ломаясь сквозь заросли к перевалам. Молодую поросль не травят овцы и не рушат плуги. Но остается это место в одиночестве, невозделанное, рай для бляющих коз, затем что нет у циклопов ни охрянощек кораблей, ни зодчих, что умеют строить мореходные суда для приятных плаваний по городам Вселенной, как у обычных людей, что искушают моря на других посмотреть и себя показать. Иначе они могли бы забрать себе этот остров, потому что он совсем неплох. Все бы хорошо уро-

жалось в свой черед в его мягких влажных лугах за рвом серебристого моря, а здешней лозе не было б переводу. Урожай, снятый в срок с такой ровной нивки, был бы тяжел, затем что подпочва тучна. Его гавань — готовый порт, где не нужны якоря и швартовы. Корабли можно прямо посадить на береговую отмель и оставить безбоязненно, пока моряки собираются с духом в путь или пока не задует благоприятный ветер. А в глубине залива бежит чистая струя источника, бьющего в пещере. Черные тополя осеняют ее.

Мы вошли в бухту, несомненно, направляемые каким-нибудь Богом, потому что ночь была кромешная, беспросветная. Туман окутал наши суда, и луч луны не мог пробиться с неба сквозь низкие облака. Так мы не видали ни острова, ни волн, длинных, медленно наплывающих на укрытый берег. Мы лишь почувствовали, как наши добрые суда плавно легли на грунт. Лишь они коснулись земли, мы убрали паруса и сошли на берег и тут же, прямо у кромки воды, утонули в глубоком сне, ожидая Богиню Зарю. Когда Она пришла, розовопестрая, мы в изумленье пустились в обход по острову, а нимфы, дочери самого Зевеса, вспугнули для нас диких коз с гор, моей команде на обед.

Мы кинулись по кораблям за гнутыми луками и дротиками с долгими наконечниками и стали стрелять, разбившись на три отряда. Очень скоро Бог послал нам дичи, сколько душе угодно: добычи была такая пропасть, что по девять коз досталось на каждый из 12 кораблей моей флотилии. А для моего корабля, в знак особой привилегии, было отпущено десять. Потом весь долгий день, пока солнце не зашло, мы пировали. Мяса было до отвала и выпивка отличная, красное вино еще не иссякло в трюмах наших кораблей, затем что мы захватили не один винный погреб при штурме святыни киконов.

Так мы обедали, поглядывая на Страну циклопов, столь близкую, что мы видели подымающийся там дым и слышали голоса людей и бляние овец и коз, пока, наконец, солнце не село и спустился мрак, а тогда мы растянулись в дремоте прямо на кромке моря.

На рассвете я созвал своих людей на совет и изложил им свой план: "Оставайтесь здесь, верные товарищи, а я со своим кораблем и командой быстро двину туда, посмотрю, кто там живет — грубые дикари или гостеприимные, чтущие Богов и справедливость люди".

Отдав этот приказ, я пошел к своему кораблю и велел команде выбрать кабельтовы и подняться на борт. Они подчинились и лихо уселись на гребных банках. Море побледнело под ударами их весел.

Когда мы подошли к ближайшему берегу, мы увидели на мысу пещеру, величественную пещеру под сводами лавров. Судя по всему, на ночь в нее загоняли большие стада овец и коз. Вокруг зева пещеры крепостенный двор был сооружен из глубоко врытых скал, а за ними, — изгородь из стволов высоких сосен и разлапистых дубов. На самом деле это было логово великана, чудовищного монстра, который пас свои стада вдали от берлоги и избегал контактов с людьми, был он одинокой, неверной тварью, это чудище, и страшного обличья: не на манеру человека, едящего хлеб, но вида совершенно исключительного и выдающегося, наподобие поросшего деревьями горного утеса.

Я приказал своим верным морякам оставаться на страже у корабля, а сам выбрал двенадцать лучших, по моему усмотрению, людей для вылазки и пустился с ними в путь. В последний момент я захватил с собой мех крепкого вина, выдержанного и бархатистого, что досталось мне от Марона, сына Еванфа, жреца Аполлона, Бога-хранителя Исмара.

Марон жил в своей густой роще (посвященной Аполлону Фебу), и мы, когда разоряли Исмар, богобоязненно пощадили его и его жену и ребенка. В выкуп он дал мне ценные дары — семь талантов червонного золота и чашу чистого серебра, и это — кроме отменного вина, которого он нацедил нам чистарем двенадцать кувшинов. Только он сам и жена его и ключница и знали секрет этого вина — рабыням и служанкам он не доверял его. Когда хотел Марон отведать вина, то нацеживал лишь одну меру глубокого блаженства и разбавлял двадцатью мерами воды; и тогда от чаши шел

сладкий, чисто небесный дух, и воздержаться от выпивки было уже не вмоготу. Большой мех я наполнил этим зельем и взял с собой; и еще захватил я зерна в кожаной суме, потому что в этот миг подсказывал мне вещий инстинкт, что мы можем столкнуться со странным и лютым чудищем неимоверной силы, не ведающим правды и кривды и неудержимым.

Вскоре мы оказались в пещере и нашли, что ее обитатель отсутствовал, он пас свои отменные стада на пажитях. Мы обследовали пещеру, округлившимися глазами взирая на штабеля сыров и наполненные стойла козлят и ягнят, размещенных по отдельности — весенний помет тут, осенний там, и новорожденные сбоку. Стояли там кадки, чаны и ведра, наполненные до краев сывороткой — ладно сработанные сосуды, вдобавок, были эти молочные сосуды. Мои моряки сразу же обратились ко мне с просьбой: позволить им забрать сыры и удрать, а затем живо обернуться и угнать козлят и ягнят из загонов к кораблю и поспешно отчалить. Этот совет, на поверку оказался бы самым прибыльным для нас, но я не внял ему, так уж я настроился на встречу с хозяином, надеясь получить от него гостевой дар. Однако его приход обернулся катастрофой для моего отряда.

Мы разложили костер, принесли жертву всесожжения и налегли на сыры. Так мы сидели в гроте и ждали, когда вернется домой наш хозяин с выпаса. Он принес с собой неимоверную грудку хвороста на растопку очага и швырнул ее на пол пещеры с таким грохотом, что мы в ужасе разлетелись по дальним углам. Затем он вогнал под своды свое восхитительное стадо, точнее, дойных маток. Прочих, козлов и баранов, он оставил на просторном дворе перед входом. Потом он поднял и вставил в зев пещеры громадную каменную плиту, исполинскую, как и он сам. Ни два, ни двадцать два крепких двуосных воза не сдвинули бы его с места, так огромен был этот утес, преграждавший вход.

После этого он уселся доить своих овец и блеющих коз, всех по порядку, подкладывая напоследок под каждую матку ее ягненка или козленка. Половину надоенного бе-

лого молока он сжеживал и давил из него сыр в плетеных корзинках. А другую половину удоя он оставлял в ведре про запас на ужин, чтобы утолить жажду.

До сих пор великан был увлечен работой, но тут он разложил костер, огляделся и увидел нас. "Ага, странники, — сказал он, — кто вы и из каких заморских мест принесло вас? Купцы ли вы? Или пираты, добытчики, что рыскают по морю на свой страх и риск, грабя всех встречных себе в добычу?" Так он вопрошал, и наша самоуверенность дала трещину от гулко устрещающего голоса великана и от громадины его стана. Все же я сделал усилие и отвечал твердо: "Мы — бесприютные ахейцы, плывем домой из Трои, но сбились с курса, гонимы по бессчетным заливам Океана противными ветрами с неба: может, по воле и намерению Зевеса. Мы величаем себя соратниками Атрида, бойцами Агамемнона, который снискал себе всеместную славу под небесами, взяв и разорив величайший город земли и приведя такие множества людей к смерти. А затем мы припадаем с мольбой к твоим коленам в чаяньи вина или иного богатого дара — награды странникам. Почти Богов, о Великолепный! Мы, пришельцы и молителю перед тобой, а сам Зевес, который не оставляет достойных путников — защитник и Бог-хранитель пришельцев". Лишь успел я это вымолвить, как из глубин безжалостного сердца пришел ответ: "Сэр Странник, ты либо слишком прост либо слишком нездешен, коль заклинаешь меня бояться Богов и не гневить их. Мы — циклопы, мы их больше и ничуть не внимаем ни Зевесу с его эгидой, ни другому блаженному Богу. Если бы я пощадил тебя и твоих друзей, то не для того, чтобы отвратить ярость Зевеса, но лишь по зову сердца, склонного к милости. А сейчас скажи мне, где вы поставили на прикол ваше прочное судно на дальнем берегу или на ближнем? Я хочу знать". Такими словами он пытался поймать меня в мастерский капкан, но моему острому уму его мошенничество было очевидно. И я ответил ему обманом на обман: "Мой корабль сокрушил Колебатель земли Посейсидон. Он понес судно на мыс на самом краю вашей земли и

бросил прямо на рифы: так пригнал нас ветер с открытого моря. Лишь я с этой горсткою спасен". Так я сказал. Его свирепость презрела ответным словом. Он вскочил на ноги, сделал выпад, подцепил двух моих спутников, как щенят и трахнул их головами оземь. Их мозги вырвались из лопнувших черепов и расплескались по полу пещеры, а он разломал их тела на куски и жадно, как горный лев, сожрал без остатка все, потроха и мясо и кости, вплоть до костного мозга. Мы рыдали вздымали руки к Зевесу в ужасе от преступления, совершенного перед нашими глазами, но ничего не могли поделать. Так циклоп беспрепятственно набил свою огромную кишку человеческим мясом и залил парным молоком. А потом он растянулся поперек грота посреди своих стад и уснул.

Дерзким сердцем я прикидывал, не стоит ли подкрасться, выхватить острый меч, висевший у меня на боку, и пронзить его тело, нащупав пальцами уязвимый дых меж сердцем и печенью. Но по раздумью я удержал удар, ибо им я окончательно скрепил бы наш рок: крепости наших мышц не хватило бы откатить огромную плиту, которой он запер вход в пещеру. И так всю ночь мы стенали от горя, ожидая Зари. А когда она засияла, великан проснулся, разжег свой костер, подоил скот по порядку и подложил сосунков под маток. А окончив свой хлопотливый промысел, он схватил еще двоих из нас, и те послужили ему дневным пропитаньем. Затем он погнал свой гладкий скот из пещеры, так же легко отодвинув огромный заслон и задвинув его, как мы шелкаем кровлей колчана. Лихо улюлюкая животине, циклоп повел ее в холмы, оставив меня в заточенье строить ему козни в глубине души. Так я искал путей сквитаться с чудовищем, как только Афина пошлет мне вымоленную оказию.

Из всех моих замыслов лучшим показался мне этот: в овечьем загоне стояла огромная дубина циклопа, а точнее — свежий ствол маслины, из которого он собирался сделать себе посох, как просохнет. Мы же равняли его с мачтой двадцативесельного черного корабля, эдакого широкопалубного купца дальнего плавания — таким он был длин-

ным и толстым. Я оседлал его, отхватил сажень кусок и передал его товарищам, призывая заточить его. Они обстрогали его довольно ровно, а я подсобил им заострить конец. Затем я взял его и вращал в пылающем костре, пока острие не спеклось, как твердый уголь. Тогда мы спрятали его под овечьим пометом, лежавшим грудками повсюду в пещере. И наконец я приказал своим людям бросить жребий, кому выпадет отчаянная задача помочь мне поднять кол и засадить ему в глаз, когда тяжкий сон уложит его. Везенье послало мне как раз тех четверых, которых я бы выбрал и с открытыми глазами. Себя я назначил пятым.

Циклоп вернулся под вечер, гоня свои долгорунные стада, и прямо вогнал их всех под широкие своды пещеры, всю эту массу жира и шерсти, ни одного не оставив на внешнем дворе. Было ли у него что на уме, или один из Богов так провидел? Затем он поднял огромный дверной камень и втиснул его на место перед тем, как усесться за дойку. Вновь брал он по очереди каждую овечку и шумливую дойную козу, а потом подкладывал под них сосунков. Споро он ладил со своими домашними обязанностями, а управившись, схватил еще двоих из нас и закусил ими. Тогда я подошел к великану с хмельной чашей темного вина в руке и подал ему, говоря: "Циклоп, поди запей ужин из человечины людским вином, убедись, сколь сладостное зелье хранилось на нашем судне. Я принес его тебе в надежде, что ты явишь сострадание и поможешь нам добраться домой; но твоя немудрость превосходит любое понимание. Грешник, да можешь ли ты рассчитывать, что другие европейцы посетят тебя, когда ты так неучтиво с нами обошелся?" — сказал я. Он взял и выпил.

Ярая радость восстала в нем от сладости питания, и он потребовал еще одну чашу, говоря: "Долей-ка мне от души, странник, и живо скажи свое имя, я преподнесу тебе гостевой дар, что согреет твое сердце. И впрямь, наша тучная почва рождает полные лозы циклопам, и влага небес умножает их плод, но этот настой — чистый нектар и амброзия". Так он провозгласил, и я сразу налил ему вторую чашу искристо-

го вина, а затем и еще одну, и так он по дурости хлопнул три полные чары.

Винные пары затянули циклопу смекалку и я повел с ним игру медовой речью: "Циклоп, ты спросил о моем мирском имени: я в голос поведаю тебе, а ты дай мне обещанный гостевой дар. Имя мне — Никто: так всегда меня прозывали отец и мать и все мои друзья", — сказал я. И он ответил жестокосердно: "Я съем тебя, Никто, последним, после всех твоих друзей. Сначала других — это и будет твой подарок".

Он растянулся во всю длину брюхом кверху на земле, уронив жирную шею на бок, и сон, покоряющий всех людей, покорило и его. Тяжело выблевал он питейный груш и ошметки человеческого мяса, плавающие в вине, вырвались с клекотом из его глотки.

Тут засадил я наш кол глубоко в уголья костра, чтоб он раскалился, и приободрил товарищей ударной речью, чтоб они не терялись от страха.

Вскоре оливковый кол, хоть и полный соков, почти запылал устрашающим огненным свечением. Я выхватил его из огня, с помощью моих людей. Вышняя сила вдохнула в нас безумное мужество, и оно дало нам силы ринуться с этим гигантским копьем и вонзить его острие прямо в глаз великана. Я навалился на него всем весом, чтоб он пробурлил сам себе путь до упора. Как корабельщик сверлит буравом доски с пособием ремня из кожи, который его подмастерья тянут внизу туда и сюда, так и мы удерживали пылающий заточенный кол в его глазу и крутили его, пока кипящая кровь не забурлила вокруг огненного столпа. Ресницы и веки скукожились и засмердели при разрыве его поглощенного горением яблока: воистину, самые корни глаза рассыпались пламенем. Как кузнец погружает в холодную воду лезвие топора или секиры, и оно сердито шипит (так обрабатывают железо и прочность его — от закалки) — так и его глаз зашипел вокруг оливкового кола. Он испустил дикий рев, загрохотавший по стенам грота, и мы в ужасе заметались перед ним. Он выкорчевал деревянный кол из гла-

за, и тот вышел весь облепленный кровавыми сгустками и засыхающей кровью.

Сводящая с ума боль заставила его выронить кол из рук и истошно завопить, вызывая прочих циклопов, живших неподалеку в своих вертепах на обдуваемых ветром холмах. Те услышали его крик и стянулись к закрытой пещере, спрашивая, что за беда приключилась: "Никак занедужил, Полифем, коль рычишь посреди божественной ночи и мешаешь нам спать? Не придумывай, будто простой смертный насильно угоняет твои стада или губит тебя мощью рук или обманом". Великий Полифем заорал им в ответ из пещеры: "Никто бы не справился со мной силой. Это все уловки". На это они отрезали в ответ: "Если ты один и никто на тебя не нападает, то боль твоя — неизбежная мука от Зевеса, — обратись к своему отцу, царю Посейдону, с мольбою".

Они разошлись, а мое ретивое ликовало, что я смог провести их своей прекрасной, остроумной уловкой с этим фальшивым именем. Циклоп же стенал в крайних муках. Он щупал руками вокруг, пока не нащупал и вынул камень у входа. Затем же он уселся у зева пещеры, растопырив пальцы, чтобы поймать тех, кто попытается улизнуть вместе с овцами. Таким уж дураком он меня считал: а я ломал себе голову, как бы выбраться и спасти себя и товарищей от гибели, ибо мы и впрямь были в пасти у смерти.

Много планов и мыслей я перебрал, чтоб жизнь сберечь, но лучшим, наконец, я счел следующий ход: некоторые бараны были рослой породы, огромные тонкорунные чудные звери почти пурпурной глубины масти. Я бесшумно связал их по три поперек гибкими лыками, которыми была оплетена лежанка злого чудища. К среднему барану я привязывал человека, а бараны по бокам огоражали его от раскрытия. Выходило по три барана на каждого матроса, а для меня оставался вожак стада. Я схватил его, забился под его мохнатое брюхо и, собравшись с непреклонным мужеством, повис, лицом кверху, обвив руки густым руном. Так мы ждали зари с великим содроганием. Чуть зарделось, бараны устремились на пастбища, но овцы еще крутились в своих заго-

нах недоенные, с лопающимися от молока выменами — сосцами, горестно поблеивая. Их владетель, вне себя от страшной боли, ощупывал спины проходивших мимо баранов. Тугоум и не подозревал, что под их рунистыми боками были привязаны люди.

Последним на выход пошел вожак, напряженно ступая под весом шерсти и моим, строителя тонких козней. Мощный Полифем погладил его и сказал: "Милый баран, почему ты последним во стаде выходишь наружу? Доселе ты не отставал от других, но первым вольно вышагивал по ниве, щипал клевер, и первым мчался к горным ручьям на водопой; а вечером, когда наступало время вернуться, ты первым поворачивал домой. А тут ты приходишь последним! Чувствуешь ли ты, что твой повелитель утратил зренье, что меня ослепил этот злодей, с его жульем-командой, обессилив меня своим вином, этот Никто, который, я клянусь, еще не улизнул от смерти? Коль только ты мог почувствовать то, что чувствую я и владел бы даром речи, чтоб сказать, куда он забился от моего гнева. Как бы я расшиб его мозги оземь и разбрызгал их по всей пещере, чтоб утешить сердце от мук, причиненных этим ничтожным Никто!"

Он нежно подтолкнул барана к выходу, наружу. Когда мы отделились от пещеры и ее подворья, я отцепился и затем освободил своих людей. Часто оглядываясь, мы погнались ногастое стадо, жирных матерых зверей вниз к кораблю, где вид наш порадовал товарищей при мысли о смерти, которой мы избежали. Они хотели было зарежаться и оплакать павших, но я не допустил. Сурово я насупил брови, пресек их рыданья и послал их вместо этого резкими жестами таскать гладкорунных животных на корабль и поскорее отваливать в открытое море. Они немедля оказались на борту на своих банках, лихо сели и загребли "на воду", так что море побледнело под взмахами их весел.

Но когда мы отделились от земли на расстоянье окрика, я окликнул циклопа со злорадным презрением: "Что ж, циклоп, не судьба тебе была или силенки не хватило похрять всех спутников этого плюгавого человечка во мраке

своей пещеры? Судьба обратила твою зловредность на тебя — в должную кару за безбожие, за то, что посмел есть гостей у себя в доме. Зевес расквитался с тобой при согласии прочих Богов".

Мой крик еще ужаснее уязвил его сердце. Он сорвал макушку огромной горы и запустил ею в черноротный корабль, но на волосок дал перелет. Скала почти шваркнула по румпелю. Море взгрудилось над местом, где она рухнула, и отдача приливной волной из глубин стремительно повлекла нас к земле, вплоть до самого берега. Я схватил длинную жердь, и ею, как шестом, взял на укол, подав головой знак команде подналечь на весла, чтоб избежать катастрофы. Они напрягли спины и гребли, пока мы не отошли на вдвое дальнейшее расстояние от берега. И здесь я бы еще раз поддразнил циклопа, но мои товарищи, каждый на свой лад, стали меня мягко разубеждать, протестуя: "Сорви-голова, зачем еще бесить этого свирепого монстра, который последним смертоносным броском так близко подогнал наше судно к берегу, что мы уже считали себя покойниками? Если бы он и сейчас услышал хоть шопот наш, он сокрушил бы наши головы и шпангоуты судна под тяжестью шершавой скалы, этот несравненный метатель".

Так они зывали ко мне, но гордость мою нельзя было унять. И затем я вновь пролил все злорадство сердца на него: "Циклоп, если люди спросят, как столь безобразно тебя обезглазили, скажи, что Одиссей, сокрушитель городов, сделал это, сам сын Лаэрта, чей дом на Итаке".

Так я крикнул, и жалостно прозвучал его ответ: "О несчастный день, что узрел исполнение старинного оракула. Жил с нами великий и добрый провидец, Телем сын Эврима, знатного кобника; он провел всю жизнь меж нас, циклопов, занимаясь этим искусством. Он предрек, что по прошествию многих дней я потеряю свет очей в руках некоего Одиссея.

С тех пор я всегда был настороже, ожидая прихода эдакого брызжущего силой гиганта, что грозно двинется на меня, а вместо этого появился жалкий, плюгавый пигмей и

украл мой глаз, замутив зельем мое соображение. Смотри, милый Одиссей, воротись ко мне и прими мое подношение гостю вкупе с Божьей помощью и попутным ветром, а их я добуду для тебя у великого Потрясателя земли: ибо Посейдон слывет мне отцом, а я смею зваться его сыном. Он по милости своей исцелит мое увечье, чего не могут сделать другие блаженные Боги и люди". "Исцелить твоё зренье, — крикнул я ему в ответ, — даже Потрясатель земли никогда не сможет! Дали б мне Боги столь же верную власть вырвать твою душу и послать в Ад, как наверно я это знаю!"

Но тут он возвел руки к звездной тверди и взмолился своему Господу, Посейдону. "Внемли мне, темнокудрый земледержец, коль и впрямь я твой, а ты мой породитель, окажи мне милость, чтобы не было возврата домой сему Одиссею, сыну Лаэрта с Итаки. Но коль суждено ему вновь узреть друзей в своем поместье и на отчизне, пусть прибудет туда запоздало и несчастно, на чужом корабле, потеряв всю команду. И пусть дома поджидают его забота и горе". Так он взмолился, и темный Бог внял ему. Затем исполин склонился к скале (куда больше прежней), раскрутил ее с неизмеримой силой и запустил в нас. И она упала совсем рядом, но на этот раз с недолетом, чуть-чуть не расплющив кормило. Море вздыбилось под махиной рухнувшего камня, и волна вскипела и понесла нас мористее, прямо к острову, где лежали мои прочие ладно-палубные суда, а команда тосковала рядом, что мы столь давно не возвращались.

Мы закатали киль круто в песок и сошли на берег, гоня перед собой циклоповых овец. Их мы поделили, и я тщательно проверил, чтоб никто не остался без своей части добычи. Мне же воины поднесли вожака в знак почета, и я посвятил его Собирателю туч Зевесу, сыну Крона, Царю Вселенной. Ему я принес в огненную жертву отборные части бедер. Но Зевес презрел мою жертву и задумал погубить мои стройные корабли и надежных соратников.

Наконец, солнце стало опускаться над нами, а мы сидели, набивая животы невероятным обилием мяса и сладким вином. Когда солнце село и тени упали, мы легли на краю

воды почивать до розового рассвета зари, а тогда я поднял свой отряд и призвал отчалить и пуститься в путь. Вскоре все поднялись на борт на свои банки, сели к веслам и вспенили море равномерными гребками. Грустным было наше отплытие, затем что потеряли мы часть дружины, и радостным, затем, что спасли наши души от смерти.

А.И.РУБИН
СТАТЬИ О РУССКИХ ПОЭТАХ.
Из философского дневника

Издательство "Лексикон". Иерусалим
 189 стр. Цена — 5 дол. с пересылкой

Автор (1888-1961) был философом и большим знатоком русской литературы и поэзии. Поскольку его взгляды не совпадали с официальной советской идеологией, его работы не могли быть напечатаны в СССР.

В сборник включены статьи о поэзии Пушкина, Тютчева, Лермонтова и Баратынского, статья "Что такое философия" и отрывки из философского дневника.

Сборник открывается биографическим очерком об А.И.Рубине, написанном его сыном Виталием (1923-1981) Заказы направлять по адресу:

J.Rubin. Gilo, 62-15 Jerusalem 93756. Israel

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

Александр Орлов
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...

...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...

...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...

...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...

...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, РАДЕКА...

...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...

...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...

...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...

...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов. Цена книги — 15 долларов. Пересылка — 1 доллар.

Заказы и чеки высылать по адресу:

Time and We
475 Fifth ave, room 511 —A
New York, New York 10017

МИР И ФАНТАЗИЯ ХУДОЖНИКА

Когда раздумываешь над работами Анатолия Крынского, то невольно оказываешься в каком странном, метафизическом мире, который не так-то просто расщепить на всем нам привычные, знакомые категории: вот это де предмет художника, это его школа, это традиция, а это стиль и манера... У Крынского было довольно много выставок, а, следовательно, немало и критиков, успевших высказать свое "компетентное" мнение. Следом за ними можем и мы, например, повторить, что искусство его подразделяется на духовное и светское, что он сюрреалист и последователь Босха или что он неокубист, преобразующий и реформирующий иконотворчество. Но все это приблизит нас к пониманию художника ровно настолько, насколько мы приблизимся к нему, если, например, заявим, что Крынский работает в манере мастеров древнего Египта или что любимейшей формой его является маска, или что среди многих жанров особый интерес вызывает у него натюрморт.

Я еще раз убеждаюсь: как сильны стереотипы оценок, никак не поспевающие за поступью искусства. У каждого угла мы ратуем за своеобразие. Но чем своеобразнее художник, тем менее применимы к нему клише.

Крынский и сам говорит, что сегодня более, чем что-либо его воображение пленит древний Египет. Но менее всего тут желания копировать работы египетских мастеров. "Меня, — продолжает он, — интере-

сует их манера лишь постолько, поскольку помогает мне воссоздать наш наэлектризованный, стремительный, сумасшедший мир". "Принцесса" Крынского — это особая принцесса, которая, может быть, и пришла в Нью-Йорк из Древнего Вавилона, но египтянка она лишь по своему лику, египетская у нее лишь маска, за которой мы просто не можем не почувствовать живого, бьющего пульса современности. Один из критиков писал о тематическом разнообразии Крынского, но у меня ощущение, что тема, сюжет вообще не так уж важны для художника, точнее, они даже не существуют для него в нашем привычном понимании. Будет это "Арлекин" или современный город, или "Автопортрет с женой", или "Королева и принц" — все это фантастический мир, где напрасно вы будете искать знакомого вам с детства Арлекина или какие-нибудь там нью-йоркские небоскребы. Сюжет — это повод, толчок, импульс, — называйте это, как хотите, но это только стартовая площадка — и не более! — для разгула фантазии художника. Полунагая женщина, зажата в тисках бетонных причудливых фигур. Обнаженная грудь. Над головой скрюченная кисть — она то ли куда-то рвется, то ли от кого-то бежит. Что это? Крынский говорит нам, что это — "Человек и город", он еще добавляет, что таким он видит Нью-Йорк, хотя внешне нет тут ни малейшего сходства — разве лишь только пульс Нью-Йорка да еще, может быть, невидимо давящая вас тяжесть этого города.

В нашей беседе Анатолий Крынский все чаще возвращается к теме древнего Египта. Там де находит он неисчерпаемый материал для вдохновения. Но только ли там? А откуда его полные жизни, сияющие, причудливые, фантастические натюрморты, эти поражающие своей красотой тыквы, эта живая, и опять же наделенная собственным характером скамейка, наконец, эти буквы — целый цикл наделенных своими манерами и темпераментами букв. "Откуда? Все очень просто. У каждой буквы свой характер, если хотите, психологический облик, — совершенно серьезно объясняет Анатолий Крынский, — например, что вы скажете о букве "P"? Не приходилось ли вам замечать в ее облике что-то шутовское, что-то от всем знакомого образа Петрушки..."

Так я и не получаю ответа, откуда черпает художник материал для своего фантастического мира? Скорее всего, этот мир в нем самом, это и есть его внутренний мир, может быть, это его особое, фантастическое видение, присущее настоящему мастеру и отличающее его от всех нас, смертных. Впрочем, здесь я хочу поставить точку, а то еще скажу какую-нибудь банальность о кубистах, сюрреалистах или о Иерониме Босхе и его последователях.

В. ПЕТРОВСКИЙ

"Человек и город". Холст, темпера.

"Принцесса". Холст, темпера.

"Автопортрет с женой". Рельеф. Песок, масло.

Маска из серии "Лица предков". Холст, масло

"Наследник", Холст, масло.

"Двое". Холст, темпера.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

МИЛАН КУНДЕРА — родился в Брно, в Чехословакии. После Второй мировой войны вступил в коммунистическую партию, и в 1948 г., еще в студенческие годы, был из нее исключен. После университета, перед тем как стать профессиональным писателем, Кундера сменил несколько профессий: от рабочего и музыканта в джазе до профессора в Пражском институте кинематографии. После вторжения советских войск в Чехословакию был уволен с работы и эмигрировал на Запад. В 1975 г. поселился во Франции. Произведения Милана Кундеры переведены на многие языки.

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ — чешский драматург, эссеист, публицист. Родился в 1936 году в Праге. С юных лет жизнь Гавела связана с театром: в молодости он был техником-осветителем, затем ассистентом режиссера, и в 1967 году окончил театральный факультет Академии искусств. В 1967 году, во время Пражской весны возглавил объединение независимых писателей. После оккупации Чехословакии Гавелу была запрещена всякая писательская деятельность, и в первой половине семидесятых годов он вынужден был работать чернорабочим на пивоваренном заводе. В 1977 году Гавел стал одним из трех представителей Хартии-77. В 1979 году Вацлав Гавел был арестован и осужден на четыре с половиной года за свою диссидентскую и писательскую деятельность. За писательские работы Гавелу было присуждено несколько европейских премий, он был избран почетным доктором Йоркского университета (Канада).

ВЛАДИМИР ВИШНЯК — писатель, литературный критик, переводчик. Из Советского Союза эмигрировал в 1972 году. Вначале жил в Иерусалиме. В настоящее время живет и работает в Англии. Неоднократно выступал на страницах журнала "Время и мы".

СТАНИСЛАВ ДУМИН — стихи пришли по каналам Самиздата, и редакция не располагает сведениями об авторе.

А.ГОСПОЛЕДЬ — стихи пришли по каналам Самиздата, и редакция не располагает сведениями об авторе.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ, ЕЛЕНА КЛЕПИКОВА (муж и жена) — постоянно выступают как соавторы в ведущих американских газетах и журналах. Эмигрировали из СССР в 1977 году. До эмиграции жили и работали в Москве. За выступления против цензуры и антисемитизма были исключены из Союза писателей и Союза журналистов. Несмотря на преследования, Соловьев и Клепикова создали независимое агентство печати, которое издавало бюллетень, распространяемый на Западе. В США Соловьев и Клепикова работают для американских изданий. Они авторы книги "Юрий Андропов" (вышла на английском языке в издательстве Мак-Миллана, 1983), печатаются в газетах: "Нью-Йорк Таймс", "Дейли Ньюс", "Вашингтон Пост" и др.

БОРИС МОЙШЕЗОН — родился в 1937 г. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию в области алгебраической геометрии. В 1972 г. выехал в Израиль. С 1972 по 1977 год был профессором математики Тель-Авивского университета, а с 1977г. по настоящее время профессор математики Колумбийского университета. Автор крупных открытий в алгебраической геометрии, в частности, создал теорию пространств, получивших название "пространств Мойшезона".

СОЛОМОН ЦИРЮЛЬНИКОВ — см. журнал №85 за 1985 - й год.

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ — писатель, критик, эссеист. В 1965 г. за свои книги, вышедшие на Западе под псевдонимом Абрам Терц, был арестован и приговорен к семи годам лагерей строгого режима. Не Запада с 1972г. Автор книг "Мысли врасплох", "Прогулки с Пушкиным", "Голос из хора", "В тени Гоголя", "Крошка Цорес", "Спокойной ночи".

МАРИЯ РОЗАНОВА — жена и сотрудник Андрея Синявского. Редактор журнала "Синтаксис", редактор и издатель книг, выходящих в одноименном издательстве. На Западе, как и ее муж, с 1972г. Подробнее о жизни Андрея Синявского и Марии Розановой читайте в их интервью профессору Джону Глэду.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ — писатель, главный редактор журнала "Континент". В 1973 г. был исключен из Союза писателей СССР и с 1974 г. живет на Западе, в Париже. Автор книг: "Семь дней творения", "Карантин", "Прощание из ниоткуда", "Ковчег для незваных", "Сага о носорогах", "Чаша ярости". Подробнее о жизни Владимира Максимова читайте в его интервью профессору Джону Глэду.

ДЖОН ГЛЭД — профессор Мэрилендского университета. Родился в штате Индиана, окончил Индианский и Нью-Йоркский университеты. Специалист в области советологии, русского языка и литературы. Заведовал институтом Кеннана по изучению России. Его перевод "Колымских рассказов" Шаламова на английский язык был удостоен премии как один из пяти лучших художественных переводов Америки за 1980 год. Автор многих книг и статей. За свои славистские и переводческие работы Джон Глэд удостоен приза Гугенхайма, в 1985 г. им было опубликовано семнадцать статей в "Энциклопедии русской литературы" Ейльского университета.

ВЛАДИМИР БУРЦЕВ — известный русский публицист. Родился в Петербурге в 1862 г. Автор многих книг по истории революционного движения в России. Известен как разоблачитель провокаторов в революционном движении, в частности, именно Владимир Бурцев разоблачил Азефа. В 1920 г. уехал во Францию. В эмиграции редактировал исторические журналы. Умер в 1942 году.

ИСРАЭЛЬ ШАМИР — родился в 1947 году в Новосибирске. Занимался в университете на юридическом и математическом факультетах. В 1969 году приехал в Израиль. За годы эмиграции объездил Вьетнам, Конго, Японию, Непал, Исландию и другие страны. Публиковался во многих израильских и западных изданиях, автор перевода Агнона, Джайса и др. В 80-м номере журнала "Время и мы" в переводе Израэля Шамира опубликована глава из "Улисса" Джеймса Джойса "Циклоп".

Григорий СВИРСКИЙ ПРОРЫВ

Роман о судьбе эмиграции из СССР

Рецензент лондонской газеты "Таймс" Э.Литвинов так писал об английском издании романа Григория Свирского "Заложники" ("Кнопф", 1976 г.): "Горечь отверженности, разделенная многими советскими евреями, дает свой привкус каждой странице "Заложников". Похоже, что от расточительства такого патриотизма и такого таланта советское общество теряет гораздо больше, чем оно думает".

Джон Эриксон в "Сэнди Таймс": "Описание этого соединения жестокости, шовинизма и антисемитизма... как санкционированного состояния умов оставляет неизгладимое впечатление".

В новом романе "Прорыв" Свирский остается верен себе и своему таланту. Главные действующие лица — люди, которых судьба поставила перед моральной дилеммой: остаться жертвами, покорно принимающими советскую действительность, или вступить в отчаянную борьбу за право эмиграции. Суды за изучение иврита, "Самолетный процесс", "Письмо 39-ти", травля еврейских активистов — вся документальная канва еврейской эмиграции сохранена автором в романе.

Но не менее драматичными оказываются и главы, посвященные жизни героев в Израиле и на Западе. Неизбежная идеализация "земли обетованной", придававшая им силы в неравной борьбе, оказалась для многих источником мучительных разочарований при столкновении с реальностью. Чудовищная этническая и культурная чересполосица в молодом государстве, окруженность врагами, ограниченность природных ресурсов, приливы и отливы эмиграции, бескорыстный энтузиазм и цепкая коррупция — все дано автором через реальные, человеческие драмы, через судьбы героев.

"Прорыв" — многоплановая эпопея, созданная пером мастера, яркое историческое полотно, посвященное одному из самых драматичных эпизодов новейшей истории: "исходу" сотен тысяч евреев (а затем и неевреев) из России на Запад.

Цена книги (560 стр.) — 18 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу:

Hermitage Publishers of New Russian Books
2269 Shadowood Dr., Ann Arbor, MI 48104

Digest for the 88th issue of "VREMYA I MY" (Time and We)

MILAN KUNDERA, "The Unbearable lightness of being" (chapter 6 of the novel).

Philosophical prose by the outstanding Czech emigre writer. Kundera writes how all totalitarian regimes are accompanied by a phenomenon called "kitsch". "Kitsch" is evil, veiled in lofty slogans, it is falsehood, which so often characterizes the behavior of contemporary politicians, especially in the totalitarian world.

VATSLAV GAVEL, "The Reception" (a play).

The play is based on the conflict and tragedy of a creative individual in Czechoslovakia today. The main character of the play, Ferdinand Vanek, is not allowed access to creative activities and is compelled to find work doing hard manual labor. Also, the officials at his socialistic undertaking constantly mock and humiliate him, forcing him to write letters denouncing himself.

VLADIMIR VISHNYAK, "Israeli Suite" (humoristic poetry).

STANISLAV SUMIN, "Messianic Signs" (poetry Samizdat).

A. GOSPOLED "Bolero" (poetry Samizdat).

VALDIMIR SOLOVIEV & YELENA KLEPIKOVA, "The Kremlin Struggle." Chapters from a book soon to be published by "Dodd, Mead" publishers and "Vremya i My". It is about the struggle for power in the Kremlin, from Andropov to Gorbachev.

BORIS MOISHEZON, "The Career and Honesty of a Scholar."

An article by the professor of mathematics at Columbia University, about the teaching conditions in totalitarian and democratic societies, scholarly motivation, and the moral climate producing revolutionary upheavals in education.

SOLOMON TSIRULNIKOV, "Israel 1986."

An analysis of the current political situation in Israel.

JOHN GLAD, "Iconoclasts and Tradition."

Two interviews by a Maryland University professor. One, with writer Andrei Siniavsky and editor of the journal "Sintaksis" Maria Rozanova, the other, with writer Vladimir Maximov. Two opposing views in the third emigration. A discussion about Russians, the West, Solzhenitsyn, the future of Russia and the third emigration, etc. The participants discuss opposing points of view based on contemporary problems.

VLADIMIR BURTSEV, "The Wise Men of Zion' and the Russian Anti-Semites."

The story of a fake. How the "Protocols of the Wise Men of Zion" came into being. A socio-historic and textual analysis of the "Protocols of the Wise Men of Zion" used by fascists and totalitarian regimes.

ISRAEL SHAMIR, "The Odyssey of the Cavalier Lawrence."

An essay about one of the outstanding translators of Homer. An excerpt from "Odyssey-Cyclops", song 9. Translated from Greek into English by Lawrence and from English into Russian by Israel Shamir (from "Our Publications" section).

Илья ЗЕМЦОВ
СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Словарь-справочник. В нем проанализированы основные механизмы советского языка и, следовательно, советской пропаганды,
431 стр. — 8 ф.ст.

Дора ШТУРМАН и Сергей ТИКТИН
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Самый полный сборник анекдотов, когда-либо изданный в Зарубежье. Статьи в этой книге (вступительная ко всему материалу и затем перед каждой из глав) дают анализ картины, возникающей в анекдотах
470 стр. — 12.50 ф.ст.

В.Д.НОСОВ
"КЛЮЧ" К ГОГОЛЮ

Опыт художественного чтения
Вступительная статья Бориса Филиппова

Апология Гоголя как религиозного мыслителя и проповедника. (Серия "Самиздат").
140 стр. — 3.50 ф.ст.

Юрий ЛЮБИМОВ
СЦЕНИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ "МАСТЕРА И
МАРГАРИТЫ" М.А.БУЛГАКОВА

Вступительная статья Анджея Дравича

Сделанный Юрием Любимовым в Московском театре на Таганке спектакль был событием в советской театральной жизни, а сегодня стал уже легендой
Текст инсценировки печатается впервые.
104 стр. — 3 ф.ст.

М.И.ВОЛОДАРСКИЙ
СОВЕТЫ И ИХ ЮЖНЫЕ СОСЕДИ ИРАН И
АФГАНИСТАН (1917 - 1933)

Предисловие С.Могилевского
Книга повествует о событиях, которые отдалены от нас 50-60 годами, но эти события по сей день привлекают к себе самое пристальное внимание. Методы шантажа и провокации, дезинформации и открытой агрессии, к которым СССР прибегал в те годы, остались неизменными
242 стр. 6.50 ф.ст.

Михаил ХЕЙФЕЦ
ВОЕННОПЛЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Повесть о Паруйре Айриkyане
Увлекательная книга о лагерном товарище автора, руководителе Национальной Объединенной партии Армении, который сыграл важнейшую роль в истории армянского сопротивления, "внеся в него правозащитные элементы демократии в национальной борьбе".
238 стр. 4 ф.ст.

Марк ПОПОВСКИЙ
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Он, она и советский режим
"Я пытаюсь разобраться, как извечные отношения мужчины и женщины деформируются под влиянием советских законов, идеологии, советских традиций и судебно-лагерной системы".
(Об этой книге),
458 стр. 9 ф.ст.

Валерий ФЕФЕЛОВ
В СССР ИНВАЛИДОВ НЕТ!..

Жизнь и судьба инвалидов в СССР и на Западе
163 стр. 5 ф.ст.

Виктор КОНДЫРЕВ
САПОГИ — ЛИЦО ОФИЦЕРА

312 стр. 8 ф.ст.

Книга удостоена премии им. Даля за 1985 год

Бранко ЛАЗИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

"Никита Хрущев, Доклад на закрытом заседании
XX Съезда КПСС"

Перевел с французского А.Юссен

Никита Хрущев

Доклад на закрытом заседании XX Съезда КПСС

"О культе личности и его последствиях"

164 стр. 4 ф.ст.

САХАРОВСКИЕ СЛУШАНИЯ

Четвертая сессия

Редактор-составитель Семен Резник

"Четвертые Сахаровские Слушания проходили в Лиссабоне с 12 по 14 октября 1983 года. (...) Все выступления свидетелей и членов жюри записывались на магнитофон. Эти магнитозаписи легли в основу настоящего издания. (...) На Слушаниях рассматривалось четыре основных вопроса:

1. Положение А.Д.Сахарова в его бессрочной ссылке в Горьком. 2. Нарушение интеллектуальной свободы в СССР. 3. Положение в Польше. 4. Положение трудящихся в СССР".

Как известно, 10 и 11 апреля 1985 года в Лондоне состоялись очередные, Пятые Сахаровские Слушания. Их основная тема: Права человека в СССР — ситуация после Хельсинки. В Приложении к книге приведены: программа заседаний, текст резолюции, а также статьи, опубликованные в газете "Новое русское слово" и в еженедельнике "Русская мысль".

380 стр. 5.40 ф. ст.

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

ЭТО КНИГА О ПОБЕГЕ НА ЗАПАД ВИДНЫХ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ, ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ И ДИПЛОМАТОВ (ИГНАТИЯ РЕЙССА, ВАЛЬТЕРА КРИВИЦКОГО, ГРИГОРИЯ БЕСЕДОВСКОГО, ГЕОРГИЯ АГАБЕКОВА, АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА, БОРИСА БАЖАНОВА И ДР.), О ИХ СТРЕМЛЕНИИ ОТКРЫТЬ ЗАПАДУ ГЛАЗА НА СТАЛИНСКУЮ РОССИЮ, О ИХ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ЗАПАДНЫМИ РАЗВЕДКАМИ, О ПРОИСКАХ СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРЫ В ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РАСПРАВЫ НЕОТСТУПНО ПРЕСЛЕДУЕТ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ПЕРЕБЕЖЧИКА. РАНО ИЛИ ПОЗДНО РУКА СОВЕТСКОЙ ПОЛИЦИИ НАСТИГАЕТ ОДНИХ, И ПЕРЕД ВЕЧНОЙ УГРОЗОЙ РАСПРАВЫ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ЖИЗНИ ЖИВУТ ДРУГИЕ.

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД — ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ — ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНУЮ, УНИКАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, СОБРАННУЮ ИМ ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ.

КНИГА ПЕРЕЖИЛА НЕСКОЛЬКО ИЗДАНИЙ, ПЕРЕВЕДЕНА НА МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА И СЕЙЧАС ВПЕРВЫЕ ВЫШЛА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Цена книги — 15 долларов.

Заказы и чеки высылать по адресу: Time and We

475 Fifth ave, room 511 - A

New York, New York, 10017

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК"

КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ПЕЧАТИ:

Альманах "ЧАСТЬ РЕЧИ", № 6-7, 320 стр. . . . . 22.50 дол.

Этот номер альманаха посвящен трем выдающимся русским писателям — Булгакову, Платонову и Зощенко, сохранившим гуманистические традиции 19 столетия и определившим три основные грани в русской прозе 20 века. Помимо их произведений, а также воспоминаний и статей им посвященных, в альманахе включены произведения Г. Айги, Л. Губанова, Г. Горбовского, В. Попова, Е. Шварц, К. Вагинова, И. Ильфа, И. Бабеля, беседа И. Бродского с С. Волковым, М. Левидова, М. Бахтина, А. Толстого, Л. Брик, А. Толстого и других.

Венедикт ЕРОФЕЕВ, Вальпургиева ночь, или Шаги командора. Илл. Б.Свешникова, 120стр. . . . . 10.00 дол.

Новое произведение одного из самых своеобразных и загадочных современных русских прозаиков, автора знаменитой книги "Москва—Путушки", — это метафорически-философский взгляд на проблему "Ада на земле" передан в виде диалогов современных "юродивых", заключенных в психиатрическую больницу и трагически там погибающих.

Василий ГРОССМАН. Записки пожилого человека (Барэфдзес). 128 стр. . . . . 11.00 дол.

Одно из последних произведений выдающегося современного писателя, автора замечательных книг „Все течет“ и „Жизнь и судьба“ — эти записки по праву считаются его духовным завещанием, поскольку в них нашло полное отражение его мировоззрение. Судьба этих записок — их написание, цензурные перипетии, запреты на их публикацию — достаточно свидетельствуют о том, насколько они не могли вписаться в рамки советской официальной литературы.

Леонид ГРОССМАН. Исповедь одного еврея. 200 стр. . . . 15.00 дол.

Трагическая судьба Ковнера, известного журналиста, писателя, литературного критика и мемуариста, прозванного „еврейским Писаревым“, полная взлетов и крушений, была озарена перепиской с Ф. М. Достоевским, дающей богатый материал для размышлений о сложном отношении великого русского писателя к еврейскому вопросу. Дружба и переписка Ковнера с В. В. Розановым также касалась еврейского вопроса, далеко не случайно для творчества последнего. Однако их переписка, помимо иудаизма, касалась и христианства, и атеизма и многих философских вопросов. Впоследствии Розанов, как и Достоевский, включил фрагменты переписки с Ковнером (сделав к ним комментарии) в одну из своих книг.

БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ. Роман 25 писателей. 196 стр. . . . . 15.00 дол.

Коллективный роман 25 писателей — беспрецедентный опыт в истории мировой литературы. Роман написан самими известными советскими писателями того времени, которые задумали как бы погрузиться в самую гущу жизни. Каждый из авторов, а среди них такие, как А. Грин, Л. Леонов, И. Бабель, А. Толстой, В. Зощенко и др., сохранив свой стиль, свой литературный почерк, создали единое, цельное произведение. В романе, написанном на одиннадцатом году советской власти, отразились многие черты современности — здорового человека сажают в сумасшедший дом, угрозык взаимодействует с уголовниками, происходят события, в которых трудно уловить здравый смысл. Не случайно авантурный сюжет „Больших пожаров“ послужил толчком к появлению легендарных „Двенадцати стульев“ и „Золотого тельца“.

Михаил ОСОРГИН. Кануны. Воспоминания и встречи. 160 стр. . . . . 12.00 дол.

В этой книге впервые собраны мемуарные очерки известного русского литератора М. А. Осоргина, автора 15 книг, высланного из Москвы в 1922 году вместе с группой известных писателей и ученых и проведшего большую часть жизни в эмиграции. На страницах этой книги читатель найдет рельефные портреты А. Белого, Е. Замятина, Б. Зайцева, В. Брюсова, А. Куприна, М. Цветаевой, а также описание значительных событий его жизни.

Юрий ДОМБРОВСКИЙ. Последняя встреча. 110 стр. . . . . 9.00 дол.

Воспоминания о ссыльных деятелях искусства, с которыми автору известных книг „Хранитель древностей“ и „Факультет ненужных вещей“ пришлось встретиться в местах заключения и в Казахстане ссылке, где он провел много лет, и составляют эту книгу.

Максимилиан ВОЛОШИН. Черубина де Габриак. 92 стр. . . . . 9.50 дол.

Это мемуарное произведение, написанное в 1930 году и выходящее впервые отдельным изданием, раскрывает одну из интереснейших страниц русской литературной жизни двадцатого века. Литературная мистификация, о которой рассказывается в этой книге, в свое время взбудоражила весь литературный Петербург. В приложении даны воспоминания лиц, имевших отношение к этой загадочной истории, — М. Цветаевой, А. Толстого, С. Маковского и других.

Михаил БАХТИН. О философии языка. 180 стр. . . . . 17.50 дол.

Основные проблемы социологического метода в науке о языке, изложенные выдающимся ученым, которого больше интересует соотношение единиц языка, каковыми являются слова, а соотношение единиц значения, каковыми являются высказывания, достаточно доступно выражено, несмотря на вынужденную необходимость иногда пользоваться марксистской терминологией. Эти идеи, выдвинутые М. Бахтиным более полувека назад, лишь недавно влились в поток мировой науки.

ДРУГИЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Константин ВАГИНОВ. Козлиная песнь. 200 стр. . . . . 12.00 дол.

Константин ВАГИНОВ. Труды и дни Свистонова. 178 стр. . . . 11.50 дол.

Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 1. 320 стр. . . . . 17.50 дол.

Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 2-3. 320 стр. . . . . 22.50 дол.

Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 4-5. 320 стр. . . . . 22.50 дол.

Михаил БУЛГАКОВ. Записки на манжетах. 128 стр. . . . . 9.50 дол.

Николай ОЛЕЙНИКОВ. Иронические стихи. 128 стр. . . . . 9.50 дол.

Венедикт ЕРОФЕЕВ. Глазами эксцентрика. 82 стр. . . . . 7.50 дол.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Мое завещание. 160 стр. . . . . 12.50 дол.

Маркиз ДЕ КЮСТИН. Записки о России. 160 стр. . . . . 15.00 дол.

Аполлиария СУСЛОВА. Годы близости с Достоевским. 200 стр. . . . . 15.00 дол.

Василий ЯНОВСКИЙ. Поля Елисейские. 280 стр. . . . . 17.50 дол.

Владислав ХОДАСЕВИЧ. Белый коридор. 320 стр. . . . . 17.50 дол.

Андрей ПЛАТОНОВ. Впрок. 96 стр. . . . . 7.50 дол.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

SILVER AGE PUBLISHING

P. O. BOX 384, REGO PARK, N. Y. 11374

ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" — 1986

УСТАНОВЛЕННЫ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость годовой подписки в США — 48 долларов; с целью экономической поддержки редакции — 55 долларов; для библиотек — 69 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу:

Time and We
415 Fifth Ave., suite 511-a, New York, New York 10017

Цена в розничной продаже — 12 долларов

Стоимость подписки в Израиле устанавливается израильским отделением журнала "Время и мы". Заказы и чеки высылать по адресу отделения: Иерусалим, Талпиот Мизрах, 422/6 (зав. отделением Дора Штурман-Тиктина).

Подписка из Франции, Германии и других стран мира может осуществляться как через главную редакцию в Нью-Йорке, так и через представителей журнала.

При подписке в главной редакции чеки высылаются только в американских долларах (т.е. это должны быть чеки американских банков или иностранных банков, имеющих в Нью-Йорке отделения).

При подписке через представителей журнала (или его отделения) стоимость подписки:

— во Франции — 450 франков; для библиотек — 650; с целью экономической поддержки журнала — 650 франков;

— в Германии — 150 немецких марок; для библиотек — 200; с целью экономической поддержки журнала — 200 марок.

Подписка авиапочтой — 96 долларов.

ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" — 1986

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Фамилия . . . . .

Имя . . . . .

Адрес . . . . .

Подписной период . . . . .

Прошу оформить подписку на журнал "Время и мы" на . . . . . год. Высылать с номера . . . . .

Журнал высылать обычной /авиа/ почтой по адресу

Подпись . . . . .

Примечание редакции: чек выписывается по-английски на имя журнала "Время и мы" /**Time and We**/.

Из Германии, Англии, Франции и других стран чеки могут высылаться либо непосредственно по адресу главной редакции, либо в адрес представителей журнала.

Подписка оплачивается в американских долларах чеками американских банков и иностранных банков, имеющих отделения в США, и высылается по адресу. **"Time and We"**

475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A, NEW YORK.
NEW YORK 10017. Tel. (212) 684-3014

Отвергнутые рукописи не возвращаются и по их поводу редакция в переписку не вступает.

MAIN OFFICE:

475 Fifth Ave, suite 511 a, New York N.Y. 10017

OCR и вычитка — Давид Титиевский, июнь 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

Корректура и набор на композере Аллы Маневич

Первую страницу обложки оформил художник Вагрич Бахчанян.

Copyright на фотографии Андрея Синявского, Марии Розановой и Владимира Максимова принадлежит Интернациональному Научному Центру имени Вильсона (Wilson International Center for Scholars).

На четвертой странице обложки:
Анатолий Крынский. "Арлекин". Холст, масло.

